

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Тема номера:
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – ИМЯ РОССИИ

2021/ № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. – д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. – д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. – д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. – д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. – д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. – д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. – д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2021. – № 1. – 170 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»**
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2021. – № 4. – 170 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА:

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – ИМЯ РОССИИ

Году Александра Невского посвящается	6
Багдасарян В. Э. Стратегия Александра Невского в контексте цивилизационных трендов тринадцатого столетия.	8
Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко) Александр Невский: между Западом и Востоком	22
Асонов Н. В. К вопросу о прозвищах и датировках рождения Александра Невского	35

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Коваль В. Ю., Николаева Н. А. Особенности фортификации Ростиславля Рязанского	48
Румянцев П. П. Золотопромышленная деятельность и золотопромышленное наследство А. Х. Бенкендорфа.	63
Печерский В. А. Красноярский краевой суд в послевоенный период (1945–1950)	75
Горлов В. Н. Фестиваль молодёжи в 1957 г. изменил СССР: первый прорыв «железного занавеса».	87
Доля Е. В., Телицын В. Л. Вопрос о визах для представителей Московской Патриархии американского экзархата Русской Православной Церкви как международная проблема конца 1940-х начала 1960-х гг.	98

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Шогунц А. В. Миграционная политика правого правительства в Италии в 2018–2019 гг.	115
Козьякова Н. С. Политический бренд «народного капитализма» во Второй Австрийской Республике (1950–1960 гг.)	125
Макеева С. Б. Региональная история КНР в период 1978–1999 гг.: усиление тенденций неравномерного регионального развития.	133
Вишнёвский Р. Роль Вышеградской группы в интеграции ЕС	142

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ:

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гранди Дж. Б. Политика Спарты.	152
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абрамов А. В., Абрамова Ю. А. Рецензия на книгу: Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в. : В 4 тт. М.: Политическая энциклопедия, 2020	162
--	-----

CONTENT

ALEXANDER NEVSKY IS THE NAME OF RUSSIA. DEDICATED TO THE YEAR OF ALEXANDER NEVSKY IN RUSSIA

- V. Bagdasaryan.** Strategy of Alexander Nevsky in the Context of Civilizational Trends of the Thirteenth Century 8
- Yu. Ierusalimskiy, Archimandrite Sylvester (Lukashenko).** Alexander Nevsky: Between East and West 22
- N. Asonov.** On the Topic of Alexander Nevsky's Sobriquets and Datings of Birth 35

NATIVE HISTORY

- V. Koval, N. Nikolaeva.** Features of the Fortification of the Town of Rostislavl Ryazansky 48
- P. Rummyantsev.** Gold Mining Activity and Gold Mining Heritage of A. Kh. Benkendorf 63
- V. Pechersky.** The Krasnoyarsk Regional Court in the Post-War Period (1945–1950) 75
- V. Gorlov.** The 1957 Moscow Youth Festival has Changed the Soviet Union: the First Breakthrough of the Iron Curtain 87
- E. Dolya, V. Telitsyn.** The Issue of Obtaining Visas for the Representatives of the Moscow Patriarchate and the Exarchate of the Russian Orthodox Church as an International Problem in the Late 1940s and Early 1960s 98

GENERAL HISTORY. POLITOLOGY

- A. Shogunts.** The Migration Policy of the Right Government in Italy in 2018–2019. 115
- N. Kozyakova.** The Political Brand of People's Capitalism in the Second Republic of Austria (1950–1960s) 125
- S. Makeeva.** Regional History of the People's Republic of China During 1978–1999: Strengthening Tendencies of Uneven Regional Development 133
- R. Višňovský.** The Role of the Visegrad Group in the EU Integration 142

MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT: FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

- Grundy G.B.** The Policy of Sparta 152

SCIENTIFIC LIFE

- A. Abramov, Yu. Abramova.** Book Review: Public Thought in Russia: from Ancient Times to the Middle of the Twentieth Century: in 4 Vol. M.: Political Encyclopedia, 2020 162

ТЕМА НОМЕРА: АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – ИМЯ РОССИИ. Году Александра Невского посвящается

Как известно, 2021 г. объявлен в России годом Александра Невского. Это даёт основание не только для соответствующих исторических обращений, но и для осмысления через призму его образа актуальных вызовов современности. В 2008 г. за Александра Невского было подано большинство голосов в телевизионном конкурсе «Имя России». И то, что именно его имя стало Именем России, имеет принципиальное значение для понимания преемственной связи российской истории. Образ Александра Невского пользовался огромной популярностью и в Московском царстве, и в Российской империи, и в СССР. При Иване Грозном князь был канонизирован в качестве святого и начинается его широкое почитание и прославление. При Петре I его мощи перевозятся в Санкт-Петербург в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь, что символизировало историческую преемственность между победоносным окончанием Северной войны и блистательной победой благоверного князя над шведами на берегах Невы в 1240 г. В Российской империи, а в дальнейшем – в СССР и в Российской Федерации был учреждён Орден Александра Невского. Поставленный режиссёрами Сергеем Эйзенштейном и Дмитрием Васильевым фильм «Александр Невский» стал одним из выдающихся шедевров советского киноискусства и сыграл важную роль в деле патриотического воспитания в СССР.

Какие же смысловые ассоциации применительно к сегодняшнему дню связаны с фигурой Александра Невского? Во-первых, с героикой воинского служения и ратной славой России. Во-вторых, с приоритетом нравственного начала над грубой силой, выраженным формулой «не в силе Бог, а в правде». В-третьих, с антизападным стратегическим выбором, сохранением цивилизационной идентичности и политической ориентацией на Восток.

Именно на третьей составляющей и было, прежде всего, акцентировано внимание в статьях настоящего специального тематического выпуска «Вестника Московского государственного областного университета». Результаты исследований позволяют сделать вывод об участии Александра Невского в большой стратегической игре XIII столетия, в рамках которой в борьбе за доминирование сталкивались различные религиозные проекты. В свете этих событий возникла насущная необходимость нового переосмысления феномена Монгольской империи и роли монголов-христиан в мировой истории.

Как показывают материалы приводимых исследований, открытым остаётся вопрос о дате рождения Александра Ярославича и о времени возникновения его прозвища. Кроме того, превращение Александра Невского в одну из главных фигур в идеологическом нарративе московских князей, по-видимому, не могло не привести к определённой корректировке восприятия его образа.

Представленными статьями отнюдь не исчерпывается тема о роли и месте Александра Невского в российской и мировой истории, а, напротив, ставятся новые вопросы и намечаются направления для дальнейших исследований. Но какие бы открытия не ждали бы нас на этом пути, в российском историческом созна-

нии Александр Невский навсегда останется фигурой знаковой, определяющей, по отношению к которой может быть использовано понятие «культурологический герой», то есть герой, определивший своей деятельностью параметры проекта национальной идентичности.

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-8-21

СТРАТЕГИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРЕНДОВ ТРИНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

Багдасарян В. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. В. Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Реконструировать стратегические ориентиры политической и религиозной деятельности Александра Невского в контексте мировых цивилизационных и геополитических трансформаций.

Процедура и методы. Осуществлено параллельное рассмотрение хода исторического процесса в рамках различных цивилизационных сообществ и их взаимодействия. Предложена интегрированная версия истории столетия, как столкновения различных религиозных проектов.

Результаты. Обоснована вероятность выдвижения и реализации Александром Невским стратегии «мягкой силы» для устранения угрозы с востока и расширения ареала христианской цивилизации путём распространения христианства среди монголов. Показана значимость христианской компоненты в монгольском сообществе XIII в., что позволяет оценивать такую стратегию как реалистичную.

Теоретическая и/или практическая значимость. Дан новый взгляд на восточную политику Александра Невского как политику активного религиозно-идеологического влияния, принципы которой могут быть использованы в современной культурной политике России.

Ключевые слова: Александр Невский, цивилизация, религия, монголы, «жёлтый крестовый поход», несторианство, православие, Византия, католицизм, Чингизиды

STRATEGY OF ALEXANDER NEVSKY IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL TRENDS OF THE THIRTEENTH CENTURY

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. To reconstruct strategic guidelines in the political and religious activities of Alexander Nevsky in the context of global civilizational and geopolitical transformations.

Methodology. The course of the historical process was simultaneously examined within the framework of various civilizational communities and their interactions. Rather than applying conventional analysis to the events of the 13th century in individual countries, an integrated version of the history of the century as a clash of various religious projects was proposed.

Results. The obtained results substantiated the likelihood of the advancement and implementation by Alexander Nevsky of the soft power strategy, consisting in removing threats from the east and expanding the boundaries of the Christian civilizational area through the spread of Christianity among the Mongols. The article shows the importance of the Christian component in the 13th-century

Mongolian community and its influence on the politics of the Mongols, which makes it possible to assess Alexander Nevsky's strategy as realistic.

Research implications. The theoretical significance of the study is determined by the rethinking of Alexander Nevsky's strategy as an active policy of religious and ideological influence. The practical significance of the article is associated with its potential for the formation of a new cultural policy of Russia in the eastern direction.

Keywords: Alexander Nevsky, civilization, religion, Mongols, "yellow crusade", Nestorianism, Orthodoxy, Byzantium, Catholicism, Genghisids

Вступление. Необходимость интегративного подхода к истории тринадцатого столетия

Тринадцатый век является, вероятно, одним из наименее осмысленных периодов за всю мировую историю. В это столетие произошли события, принципиально изменившие цивилизационную карту мира – гибель и восстановление Византийской империи, падение Хорезма, китайских империй Цзинь и Сун, Багдадского халифата, образование Монгольской империи и начало её распада, создание Делийского султаната, переход из рук в руки Иерусалима. Нельзя сказать, что перечисленные события представляют «тёмные страницы истории». Каждое по отдельности они описаны и хорошо известны специалистам. Но при этом можно утверждать, что традиции целостного осмысления тринадцатого столетия в проекции мирового исторического процесса не сложились. Возможно, причина отсутствия такого осмысления обуславливается трудностью сведения к единому знаменателю столь разновекторных политических свершений. Говоря современным политологическим языком, реализовывалось одновременно, по меньшей мере, четыре глобализационных проекта – монгольский, арабо-исламский, тюркско-исламский и европейско-католический. За каждой из экспансионистских волн стояла сообразно с временем та или иная религия, что позволяет характеризовать XIII в. как концентрированный период межрелигиозных войн.

Все эти особенности тринадцатого столетия совершенно не находят отра-

жения в традиционной учебной версии истории. В ней представлены лишь некоторые отголоски большого исторического нарратива – монгольское нашествие на Русь, отражение Александром Невским агрессии шведов и немцев на Западе, его выбор в пользу Орды в противоположность выбору Даниила Галицкого, отравление великого князя во время ордынской поездки. Между тем Александр Невский являлся современником многих из перечисленных выше событий мирового значения и не мог не реагировать на них, не учитывать в выстраивании собственной политической линии.

Цель представляемого рассмотрения заключается в восстановлении мирового контекста деятельности Александра Невского. При этом, ввиду неразрывности политики и религии для XIII в., основу проводимой контекстуализации составили религиозно-идеологические основания политических процессов. Вместо «лоскутной» истории отдельных сообществ в данном случае предлагается рассмотреть мировую интегрированную историю, сфокусированную на вопросе стратегического целеполагания русской великокняжеской власти. Речь идёт не об открытии новых фактов, а об интеграции различных фактологических линий исторического нарратива в единый метанарратив.

Александр Невский и стратегия «мягкой силы»

Существует три основных историографических традиции представления деятельности Александра Невского в

альтернативе выбора между Востоком и Западом – «героическая», «коллорационистская» и «евразийская».

Героическая версия была положена в основу российского патриотического нарратива, составив канву восприятия князя в качестве «имени России». Она выражалась описанием сложившейся в тринадцатом столетии ситуации как «Русь между двух огней». Агрессия с Запада оценивалась как более опасный вызов, грозящий не только утратой суверенности, но и потерей идентичности, ликвидацией русской общности по аналогии с онемеченной частью западных славян. Подчинение Западу, сообразно с героической версией, означало для Руси «цивилизационную смерть». Агрессия с Востока несла для Руси значимый материальный урон, но не подразумевала этноцида. Поэтому стратегия Александра виделась в том, чтобы дать отпор агрессору на западе, сосредоточив против него все имеющиеся силы, чтобы в дальнейшем, накопив ресурсы, сбросить с себя и «восточное ярмо». Московские князья воплотили в дальнейшем эту долгосрочную часть проекта в жизнь [2; 3; 19; 25].

Коллорационистская версия состоит в резкой критике князя за его выбор в пользу сотрудничества с Ордой, представлении его в качестве «коллорациониста». В этом выборе Александра Невского виделась измена и европейскому миру, и христианству, и славянской общности, и идеалам свободы. Отсюда якобы и была установлена историческая колея русской «несвободы», с переносом модели монгольского государства и ментальности. Победы же на Неве и Чудском озере сторонники коллорационистской версии оценивали в качестве пропагандистского мифа, камуфлирующего главное – подчинение господству Орды [30].

Основание для третьего подхода было заложено в трудах евразийцев, заявлявших о естественности евразийского монголо-тюркско-славянского альянса. Чингисхан и Александр Невский позици-

онировались как политики-евразийцы. В религиозном плане акцентировалось внимание на веротерпимости народов, поддержке ими культов завоёванных народов. Л. Н. Гумилёвым отмечалось, что Александр Невский стал побратимом сына Батгяя Сартака, являвшегося христианином, а в столице Золотой Орды Сарае была учреждена православная епархия [5; 6; 11; 12].

Но религиозный фактор имел для евразийства подчиненное значение, выступал культурной подробностью по отношению к географическим детерминантам. Географический детерминизм и нивелировка фактора православия были предъявлены в качестве обвинений евразийцам со стороны Г. В. Флоровского.

Однако пересмотр религиозной карты мира под реалии тринадцатого столетия позволяет выдвинуть четвертую версию, совмещающую частично «героический» и «евразийский» подходы, но определяющую стратегию деятельности Александра Невского несколько иначе, чем представлено в них. Условно её можно, сообразно с терминологией Дж. Ная, определить в качестве стратегии «мягкой силы» [22].

Суть её заключалась в возможности продвижения цивилизационных рубежей не только посредством военной силы, но и за счёт религиозной проповеди. Такая возможность открывается в отношении Востока, ввиду начавшегося там религиозного размежевания и поиска новой идентичности. Среди монголов оказалось много христиан, что потенциально превращало их в мощнейшую христианскую силу. Наличие её делало стратегию Александра Невского реалистичной. Впрочем, он не был единственным политиком, прибегавшим к такого рода стратегии в тринадцатом столетии. Одновременно предпринимаются попытки обращения монголов в ислам и буддизм, а также отстаивания ими традиционной тэнгрианской идентичности. Уточнению контекста потенциальной реализации Александром Невским стратегии «мяг-

кой силы», выражаемой в перспективе христианизации монголов, и посвящено проводимое далее рассмотрение.

Цивилизационно-религиозные разломы как контекст стратегического целеполагания: общая характеристика

Традиционная характеристика ситуации – «Русь между двух огней» – недостоечно полно отражает тот цивилизационный кризис, в котором оказался русский православный мир. Даже более важным, чем нашествие Батые и наступление крестоносцев, явилось для православного сознания падение Константинополя – «второго Рима». Теперь он становится столицей католической Латинской империи. Для православия это было не только утратой сакрального центра цивилизации, но и обрушение всей мировоззренческой системы координат. Католическая экспансия расширяла фронт наступления на Восток. Русские земли оказываются в фокусе крестовых походов [29].

В противоположном направлении, с востока на запад, шла монгольская экспансия. Монголы являлись на тот период мощнейшей евразийской военной силой, и противостоять им Русь была не в состоянии. Как перспектива для Руси возникла и угроза столкновения с исламской экспансией. Принятие ислама ханом Золотой Орды Берке обозначило потенциальную реальность такого сценария. Исламская Золотая Орда, имея в виду отношение мусульман к иноверцам, была для Руси гораздо опасней тенгрианской Золотой Орды Батые [27].

Какой стратегический выход мог быть предложен в этой ситуации? И был ли вообще стратегический выход? Политику Александра Невского обычно трактуют как жёсткий отпор агрессии на Западе и лоялитет на Востоке. Всё это так, но, однако, не в полной мере отражает стратегию достижения успеха. Стратегия Александра Невского на Востоке не была пассивной покорностью, а имела активный характер. Смысл её состоял в

попытке христианизации монголов, что в тринадцатом столетии, учитывая их религиозную эластичность, было вполне реально. И если бы действительно Монгольская империя или хотя бы Золотая Орда переходили в православие, мировая цивилизационная и геополитическая карта менялись бы принципиально. И не стоит ли задуматься о применении рецептуры Александра Невского уже в отношении современной определения стратегии современной России?

Кончина Александра Невского, ставшая, предположительно, результатом отравления, пришлось на время разворачивающегося всеевразийского политического конфликта. В Монгольской империи за власть великого хана велась ожесточенная борьба между внуками Чингисхана и сыновьями Толуя – Хубилаем и Ариг-Бугой. Хубилай поддерживал другой сын Толуя, Хулагу – правитель Ирана, тогда как Ариг-Бугу – их двоюродный брат, сын Джучи, правитель Золотой Орды Берке. Хубилай и Хулагу принимают буддизм. Ариг-Буга оставался на позициях тенгрианства, что обеспечивало поддержку связанной с племенной традицией знати. Берке, как уже указывалось выше, принял ислам. Религия правителя оказывалась и религией подданных (вспомним формулировку из более хронологически поздней эпохи – «чья страна, того и вера»).

Соответственно, политическая борьба за власть сопрягалась и с религиозным конфликтом. Тенгрианско-исламский альянс противостоял буддистскому объединению. Буддисты, по-видимому, пытались найти союзников в лице христиан. И, вероятно, Александр Невский пытался включиться в эту борьбу. Имея в виду описанный расклад политических сил, можно предположить, кто с наибольшей вероятностью стоял в монгольском политическом истеблишменте за его смертью. Но само по себе акторное участие в политической борьбе давало Руси шанс изменения повестки геополитики [31].

Другой конфликт развернулся в это же время внутри христианского мира. Никейский правитель Михаил Палеолог берёт в 1261 г. Константинополь и восстанавливает православную империю. Папа Урбан IV призывает к организации крестового похода против Византии. Восстановление Православной Византии принципиально меняло всю геополитику и давало отсутствующие ранее перспективы для Руси. Выстоять в перспективе глобальной борьбы с Западом православный мир мог лишь заручившись поддержкой какой-то третьей силы. Получить её от арабов не было никакой возможности, и само обращение к арабской помощи таило не меньшие угрозы, чем латинская экспансия. Выход состоял в попытке вовлечения в борьбу монголов, и роль Руси в этом вовлечении могла быть существенной [8].

Падение Византии

Взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. было для православного сознания не меньшим кризисом, чем новое его падение уже в пятнадцатом столетии. Оказался утрачен центр православной цивилизации. В возникшей на развалинах Византии Латинской империи управляли французы-католики, официальным языком являлся французский, а сам этот период определяется византистами как время «франкократии» [4].

Падение Византии практически означало не только то, что не существует более Восточной Римской империи, но и делегитимизировало существование всего выстраиваемого вокруг неё православного мира. Существование этого мира полагалось возможным только при наличии центра христианской эйкумены, как последнего и финального в проекции истории мирового царства. То, что Византия пала, могло выражаться тремя следствиями: 1. признанием легитимности Римской империи Запада и религиозное подчинение папе; 2. восприятием происходящего в качестве непосредственного начала

апокалипсических событий, наступление последних времен; 3. выдвижением императива нового имперостроительства, восстановление православной Римской империи.

Линия Даниила Галицкого, который был не единственным в своём выборе в пользу Запада, соотносилась с первым подходом. Второй подход имел также широкое распространение на Руси, будучи выражен в подъёме эсхатологических настроений, восприятию нашествия монголов в качестве знамения Апокалипсиса (приход народов Гога и Магога). Александр Невский, по-видимому, действовал сообразно с третьим из возможных подходов, проводя курс на восстановление Восточной христианской империи теми средствами, которые были тогда для него возможны. В этом отношении можно говорить, что идеи, положенные в основание будущей концепции Третьего Рима, её проектная линия, были выдвинуты ещё в тринадцатом столетии. Условно эта линия может быть определена как проект Александра Невского [1].

Угроза окатоличивания Руси, а соответственно, пресечения православной цивилизации была в этот исторический период особенно велика. Наступление на Восток организовывалось под лозунгом христианизации североевропейских язычников, латентно – уничтожения поствизантийского мира православной альтернативы («схизматиков»). Не случайно, что в 20-х гг. тринадцатого столетия возникший на палестинских землях Тевтонский орден был перемещён в Прибалтику. Заявляется северо-восточное направление крестовых походов, что входило составной частью в общий проект создания вселенской католической империи. Александр Невский дал отпор этой экспансии в 1240 и 1242 гг., но для системного военного противостояния сил было недостаточно. Нужен был новый стратегический ход, который был найден в определенной форме альянса с Востоком [21; 32].

Несторианское христианство

Были ли у проекта русской христианизации Востока реальные перспективы? Такие перспективы действительно имелись и определялись достаточной подготовленностью восточных стран к принятию христианства, знанием учения, наличием епархиальных структур.

В мировом геополитическом раскладе сил в средние века значимым являлось несторианство. Несторианского христианства придерживались многие иранские, тюркские, монгольские народы. Христианами-несторианами являлись, в частности, половцы. Несторианство в своём миссионерском продвижении достигло Индии, Китая, Японии. Во всех этих странах существовали несторианские общины. По масштабу своего распространения несторианское христианство превосходило в фазе своего апогея остальную христианский мир¹.

Название «несториане» сторонникам этого направления в христианстве дали их противники, связав их учение со взглядами осужденного как еретика архиепископа Константинопольского Нестория. В действительности Несторий не имел к несторианству никакого отношения, а сами несториане называли себя назаряями от поименования Христа «назаритянином». Структурно несториане входили в Церковь Востока, преемником которой выступает сегодня Ассирийская церковь.

Существует распространенный ошибочный взгляд, будто бы несториане отвергали божественную природу Христа и воспринимали его в качестве величайшего из людей, но не Бога. В действительности они являлись диофизитами, то есть исходили из представлений о двойной – божественной и человеческой – неслиянной природе Христа. Отличие от позиций православной и католической церкви состояло именно в утверждении о неслиянности этих природ. Это положение

¹ Гумилёв Л. Н. Несторианство и Древняя Русь. URL: <https://www.gumilev-center.ru/nestorianstvo-i-drevnyaya-rus> (дата обращения: 12.10.2020).

оказало, вероятно, своё влияние в дальнейшем в раскрытии священнической и мирской природы царской власти².

Согласно представлениям Церкви Востока, христианский мир разделялся на две части – западную и восточную, сферы влияния которых разделялись по границе между Римской империей и Персией. Вся территория от Персии до Японии понималась в качестве пространства, находившегося под юрисдикцией Церкви Востока. Это понимание дихотомии христианского Востока и христианского Запада сложилось, таким образом, ещё до православно-католической дихотомии.

«Жёлтый крестовый поход» и «чёрная легенда» о монголах

Несториане входили в круг монгольской элиты в государствах Чингизидов. «К началу XIII века Церковь Востока, включавшая 146 епархий и 25 митрополий, имела наибольший территориальный охват среди всех христианских церквей, простираясь от Ближнего Востока до Китая и распространяясь в том числе на земли, находившиеся под властью чингизидов».

Монголы не были веротерпимы ко всем. Покровительствуя христианам, они вели борьбу на покоренных землях против ислама, видя в нём конкурента в отношении традиционных тенгрианских верований. И это опасение оказалось не лишено оснований: в четырнадцатом столетии ряд чингизидских государственных объединений, включая Золотую Орду, исламизируются. Но до того момента имело место некое подобие тенгрианско-христианского альянса. Христиане-несториане составили главную силу так называемого «Желтого крестового похода» 1256–1260 гг., совершенного монголами в помощь западным крестоносцам после неудачи седьмого крестового похода. Результатом этой войны, исключенной из

² Иларион (Алфеев). Ассирийская церковь Востока: взгляд на историю и современное положение. URL: <http://yakov.works/history/20/tsypin/alfe2000.html> (дата обращения: 12.10.2020).

школьной схемы истории средних веков, явились значимые геополитические изменения – уничтожение исламского государства низаритов в Иране, уничтожение Аббасидского халифата с центром в Багдаде. Союзниками монголов-христиан выступали Киликийское армянское царство, Антиохийское княжество крестоносцев, Грузинское царство [5; 17; 18; 20; 28; 35; 36].

Характерно, что от участия в походе отказался золотоордынский хан Берке, принявший к тому времени уже ислам. Религиозная принадлежность оказалась, по-видимому, для него более значимым обстоятельством, чем субординация по отношению к великому хану Мункэ, инициировавшему поход своим решением.

Падение Багдадского халифата являлось событием, сопоставимым по степени значимости с падением Византии или Китайской империи. Взяв Багдад, монголы двинулись дальше, дойдя до Палестины и остановившись в непосредственной близости от Иерусалима. Последовавшее затем поражение от мамлюков Л. Н. Гумилёв объяснял изменой крестоносцев, не только не оказавших, вопреки договоренностям, военной помощи монголам-христианам, но и содействовавших мусульманам. Отказ в помощи Гумилёв объяснял расистскими соображениями европейцев. Измена крестоносцев сублимировалась далее в качестве оправдания своей измены в «чёрную легенду о монголах». «Жёлтый крестовый поход» не был признан крестовым походом и в целом в западном историческом нарративе замалчивался. «Чёрная легенда о монголах» станет в дальнейшем одним из важнейших компонентов русофобии, базировавшейся на утверждениях о монгольской парадигме русской несвободы [9; 10].

«Жёлтый крестовый поход» имел место при жизни Александра Невского, который не мог не знать о происходящем и, следовательно, должен был строить свои планы в соответствии с разворачивающимися событиями мировой значимости.

Участие русских в походе из-за позиции хана Берке исключалось, но симпатии к монголам-христианам у великого князя и на Руси в целом, вероятно, существовали. Эти симпатии, по-видимому, стали причиной ухудшения отношений с Золотой Ордой. Но напрямую Берке не мог обрушить свой гнев на князя, так как позиция того соотносилась с позицией великого хана. Возникает сложная политическая игра в рамках треугольника Монгольская империя (великий хан) – Золотая Орда (Берке) – Русь (Александр Невский).

Смерть князя от отравления, возможно, и являлась следствием указанных противоречий. Формула «ищи кому выгодно» позволяет предположить в качестве вероятного заказчика отравления именно Берке. Стратегия «мягкой силы» Александра Невского при тенгрианине Батые, христианах Сартаке и Улагчи была успешной и принималась в Золотой Орде. Но при мусульманине Берке всё в этом отношении принципиально меняется. Вероятно, понимая возникшую угрозу, князь стал искать покровительства через голову Берке в ставке великого хана. И это, соответственно, не могло не встретить противодействия в Золотой Орде.

Чингизиды-христиане

Чингизиды в тринадцатом столетии оказались разделены в вере. Религиозное разделение Чингизидов явилось одним из важнейших и недоучтенных факторов дезинтеграции Монгольской империи. Часть из них осталась в традиционной для монголов тенгрианской вере, другая – приняла ислам, третья – буддизм. Но были среди Чингизидов и христиане. Особым фактором влияния были жёны ханов – христианки, прецеденты женитьбы на которых были многочисленны.

Христианами были правители Золотой Орды Сартак и Улагчи. Краткосрочное нахождение их у власти в Орде в 1256–1257 гг. открывало для Руси прекрасные перспективы, сорванные при Берке [15].

Третьим великим ханом всей Монгольской империи был Гуюк, который в начале своего правления был близок к принятию христианства. Его окружали христиане-несториане, влиявшие на формирование политики великого хана. По свидетельству Плано Карпини, монгольские христиане твердо верили, что Гуюк должен креститься [14, с. 79].

В юношеском возрасте принял крещение будущий правитель чингизидского ислама Олджейту. Крёстное имя Николай было ему дано в честь римского папы Николая IV. Однако в дальнейшем Олджейту перешёл в ислам. Первоначально он делал ставку на суннитскую традицию, а затем – на шиизм.

Влиятельнейшей фигурой в Монгольской империи являлась жена сына Чингисхана Толуя Сорхатхани-беки. Она была матерью великих ханов Монгольской империи Мункэ и Хубилайя, претендента на великоханский престол Ариг-Буги, основоположника иранского ильханата Хулагу [28].

Женой Хулагу была также христианка несторианского толка Докуз-хатун. Она покровительствовала христианам и возводила христианские храмы. После взятия монголами Багдада она добилась от Хулагу сохранения жизни всем проживавшим там христианам [35].

Женой Абага-хана – второго представителя династии Хулагидов, стала дочь византийского императора Михаила Палеолога – восстановителя империи Мария Деспина Палеолог. В дальнейшем в православной истории она получит имя Мария Монгольская. Сообщается, что условием бракосочетания являлось крещение Абаги-хана. Её имя увековечено в названии константинопольской церкви Богородицы Панагитиссы – единственного православного храма Стамбула, который не был переделан в мечеть [26; 34].

На христианке был женат и четвертый повелитель государства ильханов Аргун-хан. Это была Урук-хаттун, пытавшаяся обратить в христианство и своих сыно-

вей. Тяготившийся влиянием мусульман, Аргун-хан стремился создать себе опору в христианах, приближаемых им ко двору [17].

Таким образом, перспектива христианизации монголов не была утопией. И при раскладе геополитических сил в Евразии это была для Руси едва ли единственная имеющая перспективы успеха стратегема.

Восстановление Византии

Взятие в 1261 г. Михаилом Палеологом Константинополя и восстановление Византии вновь принципиально изменило цивилизационную карту мира. Для Руси и лично Александра Невского вновь актуализировалась развилка стратегического выбора. Выбор состоял в том, что либо вновь переориентироваться на восстановленную Византию как центр православия, либо продолжать выстраивание основ будущей евразийской православной империи. По-видимому, Александр Невский, и далее московские князья, отдавали предпочтение второй перспективе.

О том, что Византия уже не являлась той силой – политической и, главное, – духовной, как прежде, свидетельствовал состоявшийся уже через 11 лет после смерти Александра Невского Второй Лионский собор, обозначивший готовность со стороны византийских властей – светской и духовной, признать первенство папского Рима.

К сожалению, в традиционном изложении истории России оказалось неакцентировано значение состоявшегося в 1274 г. Владимирского архиерейского собора, как и в целом периода от смерти Александра Невского до вокняжения Даниила Московского. Инициатором созыва собора явился стоявший во главе Киевской митрополии с 1243 г. митрополит Кирилл. Когда речь идёт о православном антизападном выборе Александра Невского, то необходимо отметить и фигуру Кирилла, который, собственно, и сфор-

мулировал этот идеологический вектор. Владимирский собор состоялся в год созыва Второго Лионского собора Римской Церкви и в значительной мере являлся ответной реакцией на связанный с ним вызов продвижения унии. Император восстановленной в 1261 г. Византии Михаил VIII Палеолог заявлял о готовности принятия униатской платформы. Предотвращая угрозу унии, собор во Владимире декларировал твердость Руси в православии. Принятая собором «Кормчая книга», восходящая к византийскому Номоканону, обозначала правовую преемственность от Византии. Кормчая книга представляла собой собрание не только церковных, но и светских законов, и служила основой для управления не только Церковью, но и общества в целом. Использование церковного права в качестве основы для права светского было характерно для формируемой модели теократического государства [7; 37; 38].

Русофобия и монголофобия: воспроизводство «чёрной легенды»

«Чёрная легенда» о монголах была со временем перенесена на Россию. В условиях современного информационно-психологического противостояния феномен западной русофобии, существовавший и ранее на Западе, достигает своей исторической максимизации. На распространённость русофобии вынужден был публично обратить внимание Президент России В. В. Путин¹. Но если проводить анализ генезиса русофобии, обнаруживается его связь с другим феноменом – монголофобией. Негативизация русских и российского государства выстраивалась через обнаружение в их фундаменте монгольской природы. Монгольская же природа определялась негативной априори. В просветительской среде стереотип о монголе как антиевропейце имел нормативный характер. Для иллюстрации

обратимся к творчеству К. Маркса, который выводил русский империализм и автократию из монгольских корней России. Ниже приводятся выдержки из статьи К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века».

«Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Пётр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира». «Для системы местных захватов достаточно было суши, для системы мировой агрессии стала необходима вода. Только в результате превращения Московии из полностью континентальной страны в империю с морскими границами московитская политика могла выйти из своих традиционных пределов и найти свое воплощение в том смелом синтезе, который, сочетая захватнические методы монгольского раба и всемирно-завоевательные тенденции монгола-властелина, составляет жизненный источник современной русской дипломатии»².

Во время Второй мировой войны в гитлеровской Германии война с СССР на востоке позиционировалась как война Европы с Азией. Монголоидная суть русских постоянно подчеркивалась и акцентировалась в фашистской пропаганде. На оккупированных советских территориях в школах оккупационные власти пытались выстроить схему, сообразно с которой в истории России борются два начала – позитивное – европейское и негативное – азиатское. Азиатское начало прочитывалось как монгольское. Негативное начало утвердилось в России, сообразно с

¹ Путин предупредил об опасности русофобии и пещерного национализма. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2097026/> (Дата обращения: 12.10.2020).

² Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века. URL: https://scepstis.net/library/id_878.html (Дата обращения: 12.10.2020).

этой версией, в результате установления монголо-татарского ига [33].

Это было штампом нацистской пропаганды периода Второй мировой войны и вытекало из расистской идеологии Третьего Рейха. Казалось бы, после Нюрнбергского процесса подобные концепты уже невозможны. Но ведь современная украинская пропаганда эксплуатирует очень близкую историческую схему, созданную ранее в рамках польской пропаганды усилиями таких русофобов, как Франциск Духинский. Русские, сообразно с ней, подлинно русскими не являются, а есть этнический конгломерат славян с финно-уграми и монголо-татарами. Испытав ордынское влияние и получив значительную дозу монгольской крови, русские являются природными противниками европейской свободы, демократии и прав человека. Но получается, что монголы, которые будто бы и определили соответствующий вектор истории России, являются противниками всех западных ценностей в ещё большей степени, чем русские [16].

От Франциска Духинского к Альфреду Розенбергу и от него к Ричарду Пайпсу – историческая схема русофобии воспроизводилась на основании общей матрицы [13; 24]. Монгольская парадигма русского менталитета бралась за основу обоснования тезиса, почему русские не подобны европейцам. Эта парадигма раскрывалась в восприятии России через заимствование ей: 1. монгольской автократии; 2. монгольского рабства; 3. монгольского экспансионизма; 4. монгольского бескультурья. Борьба с такими установками пропаганды следует не в попытках доказать отсутствие

монгольского влияния на Русь, а в развенчании лжи в отношении монголов и монгольской культуры, расизма антимонгольского дискурса [39].

Суть русофобии, таким образом, нельзя объяснить и оправдать только той активной внешней политикой, которую проводит Россия. Она генезисно глубже и уходит к фундаменту системного расизма. Монголофобия раскрывает этот расизм в полной мере. И западный расизм следует разоблачать. Представление подлинной истории монгольского народа, его ценностей и идеалов, является и борьбой против пропагандистской негативизации российской истории.

Новая актуализация стратегии Александра Невского

Тема выбора между Востоком и Западом в российском самоопределении, естественно, не сводится ко времени правления Александра Невского. Проблема этого самоопределения будет воспроизводиться и в дальнейшем, актуализируясь сегодня в связи с новым подъёмом Китая. Такая актуализация обуславливает обращение к «стратегии мягкой силы» Александра Невского. Александр Невский видел выход из казавшейся тупиковой для Руси ситуации в христианизации Востока, прежде всего главной тогдашней силы Евразии – монголов. Новое продвижение христианства на Восток, его распространение, в частности, в Китае и других странах региона следовало бы рассмотреть и сегодня в качестве стратегического выхода для России.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. «Второй Рим против Третьего Рима»: исторический генезис конфликта Константинопольского патриархата и русской православной Церкви // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2019. № 3. С. 17–31.
2. Бегунов Ю. К. Александр Невский. М.: Яуза-Эксмо, 2009. 336 с.
3. Беляев Н. И. Александр Невский. М.: Воениздат, 1951. 84 с.
4. Васильев А. А. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261). Пг.: Academia, 1923. 76 с.

5. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997. 480 с.
6. Вернадский Г. В. Два подвига святого Александра Невского // Наш современник. 1992. № 3. С. 151–158.
7. Воробьев М. Н. Митрополит Кирилл и Владимирский Собор 1274 г. // Исторический вестник. 2000. № 1. С. 29–32.
8. Георгий Акрополит. История. СПб.: Алетейя, 2005. 415 с.
9. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002. 432 с.
10. Гумилев Л. Н. Чёрная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2003. 564 с.
11. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М.: Айрис-Пресс, 2008. 320 с.
12. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: ДИ-ДИК, 1997. 560 с.
13. Гурулев С. А. Ещё раз о расизме, нацизме и их идеологе Розенберге // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 62–75.
14. Дживанни дель Плано Карпини. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. С. 79.
15. Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды (политические взаимоотношения России с Золотой Ордой в конце XIII в.) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48–58.
16. Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов // Отечественные записки: журнал учёно-литературный и политический / А. Краевский и С. Дудышкин. 1864. Т. 155. С. 426–448.
17. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. 390 с.
18. Киракос Гандзакечи. История Армении. М.: Наука, 1976. 359 с.
19. Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб.: Алетейя, 2004. 288 с.
20. Костюков В. П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 2. Казань: Фэн, 2009. С. 69–89.
21. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. – 488 с.
22. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.
23. Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. С. 121–137.
24. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.
25. Пашуто В. Т. Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 1974. 160 с.
26. Пашуто В. Т., Шталь И. В. Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства. Послание хана Абаки папе, Клименту IV // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. Новосельского. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 209–213.
27. Почакаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.
28. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М., Л.: Издательство АН СССР, 1952. 221 с.; Т. 1. Кн. 2. М., Л.: Издательство АН СССР, 1952. 315 с.; Т. 2. М., Л.: Издательство АН СССР, 1960. 248 с.
29. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Расцвет. Крушение. Москва: АСТ, 2011. 1008 с.
30. Фенел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
31. Хафизов Г. Распад Монгольской империи и образование улуса Джучи. Казань: Татарское книжное издательство, 2000. 94 с.
32. Хрусталев Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб.: Евразия, 2012. 624 с.
33. Черняков Д. И. Исторические знания в школьной политике нацистов на оккупированной территории РСФСР // Преподавание истории в школе. 2011. № 3. С. 23–28.
34. Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М.: Издательство Московского университета, 2017. 631 с.

35. Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: the Mamluk-Īlkhānid War, 1260–1281*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1995. 272 p.
36. Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia = L'Empire des steppes*, Attila, Genghis-Khan, Tamerlan. Rutgers University Press Publ., 1970. 687 p.
37. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, Longman Publ., 2005. 414 p.
38. Nicol D. *The Byzantine Reaction to the Second Council of Lyons, 1274*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1971. 493 p.
39. Riasanovsky N. V. "Oriental Despotism" and Russia. In: *Slavic Review*, 1963, vol. 22, no. 4, pp. 644–649.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. ["The Second Rome against the Third Rome": the Historical Genesis of the Conflict between the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church]. In: *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences], 2019, no. 3, pp. 17–31.
2. Begunov Yu. K. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Yauza-Eksmo Publ., 2009. 336 p.
3. Belyaev N. I. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Voenizdat Publ., 1951. 84 p.
4. Vasil'ev A. A. *Latinskoe vladychestvo na Vostoke. Epoha Nikejskoj i Latinskoj imperij (1204–1261)* [Latin rule in the East. The Age of the Nicene and Latin Empires (1204–1261)]. Petrograd, Academia Publ., 1923. 76 p.
5. Vernadskij G. V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Tver, Moscow, LEAN, AGRAF Publ., 1997. 480 p.
6. Vernadskij G. V. [Two exploits of Saint Alexander Nevsky]. In: *Nash sovremennik* [Our contemporary], 1992, no. 3, pp. 151–158.
7. Vorob'ev M. N. [Metropolitan Kirill and the Vladimir Council of 1274]. In: *Istoricheskij vestnik* [Historical Reporter], 2000, no. 1, pp. 29–32.
8. Georgij Akropolit. *Istoriya* [History]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2005. 415 p.
9. Gumilyov L. N. *Poiski vymyshlennogo tzarstva (Legenda o «gosudarstve presvitera Ioanna»)* [The Quest for a Fictional Kingdom (The Legend of the "State of Prester John)]. Moscow, Airis-press Publ., 2002. 432 p.
10. Gumilyov L. N. *Chyornaya legenda: Druz'ya i nedrugi Velikoj stepi* [Black Legend: Friends and Foes of the Great Steppe]. Moscow, Airis-press Publ., 2003. 564 p.
11. Gumilyov L. N. *Ot Rusi do Rossii: ocherki etnicheskoy istorii* [From Ancient Russia to Modern Russia: Essays on Ethnic History]. Moscow, Airis-Press Publ., 2008. 320 p.
12. Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii* [From Ancient Russia to Modern Russia]. Moscow, DI-DIK Publ., 1997. 560 p.
13. Gurulyov S. A. [Once again about racism, nazism and their ideologist Rosenberg]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2006, no. 5, pp. 62–75.
14. Dzhiovanni del' Plano Karpini. [History of the Mongols]. In: *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Plano Carpini and Rubruk's Travel to the Eastern Countries]. Moscow, Geografiz Publ., 1957. 79 p.
15. Egorov V. L. [Alexander Nevsky and the Genghisids (political relations between Russia and the Golden Horde at the end of the XIII century)]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1997, no. 2, pp. 48–58.
16. [Historian Duchinski from Kiev and his disciples from the French senators]. In: A. Kraevskij i S. Dudyshkin, eds. *Otechestvennyye zapiski: zhurnal ucheno-literaturnyj i politicheskij* [Annals of the Fatherland: scientific-literary and political journal], 1864, vol. 155, pp. 426–448.
17. *Istoriya Irana s drevnejshih vremen do konca XVIII veka* [The history of Iran from ancient times to the end of the XVIII century]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1958. 390 p.
18. Kirakos Gandzakeci. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 359 p.
19. Klepinin N. A. *Svyatoj blagovernnyj i velikij knyaz' Aleksandr Nevskij* [The Holy and Great Prince Alexander Nevsky]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2004. 288 p.
20. Kostyukov V. P. [The Iranian campaign of Hulagu: prehistory]. In: *Zolotoordynskaya civilizaciya: Sbornik statej* [Golden Horde Civilization: Collection of articles]. Iss. 2. Kazan, Fen Publ., 2009. pp. 69–89.

21. Matuzova V.I., Nazarova E.L. *Krestonoscy i Rus'. Konec XII v. – 1270 g. Teksty, perevod, kommentarij* [Crusaders and Rus. End of the XII century – 1270. Texts, translation, commentary]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 488 p.
22. Nye J. *Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoj politike* [Flexible power. How to succeed in world politics]. Moscow, Trend Publ., 2006. 397 p.
23. Nikitin A. B. [Christianity in Central Asia (Antiquity and the Middle Ages)]. In: *Vostochnyj Turkestan i Srednyaya Aziya. Istoriya. Kul'tura. Svyazi* [East Turkestan and Central Asia. History. Culture. Connections]. Moscow, Nauka Publ., 1984. pp. 121–137.
24. Pjpes R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1993. 427 p.
25. Pashuto V. T. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1974. 160 p.
26. Pashuto V. T., Shtal' I. V. [Some data on sources on the history of the papacy Mongol policy. The message of Khan Abaki to the Pope, Clement IV]. In: *Voprosy social'no-ekonomicheskoy istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii. Sbornik statej k 70-letiyu A. Novosel'skogo* [Questions of socio-economic history and source studies of the period of feudalism in Russia. Collection of articles for the 70th anniversary of A. Novoselsky]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. pp. 209–213.
27. Pochekaev R. Yu. *Tzari ordynskie. Biografii hanov i pravitelej Zolotoj Ordy* [The kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2010. 408 p.
28. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisej* [Collection of chronicles]. Vol. 1. Book 1. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 221 p.; Vol. 1. Book 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 315 p.; Vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 248 p.
29. Uspenskij F.I. *Istoriya Vizantijskoj imperii. Rascvet. Krushenie* [History of the Byzantine Empire. Flourishing. Downfall]. Moscow, AST Publ., 2011. 1008 p.
30. Fennel J. *Krizis srednevekovoj Rusi. 1200–1304* [The crisis of Medieval Russia. 1200–1304]. Moscow, Progress Publ., 1989. 296 p.
31. Hafizov G. *Raspad Mongol'skoj imperii i obrazovanie ulusa Dzhuchi* [The collapse of the Mongol Empire and the formation of the Jochi Ulus]. Kazan, Tatar Book House Publ., 2000. 94 p.
32. Hrustalyov D.G. *Severnye krestonoscy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v Vostochnoj Pribaltike XII–XIII vv.* [The Northern Crusaders. Russia in the struggle for Spheres of Influence in the Eastern Baltic States of the XII–XIII centuries]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 624 p.
33. Chernyakov D.I. [Historical knowledge in the school policy of the Nazis in the occupied territory of the RSFSR]. In: *Prepodavanie istorii v shkole* [The teaching of history in school], 2011, no. 3, pp. 23–28.
34. Shukurov R. M. *Tyurki v vizantijskom mire (1204–1461)* [The Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. Moscow, Moscow State University Publ., 2017. 631 p.
35. Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: the Mamluk-İlkhānid War, 1260–1281*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1995. 272 p.
36. Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia = L'Empire des steppes*, Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Rutgers University Press Publ., 1970. 687 p.
37. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, Longman Publ., 2005. 414 r.
38. Nicol D. *The Byzantine Reaction to the Second Council of Lyons, 1274*. Cambridge, Cambridge University Press, 1971. 493 r.
39. Riasanovsky N. V. "Oriental Despotism" and Russia. In: *Slavic Review*, 1963, vol. 22, no. 4, pp. 644–649.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Стратегия Александра Невского в в контексте цивилизационных трендов тринадцатого столетия// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 8–21.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-8-21

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. Strategy of Alexander Nevsky in in the context of civilizational trends of the thirteenth century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 8–21.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-8-21

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-22-34

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

Иерусалимский Ю. Ю.¹, архимандрит Сильвестр (Лукашенко)²

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

¹ Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Ярославское церковно-историческое общество
150000, г. Ярославль, Богоявленская пл., д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ деятельности Александра Невского в качестве новгородского князя, Великого князя Киевского и Владимирского.

Процедура и методы. Проведён комплексный анализ государственной, политической и военной деятельности князя Александра Невского в контексте изучения борьбы северо-запада Руси с агрессией немецких и шведских феодалов, а также взаимоотношений русских земель с Золотой Ордой. Дана оценка деятельности Александра Невского.

Результаты. Государственная деятельность Александра Невского сыграла большую роль в борьбе за единство русских земель и в укреплении Русской Православной церкви. Признание зависимости от Золотой Орды предоставляло Александру Невскому продолжить борьбу с католической агрессией, грозившей не только утратой независимости, но и веры, а также национальной идентичности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего научного изучения деятельности Александра Невского, а также в духовно-нравственном и патриотическом воспитании.

Ключевые слова: Александр Невский, Золотая Орда, Ливонский орден, православие, Восток, Запад, католичество

ALEXANDER NEVSKY: BETWEEN EAST AND WEST

Yu. Ierusalimskiy¹, Archimandrite Sylvester (Lukashenko)²

¹ P.G. Demidov Yaroslavl State University
14 Sovetskaya ul., Yaroslavl 150000, Russian Federation

¹ Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² Yaroslavl Church Historical Society
14 Bogoyavlenskaya pl. Yaroslavl 150000, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyse the state activities of Alexander Nevsky as the prince of Novgorod, the great prince of Kiev and the great prince of Vladimir.

Methodology. A comprehensive analysis of the state, political and military affairs of Prince Alexander Nevsky was conducted in the context of the struggle of the north-west of Russia against the ag-

gression of German and Swedish feudal lords, as well as the relationship of the Russian lands with the Golden Horde. The article also focuses on the significance of Alexander Nevsky's activities for Russian civilization.

Results. The state activities of Alexander Nevsky played an important role in the struggle for the unity of the Russian lands and in the strengthening of the Russian Orthodox Church. Alexander Nevsky's refusal to fight the Golden Horde can be explained by the fact that the Mongols demanded tribute from the Russian lands. In addition, the Livonian Order was interested in establishing Catholicism in Russia. By submitting to Western missionaries, Russia would have lost not only its identity, but also the opportunity to regain its independence.

Research implications. The findings can be used by the scientific community, educational institutions, relevant governmental agencies in their research and educational activities, as well as in spiritual, moral and patriotic education of students.

Keywords: Alexander Nevsky, Golden Horde, Livonian Order, Orthodoxy, East, West, Catholicism

Введение

Исторически сложилось так, что одним из факторов формирования и развития российской идентичности стало православие. Среди событий, повлиявших на это, в первую очередь следует назвать Крещение Руси. При этом необходимо отметить, что равноапостольный князь Владимир не только выбрал веру, крестил Русь, но также принял мировоззренческую систему координат, которую предлагала Византийская империя. Святитель Николай Сербский отмечал, что князь Владимир «направил ход русской истории в духовном направлении» [30]. Святитель Николай Сербский, говоря о Владимире Святославиче, подчеркнул: «Он – основоположник святительства и святости в русском народе, первооткрыватель величия этих понятий, создавший на их основании государственную программу, необычность которой в том, что её невозможно претворить в жизнь, пока каждый гражданин не воплотит её, по примеру святого Владимира, в самом себе! С этого святителя-державника начинается новая Русь, новый народ, новый дух, новый путь, новая культура» [30]. При этом князь сотворил великий подвиг – преобразил самого себя.

Святость и соборность

С этого времени в сознание народа входят такие понятия, как святость и соборность. Именно они начинают фор-

мировать взгляд на дальнейшее историческое развитие Киевской Руси. Сплачивающими началами народного единства служат православная вера, любовь к Отечеству и ближним. Большое значение в этом процессе имеет понятие соборности. Происходит эволюция от стихийного, зачастую разъединяющего вече к созидательной, объединяющей соборности. Соборность – это единение людей на основе духовной идентичности. Происходит это следующим образом: в исторической памяти народа формируется новый идеал личности – равноапостольный князь Владимир, страстотерпцы князя Борис и Глеб, князь Ярослав Мудрый, князь Александр Невский, преподобный Сергей Радонежский, князь Димитрий Донской, святитель Ермоген, преподобный Иринарх. Обратим внимание, что это и государственные деятели, но претворявшие в жизнь не совсем обычную государственную программу, это и святители, и подвижники, которые в самые сложные для государства времена брали на себя роль объединителей всего народа.

«Дранг нах Остен» (натиск на восток)

На северо-западных рубежах Руси в первой половине XIII столетия, почти одновременно с монголо-татарским нашествием, разгорелась борьба с экспансией немецких и шведских феодалов. Они стремились установить своё господство на территории Прибалтики, населённой

эстами, ливами, куршами и другими народами, находившимися на стадии разложения родоплеменных отношений. Для продвижения в прибалтийские земли немцами были созданы военизированные, рыцарские монашеские организации – Тевтонский орден (перемещён в Прибалтику из Палестины в 1230 г.) и Орден меченосцев (основан в 1202 г.). После разгрома литовцами ордена меченосцев в битве при Сауле в 1236 г., его остатки влились в Тевтонский орден, который образовал в 1237 г. в Ливонии своё Ливонское ландмейстерство (отделение). Ливонское отделение получило большие права и автономию от Тевтонского ордена и стало называться Ливонским орденом. Эта экспансионистская политика немецких рыцарей получила выражение в знаменитом лозунге «Дранг нах Остен» («натиск на восток»), впервые прозвучавшем в то время. Римский папа Григорий IX благословил участников захватнических походов в Прибалтике и на северо-западном рубеже русских земель, приравняв действия рыцарей-крестоносцев к борьбе за освобождение Гроба Господня в Палестине, и обещал им отпущение грехов. Православные в глазах крестоносцев приравнивались к еретикам.

Невская битва

В борьбу за земли на побережье Финского залива, в Карелии и собственно, за территории Новгорода также активно включилась Швеция. В 1240 г. шведский флот вошёл в устье р. Невы и остановился у впадения в неё р. Ижоры. В этом месте шведы высадились и стали строить укрепленный лагерь. Профессор В. А. Кучкин полагал, что шведы хотели построить там хорошо укрепленную крепость [20, с. 57]. Эти действия Швеции создали серьёзную угрозу Новгороду с севера. Навстречу многочисленному шведскому десанту вышла дружина во главе с молодым новгородским князем Александром Ярославичем и с несколькими отрядами ополчения. Точная дата рождения князя

до сих пор не установлена. В отличие от даты смерти, в летописях не сохранилось упоминание о времени его рождения. Со времени В. Н. Татищева называлась дата 1220 г. Она была принята в известных работах В. Т. Пашуто, Ю. К. Бегунова, А. Н. Кирпичникова [27, с. 10; 22, с. 206; 2] и многих других. В 1986 г. В. А. Кучкин на основании целого комплекса косвенных свидетельств предложил новую дату рождения Александра Ярославича – 13 мая 1221 года [19].

15 июля 1240 г. новгородское войско, возглавляемое Александром Ярославичем, сумело незаметно подойти к шведскому лагерю на берегах Невы и стремительно атаковать его двумя конными и одной пешей колонной. Началась жесткая сеча. Как отмечено в Новгородской Первой летописи старшего извода: «Ту бысть велика сеча свеям» [24, л. 126 об.]. Шведы, превосходившие своей численностью русских, не успели построиться в боевые порядки [28, с. 156–157; 11, с. 109] и были оттеснены на свои корабли. Они потерпели сокрушительное поражение. Лишь часть из них сумела спастись бегством на судах. Русские войска в результате стремительного маневра, задуманного юным князем, почти не понесли потерь (более подробно о Невской битве см. [17]). За эту блестящую победу Александр Ярославич получил в народе, а позднее – и у книжников, почётное прозвище Невский. Интересно, что дата битвы (15 июля 1240 г.) совпала с днём кончины князя Владимира Святославича (15 июля 1115 г.), и существует весьма аргументированное предположение, что именно при Александре Ярославиче были сделаны первые шаги к канонизации Крестителя Руси [38, с. 204–206; 27, с. 111].

Навстречу решающему сражению

В 1240–1241 гг. Ливонский орден захватил исконно русские города Псков, Изборск и ряд других. Новгородцы, рассорившиеся к этому времени с Алек-

сандром Невским и отстранившие его от управления своими войсками, вновь призвали его возглавить борьбу с захватчиками. Во главе объединенного войска новгородцев, ладожан, карел, ижорцев и своей дружины князь выбил орденское войско из крепости Копорье. В марте 1242 г. Александр Ярославич, дождавшись подкрепления из «Низовской», т. е. Владимиро-Суздальской земли, под командованием его брата Андрея Ярославича, освободил Псков и стал готовиться к решающему сражению.

Ледовое побоище

Решающая битва состоялась 5 апреля 1242 г. на Чудском озере. О месте сражения в отечественной исторической литературе на протяжении длительного времени велась дискуссия [37; 5; 34; 35; 31], на берегах озера несколько лет работала экспедиция Академии наук СССР [33; 21; 9]. В бою рыцари Ливонского ордена применили следующую тактику. Они выстроились в форме клина, русские называли это построение «свиньей». На его острие находился наиболее сильный отряд закованных в латы крестоносцев. Немецкий клин должен был разбить войско противника на части, а затем тяжеловооружённые рыцари и кнехты (легковооружённые воины) добивали разрозненные силы по частям. Главный архивист Государственного архива Калининградской области А. П. Бахтин считает, что нет прямых доказательств такой расстановки немецких рыцарей, а упоминание в Новгородской первой летописи и ряде других летописных источников слова «свинья» по отношению к действиям противника носит эмоциональную окраску, а не свидетельствует о построении «остроу колонною» [1, с. 67, 69]. Мы в описании хода битвы придерживаемся традиционной трактовки событий в изложении выдающихся отечественных историков XIX в. Н. М. Карамзина, С. И. Соловьёва [32, с. 150] и современных авторов – профессора А. Н. Кирпичникова, Д. Г. Хру-

сталёва, М. Б. Елисеева и др. [16; 15; 11, с. 224–225; 40].

Александр Невский знал эту традиционную тактику крестоносцев, поэтому сосредоточил свои наиболее боеспособные отряды и конницу на «крылах» (флангах). После того, как поставленная в острие клина тяжеловооружённая конница Ливонского ордена стала таранить центр русского войска и смяла заслон, она уперлась в высокий, непроходимый для неё лесистый берег озера [27, с. 77], в дело вступили русские «крылы». Их удар оказался настолько сильным и неожиданным (обычно у русского войска того времени «крылы» выполняли вспомогательную роль), что орденское войско дрогнуло и стало отступать.

Александр Невский решил сразиться с рыцарями на льду озера не только из-за высокого лесного берега, защищавшего его войско от прорыва в центре. Он разместил русских воинов на мелководье, промерзшем до дна, вынудив крестоносцев расположиться и действовать значительную часть времени на тонком льду. Броня тяжеловооружённых рыцарей (часть лошадей у них также была защищена доспехами), существенно увеличивала давление на замерзшую поверхность озера. В результате часть знатных рыцарей погибла в бою, некоторые утонули во время отступления, а другие попали в плен. Из-за изменения береговой линии Чудского озера и гидрографической обстановки на водоёме археологи до сих пор не могут найти вещественные свидетельства грандиозной битвы, но, будем надеяться, что основные находки ещё впереди.

Значение Невской битвы и Ледового побоища

По подсчетам профессора А. Н. Кирпичникова, князь Александр Невский провёл не меньше 12 сражений со шведами, немцами и литовцами и не потерпел ни одного поражения. Небывалый случай для русского полководца того времени. Большую часть военных походов Алек-

сандр Ярославич осуществил в бытность новгородским князем (1236–1252 гг. с перерывами) [15]. Невская битва и победа на Чудском озере, прозванная в народе Ледовым побоищем, надолго заставили Ливонский орден и шведских феодалов отказаться от планов дальнейшей экспансии в отношении Северо-Западной Руси. Новгородские и псковские земли были защищены от агрессии с Запада.

21 мая 1725 г., вскоре после смерти Петра I, много лет отдавшего борьбе со Швецией, согласно завещанию императора указом Екатерины I, была учреждена одна из высших наград России – орден Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. Эта награда была упразднена в 1917 г. Глубоко закономерно, что во время Великой Отечественной войны, 29 июля 1942 г. в Советском Союзе в память о великом полководце был возрождён орден Александра Невского, который вручали за умелое командование и личную отвагу. Этим орденом награждался высший, старший и младший офицерский состав. Орден существует по настоящее время и является одной из государственных наград Российской Федерации. Таким образом, орден Александра Невского является единственным из отечественных орденов, который неизменно включали во все три существовавшие в нашей стране наградные системы: Российской империи, СССР и Российской Федерации.

Отношения с Золотой Ордой

После разгрома немецких и шведских рыцарей северо-запад русских земель был на несколько десятилетий защищён от экспансии с Запада. Деятельность князя Александра Невского развертывалась в условиях нашествия монголо-татар на северо-восточные и южные русские земли в 1237–1240 гг. Сражаясь с западными противниками, Александр Ярославич прекрасно понимал невозможность одновременной успешной борьбы против монголо-татарских орд. Слишком сильны

были кочевники с Востока. Численность монгольского войска намного превосходила те силы, которые могли выставить разобщённые русские земли [13, с. 74; 36, с. 136–137; 39, с. 185].

В. Г. Вернадский отмечал, что Александр Невский был ярким представителем той группы русских князей, которые уже не надеялись на скорое освобождение от власти монголо-татар, «особенно в условиях продолжавшегося давления тевтонских рыцарей с запада, выступали за лояльное отношение к хану, видя в этом единственно разумный образ действий» [6, с. 69]. Отказ Александра Невского от борьбы с Золотой Ордой объясняется невозможностью борьбы ослабленных в то время русских земель на два фронта, против Запада и Востока, а также тем, что монголам важнее всего было получить от русских земель дань, а Ливонскому ордену необходимо было установить на Руси католичество. Учитывал Александр Ярославич и тот важный факт, что ордынцы отличались веротерпимостью. Уступив ливонцам, подчинившись западной культуре, а вместе с ней – и западным миссионерам, Русь теряла не только независимость, свою идентичность, но и любую возможность вернуть независимость.

После смерти отца, великого владимирского князя Ярослава Всеволодовича, который скончался в 1246 г. при неясных обстоятельствах, возвращаясь из Монголии на Русь, Александр Ярославич стал князем одновременно и в Новгороде, и в Переславле. В конце 1240-х гг. состоялась очередная, длительная поездка Александра в столицу Золотой Орды Сарай и столицу Монгольской империи Каракорум. Всего 5 раз ездил Александр Невский к монгольским ханам [15]. А. А. Горский в своей работе «Александр Невский» подчеркивал: «В ходе своей двухгодичной поездки по степям (1247–1249 гг.) Александр смог, с одной стороны, убедиться в военной мощи монгольской империи, а с другой – понять, что монголо-татары

не претендуют на непосредственный захват русских земель, довольствуясь признанием вассалитета и данью, а также отличаются веротерпимостью и не собираются посягать на православную веру. Это должно было выгодно отличать их в глазах князя от крестоносцев, действия которых характеризовались непосредственным захватом территории и насильственным обращением населения в католичество» [7].

В 1250 г. монголы дали Александру Ярославичу ярлык на великое киевское княжение, но Киев после разорения 1240 г. утратил своё прежнее значение, и князь не поехал в бывшую столицу Руси, а остался в Новгороде [6, с. 69]. В 1252 г. он, согласно ханскому ярлыку, стал великим князем Владимиро-Суздальской, Новгородско-Псковской и Полоцко-Витебской земель. Своей резиденцией Александр избрал Владимир – столицу Северо-Восточной Руси, которая ещё с середины XII в. выдвинулась в качестве объединяющего общерусского ядра [14, с. 116].

Предположительно, во время одной из поездок монгольский хан мог обсуждать с Александром Невским участие русских воинов в походе 1256–1260 гг. на Низаритское исмаилитское государство в Иране, халифат Аббасидов и Ближний Восток («Жёлтый крестовый поход», по терминологии Л. Н. Гумилева), а возможно, даже советовался с ним по вопросу реализации своих новых завоевательных планов, но достоверных сведений об этом не сохранилось. Ясно, что отговаривать монгольских правителей Александру Ярославичу не было никакого смысла, а от участия в военной кампании князь уклонился. Ни в одном источнике не сообщается о русских воинах в «Жёлтом крестовом походе». В любом случае, поход монголов против иранских исмаилитов-низаритов, халифата Аббасидов, сирийских Айюбидов и мамлюков Египта был на руку не только русским землям, т. к. привёл к определённой слабости сил монгольского государства, но и воз-

рожденной в 1261 г. Византийской империи, поскольку уменьшил мощь её потенциальных противников. После указанных событий Византия просуществовала ещё два столетия. Таким образом, Александр Невский мог косвенно участвовать в ослаблении другой могущественной силы того времени – халифата, и помочь Византийской империи – стране, откуда пришло христианство на Русь.

Последние годы

Начиная с 50-х гг. XIII в. Александр Ярославич плодотворно и успешно сотрудничает с киевским митрополитом Кириллом III (ряд исследователей называют его Кириллом II, считая киевского митрополита Кирилла I легендарным). Александр Невский пригласил митрополита во Владимир. Кирилл III принял приглашение, тесно сотрудничал с князем и поддерживал его, часто совершал поездки по обширной Владимиро-Суздальской земле и соседним княжествам.

После смерти в 1256 г. хана Батыея князь Александр Невский снова поехал в Сарай, чтобы подтвердить мирные отношения Руси и Улуса Джучи (Золотая Орда) при новом хане Берке, брата Батыея. В 1257 г. Александр Невский прибыл в Новгород и провел трудные переговоры с новгородцами, убедив их согласиться на перепись населения и выплату дани монголо-татарам. Некоторые исследователи упрекают Александра Ярославича в жестокости, связанной с подавлением антиордынских настроений новгородцев. Однако, на самом деле Александр Ярославич провел репрессии не против местных жителей, а против дружинников своего юного своевольного сына Василия Александровича (примерно 16-ти – 17-ти лет от роду, точная дата рождения неизвестна), которого он незадолго до указанных событий поставил князем в Новгороде. Перед приходом Александра Ярославича с татарами, Василий, опасаясь гнева отца, бежал из Новгорода в Псков. Оттуда он был изгнан Александром Ярославичем

под родительский присмотр во Владимиро-Суздальское княжество. Согласно Никоновской летописи: «... князь Александр Ярославич выгна своего сына из Пскова, и посла его в Низ, а дружину его казни ...». «Казни» в смысле «наказал», т.к. далее перечисляются увечья, а не убийства дружинников, причем очевидно не новгородских, а «низовских», т.е. владими́ро-суздальских ратников. По-другому Александр Ярославич не мог поступить с дружинниками своего молодого сына, ведь вассалы ослушались своего великого князя и прощение было бы принято за слабость.

По поводу новгородцев та же Никоновская летопись сообщает: «Татары взявши число, и идоша в Орду, и бысть мир и тишина велиа в Новгороде; а князя Александра Ярославича Новгородцы у себя уняша, и много чествоваше его». В итоге Новгород признал зависимость от Золотой Орды, избежал разорения и сохранил возможность выступать в роли торгового посредника между восточными и западными странами, что без позволения ордынцев было в то время невозможно.

В 1261 г. по инициативе Александра Невского и митрополита Кирилла III в столице Золотой Орды – Сарае, для окормления находившихся в ней многочисленных православных верующих (как приезжих русских, так и обращённых в православие жителей Золотой Орды) была основана епархия Русской Православной церкви [29]. Глава Сарайской епархии епископ Митрофан, кочуя вместе с Ордой, заботился о распространении православия, занимался миссионерской деятельностью, а также являлся своего рода дипломатическим посредником между Александром Ярославичем, ханом и восстановленной Византийской империей [27, с. 151].

В 1262 г. в целом ряде русских городов произошли восстания против монгольских сборщиков дани – баскаков. Хан Берке задумал провести набор рус-

ских войск для ведения новых военных действий против своих противников [10, с. 56]. Во избежание нового разорительного ордынского набега Александр Ярославич совершил ещё одну, последнюю, поездку в Улус Джучи и сумел отвести удар от русских земель. Ордынский хан Берке отказался от использования русских полков в своём войске. Через четыре года после поездки князя Александра Ярославича ханом Улуса Джучи стал Менгу-Тимур (1266–1282), который в 1269 г. провозгласил Золотую Орду самостоятельным государством. Таким образом, Золотая Орда стала своеобразным «буфером» между русскими землями и Монгольской империей. В этом взаимодействии русских земель и Золотой Орды, которое продолжалось до тех пор, пока её ханы проводили политику веротерпимости, можно увидеть истоки многонационального Российского государства, включившего впоследствии в свою территорию многие земли Чингизидов, в том числе из Улуса Джучи.

Итак, удельная раздробленность, в состоянии которой пребывали в то время русские земли, согласно законам исторического развития достигла в середине XIII столетия и Монгольскую империю. Существует большая вероятность, что дипломатическая деятельность Александра Ярославича, его стремление сыграть на амбициях монгольских правителей и военачальников определённым образом способствовала будущему скорому дроблению монгольского государства. Александр Невский прекрасно понимал, что с частью легче справиться, чем с целым, а единое государство всегда имеет больше шансов победить разрозненного противника. Русские земли он стремился объединить под своей властью. По сути, он начал создавать предпосылки победы Дмитрия Донского на Куликовом поле: у монголо-татар – раздробленность, а в русских землях в XIV в. уже начался процесс создания единого централизованного государства.

Итоги деятельности

Подводя итоги деятельности Александра Невского, стоит отметить, что князь спас Новгородскую и Псковскую земли от агрессии шведских и немецких рыцарей, а также от монгольского разорения, ослабил давление Орды на северо-восток Руси. Во второй половине жизни Александр Ярославич сделал «восточный выбор», чтобы заручиться поддержкой Орды и обезопасить страну от набегов монгольской конницы. В то же время, учитывая, что русские земли находились в Европе, по сути политика великого князя по своей адресности на самом деле была евразийской и заключалась в балансировании между силами Запада и Востока [14, с. 117–118]. На Западе приходилось выступать с оружием в руках и «принуждением к миру», на Востоке – методами дипломатии, уговорами и просьбами. Вести войну на «два фронта» было невозможно, а мир был слишком хрупким. Добиться стабильности или преимуществ оказалось невероятно трудным делом. В этом проявились одновременно и мудрость Александра Невского – воина на троне и стратега [14, с. 116–117], пытавшегося возродить былую мощь русских земель.

А. А. Горский в книге «Русские земли в XIII–XIV вв.: пути политического развития», опираясь на факты, отметил, что в период великого княжения Александра Ярославича (1252–1263 гг.) не было ордынских набегов на Владимиро-Суздальскую землю с востока и произошло всего две попытки нападения на Северо-Западную Русь немцев в 1253 и шведов в 1256 г. с запада, быстро пресечённые. Анализируя итоги правления князя, исследователь сделал важный вывод: «Александр добился признания Новгородом сюзеренитета Великого князя Владимирского (что стало одним из факторов, благодаря которым именно Северо-Восточная Русь превратилась позже в ядро нового, Российского государства). Предпочтение им

Владимирского стола Киевскому было решающим событием в процессе перемещения номинальной столицы Руси из Киева во Владимир (т.к. оказывалось, что именно Владимир был избран в качестве столицы князем, признанным “старейшим” на Руси)» [8, с. 46, 74].

Александр Невский – святой Русской Православной церкви

В 1547 г. князь Александр Ярославич был канонизирован Русской Православной церковью. Обращаясь к образу святого благоверного князя Александра Невского, мы поражаемся масштабу личности этого исторического деятеля, великого мужа и самого настоящего героя – «заступника Земли Русской». Мы говорим о той присущей ему неиссякаемой силе духа, благодаря которой образ его в памяти народной остался как образ мудрого, по-настоящему народного, правителя, непобедимого полководца, государственного деятеля, образ святого человека. Сила его была не силой крепких каменных стен, непобедимых армий и оружия, но силой духа, молитвы, силой веры. В этом и было главное богатство князя, главное его сокровище. Когда Александр Невский оказался перед выбором: дать отпор силе западного рыцарства или отказаться от православия, лелея призрачную надежду спастись за рыцарским щитом от монголо-татарского ига, то князь избрал путь в пользу возрождения единства русских земель и сохранения православной веры.

Житие Александра Невского

Множество переработок и переделок Жития Александра Невского в XIII–XVIII столетиях свидетельствует о большой его популярности в это время. Источниковедческому изучению Жития Александра Невского посвящена обширная литература в нашей стране и за рубежом [3; 4; 12; 18, с. 65–71, 238–242, 251–258, 312–313; 23; 25; 26; 41; 42]. Впол-

не типичной можно считать редакцию Жития Александра Невского третьей четверти XVI в., опубликованную известным специалистом по эпохе Александра Ярославича Ю. К. Бегуновым, из которой явствует о широкой известности князя на обширных просторах Европы и Азии: «И отголе промыслы имя Александрово по всем странам до моря Пешьскааго и до гор Аравитьских (Арагатских. – прим. авт.) и обну страну моря Варяжского и до великаго Рима» [Приложение к статье: 4, с. 356]. По поводу этого высказывания автора Жития А. Н. Кирпичников справедливо заметил: «Сказалось ли в этих словах преувеличение или нет, но Северо-Западная Русь в результате действий войск под водительством Александра Ярославича сохранила свою свободу и независимость. Так, в XIII в. была отвоёвана сама основа грядущего возрождения России» [15]. Стоит также согласиться с мнением Ю. К. Бегунова: «Возможно, что автором Жития был новгородец: об этом свидетельствует название Владимиро-Суздальской земли как «Нижняя земля», а Новгородской – как «Словенская»... Однако автор Жития лишён областнических настроений: он говорит о Новгороде и Пскове как об «отчине Руской», стремится всячески подчеркнуть общерусское значение Невского сражения, а

князя Александра изобразить как общерусского святого» [4, с. 353].

Заключение

Таким образом, пример многогранной деятельности князя Александра Невского в качестве князя новгородского, Великого князя Киевского и Великого князя Владимирского ярко показывает, что в самые тяжёлые моменты истории наш народ обращался к вере как к консолидирующему началу. И задачи у князей Владимира Святославича Крестителя, Ярослава Владимировича Мудрого, Александра Ярославича Невского, Дмитрия Ивановича Донского, Сергия Радонежского, Иринарха Затворника и других подвижников нашего Отечества во все эти периоды исторического развития были одни: сохранить веру, объединить русские земли и научить народ всему тому, что поможет сберечь это единство, быть сильными в военном и политическом противостоянии, независимыми в культурном, общественном и экономическом плане. В этом и состоит значение деятельности князя Александра Невского для формирования современного национального сознания России и российской цивилизации.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин А. П. О построении «свиньей» или «острой колонной» // Слово. ру: Балтийский акцент. 2015. № 2–3. С. 63–86.
2. Бегунов Ю. К. Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 2003. 262 с.
3. Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 229–238.
4. Бегунов Ю. К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 17. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 348–357.
5. Бунин А. И. О месте битвы русских с немцами // Труды X археологического съезда в Риге. Т. 1. М., 1899. С. 214–219.
6. Вернадский Г. В. Русская история. М.: Аграф, 1997. 544 с.
7. Горский А. А. Александр Невский [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a-nevsky.ru/library/gorskiy-aleksandr-nevskiy.html> (дата обращения 14.12.2020).
8. Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 128 с.
9. Григорьева Я. Участник экспедиции Георгия Караева на Чудское озеро рассказал, почему на дне озера никогда не найдут рыцарей // Петербургский дневник. 2019. 28 ноября. С. 6–7.

10. Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48–58.
11. Елисеев М. Б. Три битвы Александра Невского. М.: Вече, 2017. 288 с.
12. Еремин И. П. Житие Александра Невского // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII вв. М.: Госполитиздат, 1957. С. 254–358.
13. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. 265 с.
14. Кирпичников А.Н. Александр Невский: между Западом и Востоком // Вопросы истории. 1996. №. 11/12. С. 115–118.
15. Кирпичников А. Н. Две великие битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1996. С. 29–41.
16. Кирпичников А. Н. Ледовое побоище 1242 г. (новое осмысление) // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 162–166.
17. Кирпичников А. Н. Невская битва 1240 г. и её тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 24–30.
18. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Типография Грачёва и К°, 1871. 479 с.
19. Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176.
20. Кучкин В. А. Трудные годы Александра Невского // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических связей: тезисы докладов. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 55–58.
21. Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.: Наука, 1966. 253 с.
22. Летопись жизни и деятельности Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 206.
23. Лихачёв Д. С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 5. 1947. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР. С. 49–52.
24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 641 с.
25. Охотникова В. И. Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания // Источниковедение литературы Древней Руси. Л.: Наука, 1980. С. 115–128.
26. Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 354–363.
27. Пашуто В. Г. Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 1975. 160 с.
28. Разин Е. А. История военного искусства VI–XVI вв. СПб.; М.: Полигон; АСТ, 1999. 656 с.
29. Сарайская православная епархия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28а. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1900. С. 399.
30. Святитель Нил Сербский. Мысли о добре и зле. Приложение. Святой князь Владимир – креститель Руси [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/mysli-odobre-i-zle/3 (дата обращения 12.12.2020).
31. Селезнёв А. А. Летописный Вороний камень – место начала Ледового побоища (1242) // Святой благоверный князь Александр Невский – на все века с Россией: материалы конференции / X Международные Александро-Невские чтения, Псков, 16 – 17 мая 2019. Псков: Псковский государственный университет, 2019. С. 20–52.
32. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 2. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. 765 с.
33. Тихомиров М. Н. Из дневника поездки на Чудское озеро. 1958 [Электронный ресурс]. URL: <https://xn---btbheccxhubcbl8m.xn--p1ai/expedition/iz-dnevnik> (дата обращения 7.12.2020).
34. Тихомиров М. Н. О месте Ледового побоища // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. 7. № 1. С. 88–91.
35. Тихомиров М. Н. О месте Ледового побоища // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 368–374.

36. Толочко П. П. Монголо-татары и Русь // Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2003. С. 130–157.
37. Трусман Ю. О месте Ледового побоища в 1242 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Январь. С. 44–46.
38. Федотов Г. П. Канонизация святого Владимира // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 7. М.: Мартис: SAM & SAM, 2014. С. 201– 211.
39. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ; Люкс, 2005. 557 с.
40. Хрусталёв Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб.: Евразия, 2019. 624 с.
41. Philipp W. Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs. In: *Ibid*, 1973, bd, 18, ss. 55–72.
42. Philipp W. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Titie Aleksandra Nevskogo». In: *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1957, bd. 5, ss. 7 – 37.

REFERENCES

1. Bakhtin A. P. On “svinfylking” or “flying wedge” formation]. In: *Slovo.ru: Baltijskij accent* [Slovo.RU: Baltic accent], 2015, no. 2–3, pp. 63–86.
2. Begunov Yu. K. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003. 262 p.
3. Begunov Yu. K. [The life of Alexander Nevsky as part of the Novgorod 1st and Sofia 1st Chronicles]. In: *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod historical collection]. Iss. 9. Novgorod, 1959. pp. 229–238.
4. Begunov Yu. K. [On the study of Alexander Nevsky’s life]. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature]. Vol. 17. pp. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., pp. 348–357.
5. Bunin A. I. [About the place of the battle between the Russians and the Germans]. In: *Trudy X arheologicheskogo s'ezda v Rige* [Proceedings of the X Archaeological Congress in Riga]. Vol. 1. Moscow, 1899. pp. 214–219.
6. Vernadskij G. V. *Russkaya istoriya* [Russian history]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 544 p.
7. Gorskiy A. A. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Available at: <http://www.a-nevsky.ru/library/gorskiy-aleksandr-nevskiy.html> (accessed: 14.12.2020).
8. Gorskiy A. A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekah: puti politicheskogo razvitiya* [A.A. Gorsky Russian lands in the XIII–XIV centuries: ways of political development]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 128 p.
9. Grigorieva Y. [A member of Georgy Karaev’s expedition to Lake Peipsi told why knights will never be found at the bottom of the lake]. In: *Peterburgskij dnevnik* [Petersburg diary], 2019, November 28, pp. 6–7.
10. Egorov V. L. [Alexander Nevsky and the Chingizids]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1997, no. 2, pp. 48–58.
11. Eliseev M. B. *Tri bitvy Aleksandra Nevskogo* [Three battles of Alexander Nevsky]. Moscow, Veche Publ., 2017. 288 p.
12. Eremin I. P. [Life of Alexander Nevsky]. In: *Hudozhestvennaya proza Kievskoj Rusi XI–XIII vekov* [Belles-lettres of Kievan Rus XI–XIII centuries]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. pp. 254–358.
13. Kargalov V. V. *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noj Rusi: Feodal'naya Rus' i kochevniki* [Foreign policy factors in the development of feudal Russia: Feudal Russia and nomads]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1967. 265 p.
14. Kirpichnikov A. N. [Alexander Nevsky: between West and East]. In: *Voprosy istorii* [History questions], 1996, no. 11/12, pp. 115–118.
15. Kirpichnikov A. N. [Two great battles of Alexander Nevsky]. In: *Aleksandr Nevskij i istoriya Rossii. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Alexander Nevsky and the history of Russia. Proceedings of the scientific and practical conference]. Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi ob"edinennyi muzei-zapovednik Publ., 1996. pp. 29–41.
16. Kirpichnikov A. N. [The Battle on the Ice of 1242 (new interpretation)]. In: *Voprosy istorii* [History questions], 1994, no. 5, pp. 162–166.
17. Kirpichnikov A. N. [Battle of the Neva in 1240 and its tactical features]. In: *Knyaz' Aleksandr Nevskij i ego epoha: Issledovaniya i materialy* [Prince Alexander Nevsky and His Era: Research and Materials]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. pp. 24–30.

18. Klyuchevsky V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskij istochnik* [Old Russian Hagiographies as a Historical Source]. Moscow, Grachev i K° Publ., 1871. 479 p.
19. Kuchkin V. A. [About the date of birth of Alexander Nevsky]. In: *Voprosy istorii* [History questions], 1986, no. 2, pp. 174–176.
20. Kuchkin V. A. [The difficult years of Alexander Nevsky]. In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Drevnyaya Rus' v sisteme etnopoliticheskikh svyazey: tezisy dokladov* [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Ancient Rus in the system of ethno-political connections: abstracts]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994. pp. 55–58.
21. *Ledovoe poboyshche 1242 g.: Trudy kompleksnoj ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo Poboyshcha* [The Battle on the Ice of 1242: Proceedings of a comprehensive expedition to clarify the location of the Battle on the Ice]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 253 p.
22. [Chronicle of the life and work of Alexander Nevsky]. In: Begunov Yu.K., Kirpichnikov A.N., ed. *Knyaz' Aleksandr Nevskij i ego epoha: Issledovaniya i materialy* [Prince Alexander Nevsky and His Era: Research and Materials]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. p. 206.
23. Lihachev D.S. [Galician literary tradition in the "Life of Alexander Nevsky"]. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature of the Institute of Russian Literature] Vol. 5. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. pp. 49–52.
24. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The first Novgorod chronicle of the senior and junior edition]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 641 p.
25. Ohotnikova V. I. [The tale of Dovmont and biographies of princes]. In: *Istochnikovedenie literatury Drevnej Rusi* [Source study of the literature of Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. pp. 115–128.
26. Ohotnikova V. I. [The story of the life of Alexander Nevsky]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi (XI – pervaya polovina XIV v.)* [Dictionary of scribes and books of Ancient Russia (XI – first half of the XIV century)]. Iss. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1987. pp. 354–363.
27. Pashuto V. G. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1975. 160 p. 24.
28. Razin E. A. *Istoriya voennogo iskusstva VI–XVI vv.* [History of military art of the 6th – 16th centuries]. St. Petersburg, Moscow, Polygon, AST Publ., 1999. 656 p.
29. [Sarai Orthodox diocese]. In: *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Vol. 28a. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1900. 399 p.
30. *Svyatitel' Nil Serbskij. Mysli o dobre i zle. Prilozhenie. Svyatoy knyaz' Vladimir – krestitel' Rusi* [Saint Nil Serbian. Thoughts of good and evil. Application. Holy Prince Vladimir – Baptist of Rus]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/mysli-o-dobre-i-zle/3 (accessed: 12.12.2020).
31. *Seleznyov A. A. [Crow Stone chronicles – the place where the Battle on the Ice began (1242)]. In: Svyatoy blagovernnyj knyaz' Aleksandr Nevskij – na vse veka s Rossiej: materialy konferentsii / X Mezhdunarodnye Aleksandro-Nevskie chteniya, Pskov, 16–17 maya 2019* [Holy noble Prince Alexander Nevsky – for all ages with Russia: proceedings of the conference / X International Alexander Nevsky Readings, Pskov, May 16–17, 2019]. Pskov, Pskov State University Publ., 2019. p. 20–52.
32. Soloviev S. M. [History of Russia since ancient times]. In: *Sochineniya. V 18 knigakh* [Compositions. In 18 books]. Book. 2. Vol. 3–4. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 765 p.
33. Tihomirov M. N. *Iz dnevnika poezdki na Chudskoe ozero. 1958* [From the diary of a trip to Lake Peipsi. 1958]. Available at: <https://xn---btbbheccxu6abcbl8m.xn--p1ai/expedition/iz-dnevnika> (accessed: 7.12.2020).
34. Tihomirov M. N. [About the place of the Battle on the Ice]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series of history and philosophy], 1950, vol. 7, no. 1, pp. 88–91.
35. Tihomirov M. N. [About the place of the Battle on the Ice]. In: Tihomirov M.N. *Drevnyaya Rus': Sbornik statei* [Ancient Russia: Collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1975. pp. 368–374.
36. Tolochko P. P. [Mongol-Tatars and Russia]. In: *Kochevye narody stepej i Kievskaya Rus'* [Nomadic peoples of the steppes and Kievan Rus]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2003. pp. 130–157.
37. Trusman Yu. [About the place of the Battle on the Ice in 1242]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1884, January, pp. 44–46.

38. Fedotov G. P. [Canonization of Saint Vladimir]. In: Fedotov G. P. *Sobranie sochinenij v 12 t.* [Collected works in 12 volumes]. Vol. 7. Moscow, Martis SAM & SAM Publ., 2014. pp. 201–211.
39. Khrapachevsky R. P. *Voenmaya derzhava Chingiskhana* [The military power of Genghis Khan]. Moscow, AST, Lyuks Publ., 2005. 557 p.
40. Hrustalev D. G. Severnye krestonoscy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v Vostochnoj Pribaltike XII–XIII vv. [Northern Crusaders. Russia in the Struggle for Spheres of Influence in the Eastern Baltic, XII–XIII centuries]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2019. 624 p.
41. Philipp W. Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs. In: *Ibid.*, 1973, bd. 18, ss. 55–72.
42. Philipp W. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo». In: *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1957, bd. 5, ss. 7–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, профессор кафедры истории, культуры и социального развития Московской области Московского государственного областного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Общественной палаты Ярославской области;

e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

архимандрит Сильвестр (Лукашенко) – настоятель храма Св. великомученика Андрея Стратилата с. Сулость Ростовского района Ярославской области, председатель Ярославского церковно-исторического общества, член Общественной палаты Ярославской области;

e-mail: ekaterina.monos@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri Yu. Ierusalimskiy – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Russian Medieval and Modern History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Professor of the Department of History, Culture and Social Development of the Moscow Region, Moscow Region State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, member of the Civic Chamber of the Yaroslavl Region;

e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Archimandrite Sylvester (Lukashenko) – rector of the Church of the Holy Great Martyr Andrei Stratilat p. Sulost, Rostov District, Yaroslavl Region, Chairman of the Yaroslavl Church Historical Society, member of the Civic Chamber of the Yaroslavl Region;

e-mail: ekaterina.monos@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко). Александр Невский: между Западом и Востоком // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 22–34.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-22-34

FOR CITATION

Ierusalimskiy Yu. Yu., Archimandrite Sylvester (Lukashenko). Alexander Nevsky: Between East and West. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 22–34.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-22-34

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-35-47

К ВОПРОСУ О ПРОЗВИЩАХ И ДАТИРОВКАХ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Асонов Н. В.*Московский педагогический государственный университет**11999, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация**Московский государственный областной университет**1414014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Изучить историю появления у князя Александра Ярославича прозвища «Невский», установить приблизительное время и причину закрепления за ним данного прозвища, а также проверить и уточнить время его рождения.

Процедура и методы. Исследование проведено на основе комплексного анализа летописей как главного вида письменных источников Древней Руси, содержащих прямые и косвенные сведения о её государственных деятелях, с привлечением и других видов источников.

Результаты. Сделан ряд выводов, позволяющих проследить генезис прозвищ Александра Невского, и определить причины, место и приблизительное время, закрепления за ним прозвища «Невский», а также обосновано время его рождения – в июле 1220 г.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование позволяет дополнить и уточнить ряд значимых аспектов в истории Древней Руси и в биографиях её государственных деятелей XIII–XVI вв.

Ключевые слова: Александр Невский, Древняя Русь, история России, русские летописи, идеология, политика

ON THE TOPIC OF ALEXANDER NEVSKY'S SOBRIQUETS AND DATINGS OF BIRTH

N. Asonov*Moscow State Pedagogical University**1, str. 1, M. Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation**Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation***Abstract**

Aim. To study the history of the appearance of Prince Alexander's sobriquet "Nevsky", to establish an approximate time and reason for this title, as well as to elucidate any inconsistencies with the date of Alexander Nevsky's birth.

Methodology. The study was based on a comprehensive analysis of chronicle sources as the main type of written documents during the Rus' period, reflecting direct and indirect information about Russian statesmen, with the involvement of other sources.

Results. The obtained results allowed the genesis of Alexander Nevsky's sobriquets to be traced. An approximate time, place and reasons for the establishment of the sobriquet "Nevsky", generally

accepted by scholars today, were determined. It is concluded that the prince was born in July 1220. **Research implications.** The findings complement the available information on a number of significant problems in the history of Ancient Rus' and its notable statesmen in the 13th–16th centuries.

Keywords: Alexander Nevsky, Ancient Rus', history of Russia, Chronicles of the Rus', ideology, politics

Постановка проблемы

Решение вопросов, связанных с уточнением датировок рождения и ухода из жизни тех или иных государственных деятелей, не является для исторической науки определяющим направлением её исследовательского поиска, поскольку оно не содействует раскрытию противоречий или причинно-следственных связей между социально-политическими явлениями и процессами. Исключение здесь могут составлять только те даты, что связаны с серьёзными изменениями в жизни государства и общества, когда появление знакового исторического лица или его внезапная смерть могли способствовать началу целой эпохи или, наоборот, положить ей предел.

В этом плане определение время рождения княгини Ольги имеет серьёзное научное значение. Ведь у нас появляется возможность понять биографию этой княгини и выявить ошибку летописных известий о ней, так как характер событий, связанных с её жизнью, позволяет говорить о двух Ольгах, а не об одной. Тут всё внимание исследователя должно быть сосредоточено на доверии к источнику, которым он пользуется. Лаврентьевская летопись создаёт много загадок, приводя те или иные даты из жизни нашей равноапостольной княгини, а они откровенно противоречат друг другу и сильно снижают доверие к данному источнику. Поэтому, когда мы начинаем высчитывать возможную дату её рождения, сопоставляя с годом рождения Святослава и последующего крещения, связанного с попыткой Константина VII жениться на ней, легко замечаем всю абсурдность приводимых дат.

Если предположить, что женой князя Игоря она стала в 13 лет, а летопись от-

носит это событие к 903 г.¹, тогда сына она должна родить в 50 лет, а пленить василевса ромеев – в шестидесятипятилетнем возрасте. Подобные подсчёты заставляют больше доверять тем сведениям, где минимум приводимых дат не создаёт между ними откровенного противоречия. Это в полной мере относится к Псковским летописям, избегающим излишней детализации и отсылки к датам в тех случаях, где нет достаточной информации. Там просто указана череда значимых событий, случившихся между известными летописцу датами. В частности он точно знает, что в «лето 6477. Оумре княгиня Ольга»². Это 969 г.

Работа с такого рода источниками позволяет больше ориентироваться на косвенные сведения, содержащиеся в других документах и не делить одного человека на два исторических лица. Это не только отечественные и зарубежные хроники и свидетельства, дипломатические документы, эпистолярное наследие или сочинения устного народного творчества, но и церковные календари, содержащие сведения о днях памяти святых, в честь которых нарекали государственных деятелей при рождении. Работу с такими календарями у нас начал ещё В. Н. Татищев, что позволило ему относительно точно высчитать дату рождения Александра Невского, однако, по сей день это направление исследовательской деятельности не пользуется широкой популярностью. По этой причине автор данной работы счёл нужным показать методологическую значимость использования церковных

¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 29.

² Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 8.

календарей как составной части общей источниковедческой деятельности по выявлению скрытых от нас дат. В случае с Александром Ярославичем это имеет решающее значение.

Раскрытие некоторых дат рождения или смерти помогает решить целый ряд частных вопросов более узкого плана. Они позволяют распутать интригу, сложившуюся благодаря кончине государственного или церковного деятеля, скажем, такого, каким был архимандрит Митяй, активно продвигаемый на пост митрополита Дмитрием Донским. В разных источниках его болезнь и смерть не совпадают по времени, варьируясь между 1378 и 1380 гг. Причём в одной и той же летописи даются две противоположные версии. Одна говорит нам о том, что Митяй «умре на мори», когда он плыл в Константинополь, другая утверждает, что его смерть наступила, когда корабль «стояше на единомъ месте»¹, после чего положили Митяя в гроб и отнесли в Галату.

А ведь это – время, предшествующее Куликовской битве. И здесь роль Сергия Радонежского как соперника или преемника Митяя, получившего возможность оказать решающее влияние на Московского князя, не может быть окончательно решена до тех пор, пока не выяснится год его кончины. Если следовать Московскому летописному своду, получается, что Митяй «пребысть ... на Москве лето и 6 месяц»². Это время с конца 1377 по начало 1379 года. Следовательно, вдохновителем победоносной битвы на р. Воже, произошедшей в 1378 г., мог быть только Митяй. Тогда становится понятным молчание всех источников о Сергии Радонежском по поводу данного события, хотя до 1380 г. это было самое крупное столкновение московской рати с ордынским войском. Если верить Владимирскому лето-

писцу, получается, что Митяй «поиде во Цареград» в лето 6886, что соответствует 1378 г., а битва на р. Воже в данном документе датируется 6887 годом³.

Кроме того, смерть Митяя, случившаяся в 1379 или 1380 гг., высвечивает круг его главных противников, видимо, как-то связанных между собой общей религиозно-политической идеей и не желающих видеть великокняжеского ставленника в качестве митрополита. Это суздальский епископ Дионисий, сбежавший от Дмитрия Донского в Константинополь и оставивший «по себе игумена Сергия», сам Сергий Радонежский, его друг митрополит Киприан, уже поставленный Вселенским Патриархом на всю Русь. И это архимандрит Пимен. Их связь с константинопольским двором, не вызывает сомнений и возможность косвенного участия враждующих между собой ромейских василевсов в преднамеренном убийстве Митяя вполне вероятна.

Митяй, имевший враждебный и даже агрессивный настрой к католикам и мусульманам, вряд ли был нужен «западнику» Иоанну V, ещё в 1369 г. присягнувшему «римскому первосвященнику на верность» [7], а в 1373 г. признавшему свою зависимость от султана Мурада I. Благодаря Мураду он победил своего сына Андроника, кажется, не питавшего добрых чувств к католикам и мусульманам, и вернул себе престол в августе 1379 г., который отнял у него сын в 1376 г. Причём в том же 1379 г. ушёл патриарх Макарий, и константинопольская кафедра пустовала, пока в 1380 г. её не занял Нил. Таким образом, определив точный год смерти Митяя, мы сможем относительно точно указать ту группировку в высшей элите ромеев, что была настроена провести на его место своего человека.

Другое дело, изучение дат, не имеющих «привязки» к историческим собы-

¹ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Полное собрание русских летописей. Т. VIII. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 37.

² Московский летописный свод конца XV в. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 197.

³ Владимирский летописец. Вторая Новгородская (Архивская) летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 126.

тиям. Именно эта особенность отличает время рождения Александра Невского. Его появление на свет не связано с ключевыми событиями истории России. Но поскольку мы говорим о выдающемся государственном деятеле, оказавшем огромное положительное влияние на ход развития нашей страны, и причисленном к лику святых, решение такого вопроса следует трактовать как дань уважения к этому человеку. В данной связи более серьёзную научную значимость приобретает изучение генезиса его прозвищ и причина их последующей замены на то, которые нам всем хорошо известно – «Невский».

Решение проблемы

Сложилось мнение, что этот князь своё прозвище получил почти сразу после знаменитой битвы, случившейся в 1240 г. при впадении Ижоры в Неву, когда небольшая русская рать смогла разгромить объединённые силы шведов, норвежцев и финнов. В крайнем случае, такое прозвище могло утвердиться за ним вскоре после его захоронения во Владимире, когда по инициативе митрополита Кирилла II были написаны «Повести о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра». Согласно комментариям Д. С. Лихачёва, данный документ следует датировать 80-ми гг. XIII в. и считать его продолжением жизнеописания Даниила Галицкого, поскольку митрополит Кирилл II был бывшим «печатником» Даниила. Причём Д. С. Лихачёв уверен, что оба текста имеют целый ряд лексических и стилистических совпадений [2].

Если это так, то Александр, вслед за Даниилом, должен получить от автора прозвище, соответствующее его престольному городу. Таких городов было три: Новгород, Киев, Владимир. Но подобной географической «привязки» мы не встречаем. Есть только один свод, где Александр указан как «Новгородский»¹.

¹ Симеоновская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. С. 70. <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/20835> (дата обращения: 04.12.2020).

Это Симеоновская летопись, составленная приблизительно в 1412 г. и представляющая разновидность Троицкой летописи. Следовательно, она входила в круг московских документов, как-то связанных с духовной, а не великокняжеской властью.

Высказанные соображения заставляют подвергнуть сомнению авторство Кирилла II. Более того. Кирилл II умирает в 1281 г. в Переяславле-Залесском, но ещё в 1274 г. он ставит на Владимирскую епархию некоего Серапиона. Указанные факты позволяют отдать инициативу в создании «Повестей» об Александре его сыну Дмитрию Переяславскому, занимавшему княжеский стол во Владимире с 1277 по 1281 гг. и с 1283 по 1293 гг. Хотя, не исключено, что идея воспеть своего отца могла принадлежать младшему брату Дмитрия – Андрею Городецкому, владевшему Владимиром с 1281 по 1283 гг. Такой вывод согласуется и с мнением А. Н. Насонова, считавшего, что во Владимире-Залесском «летописная работа... быстро стала в полной мере летописанием княжеским или, вернее, великокняжеским» [3]. Для нас здесь важно отметить отсутствие в текстах прозвища, связывающего имя Александра Ярославича с его громкой победой на Чудском озере, хотя, казалось бы, она должна вознести его на пьедестал русской славы как Александра Чудского².

Другая загадка таится в его имени. Мы забываем, что у русских князей того времени было по два, а то и по три имени. Помимо имени своего патронально-го святого, получаемого при крещении и считавшегося вторым, каждый носил своё первое имя, получаемое от родителей при рождении. Известно, что Ярослав Всеволодович при крещении стал Фёдором, мать Александра была Ростис-

shkolazhizni.ru/culture/articles/20835 (дата обращения: 04.12.2020).

² Рогоза В. Почему князь Александр Ярославич стал «Невским», а не стал «Чудским»? Ч.2. <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/20835/> (дата обращения: 04.12.2020).

лавой, а вот как они назвали своего сына при рождении? Этого мы не знаем. Все источники об этом молчат и указывают только его крестильное имя. Эту загадку мы не разрешим уже никогда. Сознательное забвение такого факта, как и отказ авторов закрепить за ним прозвище, сообразуясь с местом его княжения, может говорить только о чёткой идеологической позиции, выработанной по отношению к Александру Ярославичу при его детях.

Тут возникает два предположения. Первое связано с желанием сыновей Александра, получивших великое владимирское княжение, поднять статус своего рода до общерусских размеров и поставить других великих князей в подчинённое положение, навсегда закрепить за собой княжеские столы в Новгороде и Пскове. При этом за Владимиром должен утвердиться статус новой светской и духовной столицы Руси, на фоне которой Киев окончательно терял своё первенство. Когда же с претензией на общерусское лидерство выступили московские князья, то они не преминули обосновать её родством со своим великим предком. Для этого они использовали свои опорные пункты в других городах, включая зависимые от митрополита монастырские центры летописания. Им удалось добиться своего настолько, что даже в статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской первой летописи, утвердилось положение о том, что «от сего князя Александра пошло великое княжение Московское»¹. В качестве подтверждения данной установки перечень его сыновей начинает «Данила Московский». А уже за ним идут в качестве младших его братья: Дмитрий Переяславский, Василий Костромской и Андрей Городецкий.

Второе предположение свидетельствует о признании незаурядных заслуг Александра как государственного дея-

теля и защитника православия, много сделавшего для его сохранения и распространения на другие территории. Впрочем, оба варианта могут представлять собой две стороны общего политического замысла, реализовавшегося сыновьями Александра, которые в своём стремлении отеснить от высшей власти других Рюриковичей использовали авторитет ордынского хана. Согласно летописным данным, с 1245 г. правитель Орды наделяется на Руси титулом «цесаря»², что вполне объяснимо. Ведь «Ромейского царства» больше не существовало, а в Константинополе с 1204 г. сидел латинский император, и его ставленников Русь принимать не могла.

Другое дело – Орда. Там, как сообщает Рашид ад-Дин и некоторые западные миссионеры, в окружении монгольских правителей было много восточных христиан, и «эти люди ... стали могущественными»³. При дворе великих монгольских ханов в Каракоруме «оказывают христианам больше уважения, чем другим народам», причём «князю Ярославу они всегда давали высшее место»⁴. Но Ярослав в 1246 г. умирает. Тогда на политическую арену евразийского масштаба выходит Александр, не принявший сторону своего брата Андрея, вставшего в оппозицию к Орде. В летописях и житии Александра речь идёт о том доверии, которое он приобрёл на Востоке, когда «Царь Батый слышавъ его мужество, и возлюбил его паче всехъ князей и призва его к собе любовно»⁵. Одна из версий «Жития» раскрывает божественное желание объединить Русь под властью одного правителя. Именно с этой целью

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 94.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2–3. Том. 3. М.: Академия наук СССР, 1960. С. 18.

⁴ Плано Карпини Дж. Дель. История монголов. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 77, 113.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Ук. соч. С. 468.

возникает сравнение с историей Израиля, когда, уступив «Небесной мудрости» и подчинившись монгольскому правителю, Александр получает в награду и в управление всю Русь. При этом автор сравнивает его с Иосифом, «которого поставил египетский царь вторым после себя человеком в Египте»¹.

Теперь есть смысл перейти к Псковской летописи и обратить внимание на характерное для неё желание разделить XIII в. на локальные исторические периоды. Среди них выделяется отрезок времени, протянувшийся «От числа Руския земли до смерти царя Александра ... в лето 6776»². Следовательно, он вне удельной системы. Он над ней и потому не может числиться даже просто великим князем (первым среди равных). Его следует отождествлять только со всей русской землёй – как правителя, обладающего широкими властными полномочиями и располагающего соответствующим им авторитетом.

Видимо, это обстоятельство, поднявшее Александра над другими князьями и сделавшее русским Иосифом, стало главной причиной того, что в течение почти ста пятидесяти лет он во всех источниках не фигурировал как «Невский». Все наиболее ранние источники, дошедшие до нас от конца XIII в. до начала XV в., говорят о нём просто как об Александре. Часто величают его по отчеству – Ярославич, но это делалось только в тех случаях, когда текст произведения носил повествовательный характер и не отличается претензией на панегирик. Зато там, где у авторов появляется желание поднять политический статус своего героя, мы наблюдаем совмещение отчества с прозвищем.

Следует подчеркнуть, что наиболее распространённым прозвищем, которым награждали Александра в летописях,

было «храбрый». Оно встречается почти во всех значимых рукописных сводах с XIV в. по XVI в. Тут можно вспомнить Новгородскую первую летопись, Тверской летописец, Летописец о великом князе Московском, Летописец Авраамки и даже Историю о Казанском царстве. Единственным исключением окажется только Ипатьевская летопись, что тоже вполне понятно. Ведь конфронтация Даниила Галицкого, поддержанного Андреем Суздальским, с Александром имела религиозно-политические корни. В их основе лежало эсхатологическое понимание происходящих в XIII в. событий и, прежде всего, нашествия монголов, что позволяет лишней раз усомниться в правильности вывода Д. С. Лихачёва о причастности митрополита Кирилла II к написанию «Повестей» как об Александре, так и о Данииле.

Есть основание полагать, что отношение к монголам на Руси носило противоречивый характер, что привело к образованию двух враждебных лагерей. Первый, опираясь на труды Мефодия Патарского и иные сочинения апокрифического характера, не имеющие доверия со стороны официальной церкви, полагал, что уже настаёт конец света и уже прибыл всадник войны, приведя «к скончанию времени» «ис пустыня Етриевьскы» «безбожнии татары»³ – самый лютей народ. «И попленили им вся земля и доидут до Рима»⁴. Они опаснее западных захватчиков, и потому в первую очередь отпор дать надо именно им.

Видными представителями этого лагеря, который по типу политического участия можно охарактеризовать как оборонительно-мобилизационный, тогда были рязанские и галицко-волынские князья, а также Андрей Суздальский. Именно в его

¹ Житие Александра Невского. Изборник. М.: Художественная литература, 1969. С. 328.

² Псковские летописи. Т. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 13.

³ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 446, 460.

⁴ Слово, святого отца нашего Мефодия таганьского сказание. о последних летех. Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 666.

уста летописец вложил фразу, ставшую их политическим девизом: «лутчи ми есть бежати въ чужую землю, неже дружитися и служити Татаромъ»¹. Также решительно были настроены его двоюродные братья: Всеволод и Мстислав Юрьевичи, готовые «умрети пред Златыми вороты,.. ниже в воле их быти»². Этих князей вспоминают, когда речь заходит о героической борьбе Руси с восточной агрессией 1237–1240 гг. Но мобилизационная слабость, не позволившая вождям данного лагеря повести за собой народ и дать отпор врагу, связана с отсутствием поддержки со стороны официальной церкви. Поэтому они были обречены на поражение. Вместе с ними на поражение в борьбе с монголами была обречена Русь.

Симпатия церкви была на стороне оборонительно-соглашательского лагеря. Его духовным вождями стали епископ Кирилл и митрополит Кирилл II, взявшие на себя роль проводников политики мирного подчинения Орде. Светскую власть в этом лагере представляли великий князь Ярослав Всеволодович и Александр Невский. Они видели в пришествии «татар» кару, наложенную «ради съгрешения и неисправления к богу» русских людей. «И богъ на ны разгневасть и наказа нас, яко же чадолюбивый отецъ»³. Чтобы не гневить Бога, Руси надо принять власть хана и смиренно нести своё иго. Сопротивляться надо только Западу, несущему угрозу православию. Когда Господь увидит, что русские исправились в своих винах и стали тверды в вере, Он снимет наложенное иго.

Влияние этого лагеря сделало многих князей равнодушными к нашествию с Востока. Известно, что борьбу с Ордой не

стали поддерживать ростовские князья Борис и Глеб, ездившие туда «чуть ли не каждый год» [5]. Те области, что не пожелали подчиниться хану, были приведены к покорности силой. В 1257 г. Александр подавил антиордынское выступление в Новгороде и добился того, чтобы в том же году «поидоша вси кнзи въ Орду»⁴.

Подобный политический авторитет, укрепившийся за счёт подавления оборонительно-мобилизационного лагеря, позволил Руси не только остановить продвижение католических интересов на восток Европы, но и создать в 1261 г. Сарайскую епископию. Причём с самого начала она была поставлена в прямое подчинение митрополиту Руси. Думается, оценка участия Александра в этих событиях повлияла на появление у него более значимого прозвища – «Великий». Например, в качестве «Великого» он упоминается в Рогожском летописце.

Теперь, переходя к анализу истории возникновения прозвища «Невский», следует обратить внимание на его отсутствие не только в ранних документах, как уже было сказано, но и в рукописях Владимирско-Московской Руси. Для её правителей он был «политической иконой» и уменьшать его престиж до уровня «Вотьской пядины» Новгорода, где протекала Нева, было недопустимым унижением всего дома Даниловичей. Следовательно, подобное прозвище могли присвоить Александру, во-первых, только там, где хорошо представляли значимость Невы как «окна» Руси в Европу. Во-вторых, не смотрели на него как на «царя» и «Великого» правителя, поскольку имели своего великого господина.

Видимо, таким государством была Литва. Её великий князь Александр, «зовомый Витовт», в первой трети XV в. распространил своё влияние на обширные территории от Балтики до Чёрного моря и в своей славе, пожалуй, превосходил

¹ Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. X. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 138.

² Софийская первая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 291.

³ Софийская вторая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 302.

⁴ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 524.

русского тѣзку из рода Рюриковичей. Известно, что начавшаяся в Московском княжестве усобица, продолжавшаяся до 1453 г., пока последний «шемячич» не ушёл в Литву, подорвала международный престиж Даниловичей. К этому надо добавить печальную историю с заключением унии по инициативе митрополита Исидора, бежавшего из Москвы в Новгород, а затем в Рим. Здесь он добился перехода Литовской Руси под свою власть и получил сан Патриарха Константинопольского. В Москве нового митрополита избрали только в 1448 г. Дальше была долгая борьба за воссоединение русской митрополии, но её Москва к 1459 г. проиграла. Прямым следствием подрыва религиозно-политического авторитета Москвы могло стать ослабление исторической значимости Александра Ярославича. Именно в это время среди русских книжников Великого княжества Литовского, занимавшихся летописанием и обязанных воспевать Александра-Витовта, могло возникнуть желание прозвать Александра Ярославича «Невским», принизив достоинства чужого правителя в пользу своего князя и своего «патриарха».

К этому периоду относится одно из первых упоминаний об Александре Ярославиче с приставкой «Невский». Оно содержится в «Супрасльском списке», названном по одноименному месту, где находился русский монастырь. Сейчас это территория Польши. Первая часть данного «списка» была закончена около 1446 г. и повествует нам о том, что в лето 6746 «оженися кнзь Александръ Невъскый во Полоце»¹. Затем аналогичный термин в конце 60-х гг. XV в. использует смоленский летописец. Стоит напомнить, что к этому времени Смоленск больше пятидесяти лет принадлежал Литве и приставка «Невский» могла свободно перекочевать с западных границ Литвы к восточным. Но

поскольку связь Смоленска с Московской землёй имела прочные традиции, то они и отразилось в летописном известии, указавшем на Александра как на «Великого храброго Невского»².

Практически одновременно эпитет «Невский» дают Александру и составители некоторых северных и северо-восточных летописей. В их поздних редакциях, входящих в Комиссионный список и датируемых серединой XV в., он именуется аналогично смоленской трактовке: «великий, храбрыи, невъскый»³. Причём в Воронцовском списке Александр упомянут даже как «грозный»⁴, что для новгородцев совсем не удивительно. Память о его расправах с ними всегда была по их самолюбию и отразилась в прямой поддержке Новгородом «звенигородской группировки», вставшей в оппозицию Василию Тёмному. Постепенно эта новация проникает в культурные центры восточных владений Новгорода, перешедших к Москве и окончательно закреплённых за ней в 1472 г. Тексты Никаноровской и Вологодско-Пермских летописей, датированных концом XV – первой третью XVI в., уже прямо говорят о «великом князе Александре Ярославиче Невском»⁵ или о «князе великом Александре Невском»⁶.

Однако не у всех новгородских летописцев мы встречаем желание связать почитаемого на Владимирской и Московской земле князя с невосковой битвой. Например, Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского, занимающая, как полагают специалисты, центральное

¹ Западнорусские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. XVII. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 22.

² Летопись Авраамки. Полное собрание русских летописей. Т. XVI. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 311.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Ук. соч. С. 468.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Ук. соч. С. 452.

⁵ Вологодско-Пермская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. С. 89.

⁶ Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 291.

место в ряду аналогичных литературных памятников севера Руси, датируемых первой половиной XVI в., говоря об Александре, упорно избегает приставки «Невский». Надо думать, что эта особенность стала следствием организации всего кодекса данного литературного памятника. Ведь он связан с Кратким летописцем новгородских владык и влиянием митрополита Макария, когда он занимал здесь кафедру архиепископа [4]. С этой группой летописей солидаризуются все летописи Пскова, который битву на Чудском озере всегда ставил выше сражения на Неве и предпочитал занимать обособленную от Новгорода позицию.

Известный интерес имеет и та группа источников, что сложились на землях соседних великих княжеств, но предпочли использовать в отношении Александра Ярославича эпитет «Невский». Это Типографская летопись, представляющая Ростовский свод конца XV в. Это Тверской сборник, созданный в середине XV в., и некоторые другие провинциальные летописи. Возможно, в них так проявился антимосковский настрой.

Особую проблему при анализе данной темы вызывает целый ряд летописей, созданных в Московском государстве, начиная с конца XV по середину XVI в. Это Ермолинская летопись конца 80-х гг. XV в. и столичный «Владимирский летописец», относящийся к концу правления Василия III. В ту же группу документов попали Никоновская летопись и Воскресенский список, отразившие официальную политическую установку периода малолетства Ивана Грозного. Все они хотя бы один раз, но используют термин «Невский». Причём в ряде случаев применение означенного термина явно носит поздний характер, что особенно бросается в глаза при рассмотрении Никоновского свода, в котором пространная редакция жития Александра Ярославича называет его «Владимирский»¹. И лишь один раз он

назван «Невский», когда даётся список сыновей Ярослава Всеволодовича.

Сейчас трудно определить причину такого политического заказа, но, безусловно, его идеологическая установка вполне очевидна. В качестве рабочей гипотезы можно предположить следующее: главную роль здесь могло сыграть вхождение в состав Московского государства Новгорода и единственной водной артерии, связывающей столицу России с Балтикой и Европой. Ливонский орден ещё не был разбит. Поэтому значение побоища на Чудском озере не звучало так остро. Когда же в 1547 г. митрополит Макарий при шестнадцатилетнем Иване Грозном провёл Поместный Собор, на котором было канонизировано до сорока местночтимых православных людей, Церковь решила сделать политический реверанс в сторону Новгорода, чтобы сгладить имевшие место противоречия. Так Александр Ярославич вошёл в список святых как «Невский». Правда, попал вместе с Всеволодом Псковским во второй класс «новопоставленных чудотворцев», куда входили только «праведные», Александр на Соборе 1549 г. не был удостоен Церковью праздника, а Всеволод вместе с Михаилом Тверским был отмечен этой честью.

Теперь, переходя к рассмотрению второй проблемы, выводящей нас на решение вопроса о возможной дате рождения этого князя, сразу отметим не только её отсутствие во всех письменных источниках, но и заметный разброс в датировке года его смерти. Например, Владимирский летописец даёт отсылку на «лето 6770»², Московский свод говорит о «лете 6771»³, а Новгородские документы

ских летописей. Т. X. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 141.

² Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 93.

³ Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 144.

¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Полное собрание рус-

указывает на «лето 6772»¹, т. е. на 1264 г. Единственная дата, которая не вызывает сомнений – день его кончины. Везде, где об этом идёт речь, указывается только 14 ноября.

Смушает слабая доказательная база, выдвинутая В. А. Кучкиным. Первое, что вызывает сомнение, это ссылка на «ромейские» и славянские минологии, применявшиеся до XIII в., где только четверо святых Александров были воинами. А как быть, если князь родился в день другого значимого святого, носящего это имя? Не будем забывать, что митрополитом тогда был грек Матфей и через высший епископат культурные связи Руси с Ромейской державой тогда не прерывались, а её связь с античным наследием носила самый прочный характер. Причём это касается не только греко-римского язычества, но и раннего христианства периода катакомб и гонений.

Для нас это важно потому, что на Руси делить историю человечества, протянувшуюся «от Адама» «до исхода 7 000 лет», будут с опорой не только на библейские события и библейских святых, но и на античных героев, где одно из центральных мест займёт Александр Великий (Македонский). Например, с его именем связано закрытие седьмого периода мировой истории, продлившегося «от пленения Иерусалима» «до умертвия Александра царя макидонска»². Он будет упомянут и как «тезоименитнаи царь»³ Александра Невского, и как царь над царями, принявший славян «яко други по сердцу своему» и давший милость их «владычеству»⁴. Не случайно в барельефную композицию

Дмитровского собора во Владимире, выстроенного по приказу деда Александра Невского в конце XII в., наряду с изображением Давида-псалмопевца будет включена сцена вознесения на небо Александра Македонского. Надо думать, что в определении имени решающим фактором могло стать не отрицание античного героя, а совпадение его дня памяти с днём памяти значимого православного святого.

Выдвигая свою гипотезу, В. А. Кучкин исходит из того, что «Александр Невский родился сразу же за Федором, наиболее вероятной датой его рождения можно считать 13 мая 1221 года» [1]. Он почему-то без всяких доказательств отрицает возможность рождения у княгини Феодосии двойни. Во-первых, косвенными доказательствами этого следует считать появление оригинальных печатей. На одной их стороне помещено изображение пешего или конного воина и надпись «Александръ», которого можно отождествлять с Александром Македонским. На другой стороне тоже расположен воин с надписью «Федоръ». Во-вторых, это летописные свидетельства. Они фиксируют редчайший случай назначения на один княжеский стол сразу двух княжичей. Пока Фёдор не умер в 1233 г., он вместе с Александром занимал стол в Новгороде в 1228 и 1230 годах «во всей воли Новгородской»⁵. Вместе они его и покинули в 1228 г.

Если наши рассуждения верны, тогда надо признать ошибочной дату рождения Александра Невского, относящуюся к 13 мая. Но стоит согласиться с В. Н. Татищевым относительно 1220 г. [6], т. к. именно в этот год родился Фёдор, и, следовательно, его брат. Чтобы определить возможный месяц их появления на свет, надо сопоставить дни памяти святых Александра и Феодора. Согласно совре-

¹ Новгородская четвёртая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 234.

² Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 171.

³ Софийская первая летопись старшего извода. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. I. М.: Языки русской культуры, 2000. Стб. 303.

⁴ Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. Ук. соч. С. 139.

⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Полное собрание русских летописей. Т. X. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 96.

менному календарю, таким месяцем может быть только июль. На 3 (16) и 4 (17) июля приходятся дни памяти преподобного Александра обители Неусыпающих первоначальника, скончавшегося в 430 г., и священномученика Феодора, епископа Киринейского, умершего в 310 г.

Правда, можно выдвинуть другую дату, как представляется, больше всего соответствующую истине. Это 9 (22) июля, когда в один день поминают и мученика Александра, скончавшегося в IV в., и Феодора, епископа Эдесского, жившего в IX в. Следует отметить, что мученик Александр был воином и служил у императора Юлиана-Отступника. Христианство он принял, увидев страдания святых Патермуфия и Коприя.

Ассоциативный ряд здесь выстраивается по нескольким показателям. Это тема отхода Нового Рима от христианства, начатая при Юлиане и продолженная при Робере де Куртене, возглавившем Латинскую империю в 1219 г. Ведь на Руси католиков не считали христианами. В них видели отступников от истинной веры в пользу языческих соблазнов, о чём нам свидетельствуют сочинения Феодосия Печерского, митрополитов Георгия и Никифора, живших в XI–XII вв. Кроме того, это тема Ближнего Востока. К моменту рождения Александра новые отступники, подобно отступнику Юлиану, овладев Иерусалимом, пытались обеспечить свои интересы в Азии, поставив православный мир вне закона. Между тем статус Фёдора как епископа крупного православного центра этого региона вполне мог иметь решающее значение для внесения в летопись только одного брата. Не будем забывать, что оба мальчика не могли одновременно появиться на свет. Видимо, Фёдор родился раньше Александра и потому остался в летописях.

Здесь будет уместно вспомнить и об Александре Македонском. Он, по некоторым данным, тоже родился в июле. Думается, что греки, курирующие в то время духовную власть и культуру нашей стра-

ны, это знали. Ведь положительный образ великого полководца мог утвердиться на Руси только двумя путями. Один путь должны были проторить греки, а второй – балканские славяне, заселившие Македонию. А это прямо или косвенно могло повлиять на выбор имени будущего героя Невской битвы и Ледового побоища, прославившегося как устроитель «Святой Руси» и тезка Александра Великого.

Заключение

Проведённое исследование летописных источников было направлено на решение двух научных задач. Первая задача сводилась к выяснению причин появления у князя Александра Ярославича ряда значимых прозвищ («Храбрый», «Великий», «Грозный», «Владимирский», «Новгородский», «Невский») и выяснению причин того, почему среди них закрепилось наиболее позднее по времени появления и наименее характерное для него – «Невский». Вторая задача была связана с уточнением датировки возможного дня и года рождения Александра Невского. Попутно решались другие задачи, раскрытие которых вытекало из решения первых двух задач. Сюда относится исследование идейно-политических лагерей, сложившихся при Александре Невском и той борьбы за власть, что развернулась в Московском государстве во второй четверти XV в. и повлияла на дискредитацию памяти этого князя.

Рассмотренные в статье вопросы привели автора к следующим выводам. Успехи князя Александра в области укрепления православия на Руси и усиления её военно-политической мощи и единства были активно поддержаны Церковью. Это помогло его детям выдвинуться в роли наиболее значимых лидеров клана Рюриковичей, что нашло отражение в их желании усилить свой авторитет за счёт возвышения статуса самого Александра. Реализация такой установки привела к появлению у данного князя целого ряда прозвищ: «Храбрый», «Великий», «Гроз-

ный». С возвышением Москвы, начавшимся в XIV в., её князья поддержали такой идеологический ход, сделав Александра основателем московской династии, а его младшего сына – главным преемником славы отца.

Однако феодальная война, развернувшаяся во второй четверти XV в. между наследниками Дмитрия Донского, серьезно подорвала политический авторитет Москвы, а вместе с ней – и её идеологической установки на возвышение Александра как главного героя Руси. К этому времени больше половины исторических земель Древней Руси вошло в состав Литвы, и её князья смотрели на себя как на политических преемников Рюриковичей. В качестве альтернативной фигуры здесь был выдвинут свой Александр-Витовт, подчинивший своему влиянию огромные пространства Восточной Европы. Поэтому в пределах Литвы Александр получил

иное прозвище – «Невский». Оно распространилось на Новгород и другие русские княжества, а после вхождения их в состав Московского государства стало фигурировать наряду с другими, более ранними прозвищами и закрепилось за Александром Ярославичем только на Поместном церковном Сборе в 1547 г., когда он был причислен к лику святых.

Решение второй задачи строилось на привлечении и комплексном анализе целой группы источников материальной и духовной культуры Руси. Это позволило после систематизации полученных данных внести поправку в дату рождения Александра Невского, предложенную в 1986 г. В. А. Кучкиным, и сделать иное заключение, согласно которому означенный князь мог родиться не в мае 1221 г., а в июле 1220 г.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176.
2. Лихачёв Д. С. Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1947 г. Т. 5. М.–Л. С. 36–56.
3. Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. № 18. С. 255–294.
4. Новикова О. Л. Новгородские сборники XVI–XVII вв.: летописи, сказания, жития // Русская литература. 2000. № 3. С. 75–81.
5. Тарабрин С. Ю. Церковно-политическая деятельность ростовского епископа Кирилла после монгольского нашествия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. №18(2). С. 140–144.
6. Татищев В. Н. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 2–3. История Российская. Часть 2. М.: Ладомир, 1994. 688 с.
7. Успенский Ф. И. История Византийской империи: в 5 т. Т. 5. Отдел 8. Ласкари и Палеологи. М.: Астрель, АСТ, 2002. 560 с.

REFERENCES

1. Kuchkin V. A. [About the date of birth of Alexander Nevsky]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1986, no. 2, pp. 174–176.
2. Likhachev D. S. [Galician literary tradition in the "Life of Alexander Nevsky"]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1947, vol. 5, pp. 36–56.
3. Nasonov A. N. [From the History of the Pskov Chronicle]. In: *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 1946, no. 18, pp. 255–294.
4. Novikova O. L. [Novgorod collections of the 16–17 Centuries: Chronicles, Legends, Lives]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2000, no. 3, pp. 75–81.
5. Tarabrin S. Yu. [Church and Political Activity of the Rostov Bishop Kirill after the Mongol Invasion]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*

[Izvestia of the Saratov university. New series. History series. International relations], 2018, no. 18 (2), pp. 140–144.

6. Tatischev V. N. *Sobranie sotzinenyi : v 8 t. T. 2-3. Istorija Rossiyskaia. Chast 2.* [Collected Works : in 8 vol. Vol. 2–3. Russian History. Part 2]. Moscow, Lodomir Publ., 1994. 688 p.
7. Uspensky F. I. *Istoria Vizantiyskoi imperii: v 5 t. T. 5. Otdel 8. Laskari i Paleologi.* [History of the Byzantine Empire : in 5 vol. Vol. 5. section 8. Lascari and Paleologues]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2002. 560 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета и кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov – Dr. Sci. (Political Sciences), Cand. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Political Science of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (MSPU) and of the Department of Russian Middle Ages and Russian Modern History, Moscow Regional State University;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Асонов Н. В. К вопросу о прозвищах и датировках рождения Александра Невского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 35–47.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-35-47

FOR CITATION

Asonov N.V. On the topic of Alexander Nevsky's sobriquets and datings of birth. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 35–47.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-35-47

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 902/904

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-48-62

ОСОБЕННОСТИ ФОРТИФИКАЦИИ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Коваль В. Ю.¹, Николаева Н. А.²

¹ *Институт археологии Российской академии наук
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Российская Федерация*

² *Московский государственный областной университет
1414014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Дать общую характеристику фортификации типичного «малого города» средневековой Руси Ростиславля Рязанского.

Процедура и методы. На основе анализа материалов многолетних раскопок предпринято построение гипотез о хронологии оборонного зодчества в городе и внешнем виде фортификационных сооружений.

Результаты. Выявлены основные этапы строительства оборонительных сооружений города, установлена их датировка, набор элементов фортификационных конструкций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование позволило впервые дать целостную характеристику фортификации «малого города», проследить динамику в этом строительстве, периоды расцвета и деградации. Важное место занимает критика устаревших представлений о древнерусском оборонном зодчестве, на место которых предложены современные разработки о валах как руинах древо-земляных стен.

Ключевые слова: археология, фортификация, средневековая Русь, древо-земляная стена, вал, ров

FEATURES OF THE FORTIFICATION OF THE TOWN OF ROSTISLAVL RYAZANSKY

V. Koval¹, N. Nikolaeva²

¹ *Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences
19 Dmitriya Ulyanova ul., Moscow 117292, Russian Federation*

² *Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To provide a general description of the fortifications installed in a typical small town of medieval Rus – Rostislavl Ryazansky.

Methodology. Based on an analysis of materials obtained during long-term excavation projects, hypotheses about the chronology of town defence architecture and the appearance of fortifications in the town under study were formulated.

Results. The main stages in the construction of the town's defensive structures were identified, along with their dating and the set of fortification elements.

Research implications. For the first time, this study allowed a comprehensive description of fortifications in a small town, characterizing the dynamics of this process and the periods of prosperity and degradation. An important part of this study is a criticism of outdated ideas about Old-Russian defence architecture, in the place of which modern developments on ramparts as the ruins of timber-and-earth walls were proposed.

Keywords: archaeology, fortification, Medieval Russia, timber-and-earth wall, rampart, ditch

Введение

Городище Ростиславль (Озёрский район Московской области), являющееся остатками летописного Ростиславля Рязанского, изучается экспедицией Института археологии РАН на протяжении четверти века (начальник экспедиции В. Ю. Коваль), причём почти всё это время в исследованиях участвовали студенты исторического факультета Московского государственного областного университета (руководитель археологической практики Н. А. Николаева). В ходе исследований изучены различные аспекты материальной культуры этого города, в том числе и его фортификация.

Ростиславль Рязанский был основан в 1153 г. и прекратил своё существование в качестве города в начале XVII в. [4], хотя место его не было заброшено в Смутное время, а продолжало использоваться – тут находились церковь с окружавшим её кладбищем и пункт сбора мытной пошлины. Лишь с XVIII в. церковь была переведена на другое место, в стороне от города, дав начало Погосту Ростиславль, просуществовавшему до 1937 г., а территория бывшего города пришла в полное запустение и стала распахиваться крестьянами. Всё это время площадка городища и его укрепления постепенно разрушались, так что ко времени начала постоянного археологического изучения Ростиславля в 1991 г. она существенно изменилась даже по общей топографии.

В эпоху средневековья Ростиславль являлся одним из важных центров Рязан-

ского княжества, в XVI в. он выполнял роль центра стана в составе Рязанского уезда. В письменных источниках о фортификации города нет никаких сведений, имеются лишь скудные известия об основании города в 1153 г., о том, что в 1320 г. здесь правил удельный князь Иван Ростиславльский, а в 1342–1344 гг. здесь временно находилась резиденция Великого Рязанского князя (столицей княжества являлся Переяславль Рязанский, ныне г. Рязань). Последние исследования на городище привели к открытию следов крупной жилой постройки («дворца») с обширным погребом, которая могла принадлежать либо князю, либо, что более вероятно, крупному чиновнику ордынской администрации. Совершенно очевидно, что такой городской центр уже в XII в. должен был иметь какие-то укрепления, а в XIV в. эти укрепления должны были быть достаточно мощными, раз этот город использовался в качестве княжеской резиденции.

Ростиславльское городище размещается на мысовидном выступе платообразной равнины правого берега р. Оки на высоте около 40 м над современным уровнем реки. Его площадка образована крутым склоном, обращённым к Оке и глубоким древним оврагом, впадающим в Оку. От оврага до склона к Оке проходят вал и ров, формирующие треугольную площадку длиной 350 м при ширине 150 м (соответствует длине вала и рва). Таким образом, Ростиславль представлял собой типичнейшее мысовое городище, имев-

шее площадь в пределах 2,5 га. Вал высотой 3–4 м с шириной основания 14–16 м не отделён от рва бермой, глубина рва до 2 м, ширина около 15 м. В валу имеются два разрыва (проёма), разделяющих его на 3 отрезка. На столь незначительный фронт обороны 2 прохода, конечно, избыточны, но даже один проём в валу является необычным для крепостей такого плана: обычно проход в крепость оборудовался на одном из краёв оборонительной линии.

Кроме того, в мысовой части городища размещается ещё один вал, который, как показали наши раскопки, возник в эпоху раннего железного века, но использовался и в период существования Ростиславля. Никакого прохода в этом валу нет, так что проникнуть на мысовую площадку напрямую с остальной территории города было невозможно.

До начала масштабных раскопок Ростиславльской экспедиции о его фортификации можно было судить только по внешнему виду валов. Никаких данных о времени создания этих сооружений не было. Согласно сформировавшейся ещё в конце XIX в. концепции валы средневековых русских городов рассматривались в качестве специально созданных насыпей, на гребнях которых воздвигались деревянные полые стены. Открывавшиеся внутри валов остатки деревянных конструкций воспринимались как некие структурирующие насыпь элементы. Исследования последней четверти XX в., проводившиеся на современном научно-методическом уровне, позволили Г. В. Борисевичу и Ю. Ю. Моргунову разработать новую концепцию, согласно которой валы русских городов являются руинами древо-земляных стен, составленных из бревенчатых срубов, заполненных землей [2, с. 97; 9]. С этой точки зрения важно было понять, что же собой представляют валы Ростиславля.

Фортификационные сооружения Ростиславля исследовались экспедицией, начиная с 1995 г. Прорезка вала и рва на главной оборонительной линии города

проводилась в 2004–2008 гг., позже изучался западный проём в валу (2011 г.), западный, обращённый к Оке, его край (2014–2017 гг.) и главный вход на эту площадку (с 2017 г. по сей день). Кроме того, осуществлена прорезка вала в мысовой части городища (2004–2009 гг.) и эскарпов по её склонам (2010, 2011, 2015, 2016 гг.). Наконец, осуществлялось изучение оборонительной линии по восточной (обращённой к оврагу) стороне площадки (1995–1997, 2013 гг.) и поиск следов такой линии на склоне, обращённом к Оке (2011, 2019 гг.). Материалы этих исследований постоянно публиковались [3; 5–8]. В результате к сегодняшнему дню удалось собрать некоторые данные о времени возникновения городских укреплений, их конструкции, трансформациях и прекращении функционирования. К сожалению, не все вопросы тут одинаково хорошо обеспечены добытыми археологическими источниками, однако сегодня уже можно делать определенные выводы на эту тему.

Городская стена

Прежде всего, прорезками вала по главной линии обороны города установлено, что этот вал не являлся насыпью, а представляет собой руины древо-земляной стены, подвергавшейся перестройкам. Дело в том, что на разных уровнях были зафиксированы чёткие следы прямоугольных структур с различного цвета грунтом, а также полости от истлевших брёвен (часто эти полости были заполнены грунтом иного цвета, нежели окружающий). Все эти признаки идентичны характеристикам остатков городней, из которых слагались стены древнерусских крепостей. Под «городнями» здесь понимаются состыкованные в ряд бревенчатые срубы, внутренний объём которых заполнен землей, в соответствии с терминологией, предложенной в свое время Ю. Ю. Моргуновым [9, с. 47]. Аналогичное строение имело не только большинство стен средневековых городов Руси [9], но и древо-земляные стены городов

Центральной Европы [10, кер. 226, 230, 240, 248; 11, кер. 152].

Под руинами стены (с этого момента так и будем называть данный «вал») выявлены следы пашни, предшествовавшей строительству, в которой встречены мелкие обломки керамики домонгольской эпохи. При этом в разрезе на восточном

фланге стены (рис. 1, № 1) поверх пашни фиксировалась угольная прослойка, оставленная, вероятно, выжиганием растительности перед началом строительства. Радиоуглеродное датирование образцов из этой прослойки позволило относить возведение стены не ранее чем к концу XIII в. [3, с. 78].

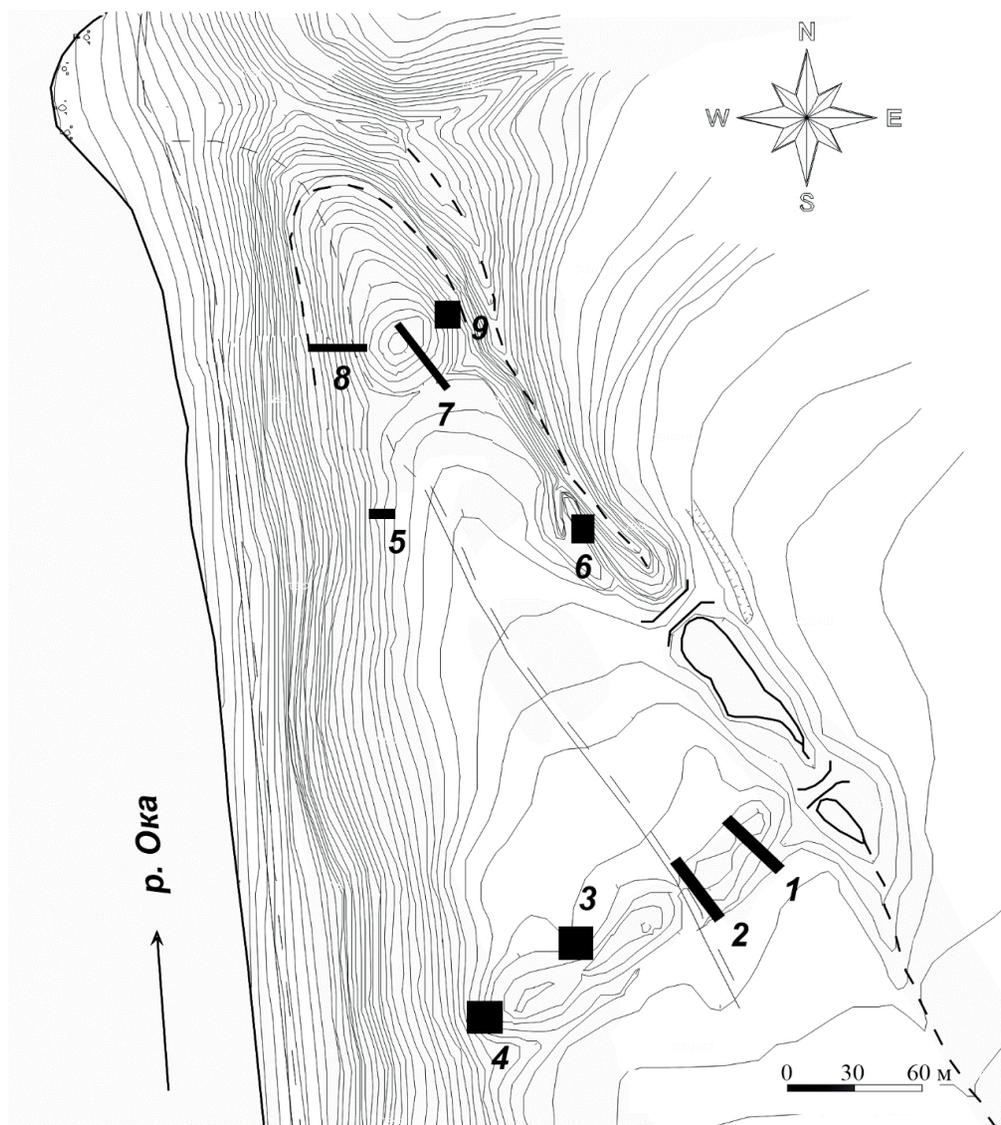

Рис.1 / Fig. 1. Схема городища Ростиславль с указанием мест проведения исследований и поиска фортификационных сооружений (по тексту изложения) / The layout of the Rostislavl hillfort with the sites of research and search for fortifications (according to the text)

Источник: данные авторов

При подготовке первой публикации о главной линии обороны Ростиславля в её строительстве были выделены 4 этапа [3], однако результаты последующих исследований заставляют сократить их число до трёх. Первый этап с самого начала вызывал сомнения, поскольку к нему в своё время были предположительно отнесены только нижние 30–50 см заполнения обнаруженных городней, состоявшие из почвенных грунтов серого цвета. Данные новой прорезки вала (рис. 1, № 2) показали, что в других местах такого стратиграфического контекста не обнаруживается. Следовательно, те прослойки, которые ранее принимались за следы стены первого этапа, в действительности были просто нижней частью заполнения городней исключительно на одном только этом участке. Судя по разрезу, ширина первого ряда городней стены составляла не менее 5 м, второго ряда – 3 м, а общая ширина стены достигала 8 м (рис. 2, 1, 2). Высота стены не могла быть ниже 2 м, это минимальная высота таких сооружений, чтобы служить преградой для пеших и конных воинов [9, с. 71, 95–99]. Ров первого этапа реконструируется по «ступеньке» с уплощённым дном, сохранившейся в правой части разреза рва (рис. 2, 1). В этом случае ширина этого рва составляла 8 м, а глубина – около 2,5 м. Таким образом объём грунта, вынутый из рва совпадал с объёмом городней стены первого этапа¹. Перепад между дном рва и вершиной заборол (парапета по верху городней) в этом случае мог достигать 6 м.

Таким образом, на первом этапе была создана чрезмерная по толщине, но небольшая по высоте стена. Разумеется, допуская ещё большую ширину рва, можно предполагать и более высокую стену, однако профиль вала не даёт оснований для такого варианта реконструкции, поскольку после разрушения стены этапа 1 обрвалась осыпь высотой не более 2

м. Если бы первоначальная стена была более высокой, то выше был бы и гребень этой осыпи.

Перестройка первоначальной стены города могла потребоваться из-за того, что между нею и краем рва была оставлена слишком узкая берма, которая начала осыпаться, тем самым лишая опоры внешний панцирь стены. На такой сценарий развития событий указывают некоторые особенности разреза (рис. 2, 1), на котором видно, что заполнение городней со стороны рва обрывается, причём в этом месте край рва имеет выемку, оставленную, вероятно, случившимся обвалом грунта. На дне же первоначального рва видны прослойки материкового суглинка, отложившиеся в результате такого обрушения (рис. 2, 2). Вероятно, в ходе строительства первоначальной стены были допущены ошибки – склон рва ничем не укреплен, а берма между рвом и стеной была слишком узкой или же вообще отсутствовала. Поэтому довольно скоро после постройки стены потребовалась её полная перестройка.

Эта перестройка началось с частичного разбора деревянной обшивки городней и расширения рва, дно которого маркируется ещё одной, более глубокой «ступенькой» с почти плоским, слегка наклонённым в напольную сторону, дном шириной до 4 м (рис. 2, 1, 3). При этом полученный из рва грунт был использован не столько для увеличения высоты стены, сколько для наращивания её толщины в напольную сторону – приём, редко встречающийся в древнерусской фортификации. Для этого были применены трёхстенные срубы, опущенные почти на самое дно рва предыдущего этапа. Нижняя часть этого рва уже была частично засыпана, поэтому для срубов были выкопаны специальные канавы шириной 25–40 см: для продольных брёвен лицевого панциря стены такая канава была проведена по склону присыпанного рва, а для поперечных брёвен сделаны ступенчатые врезки-канавки в склон рва на

¹ Сравнение удобно проводить, используя площади поперечных сечений рва и стены.

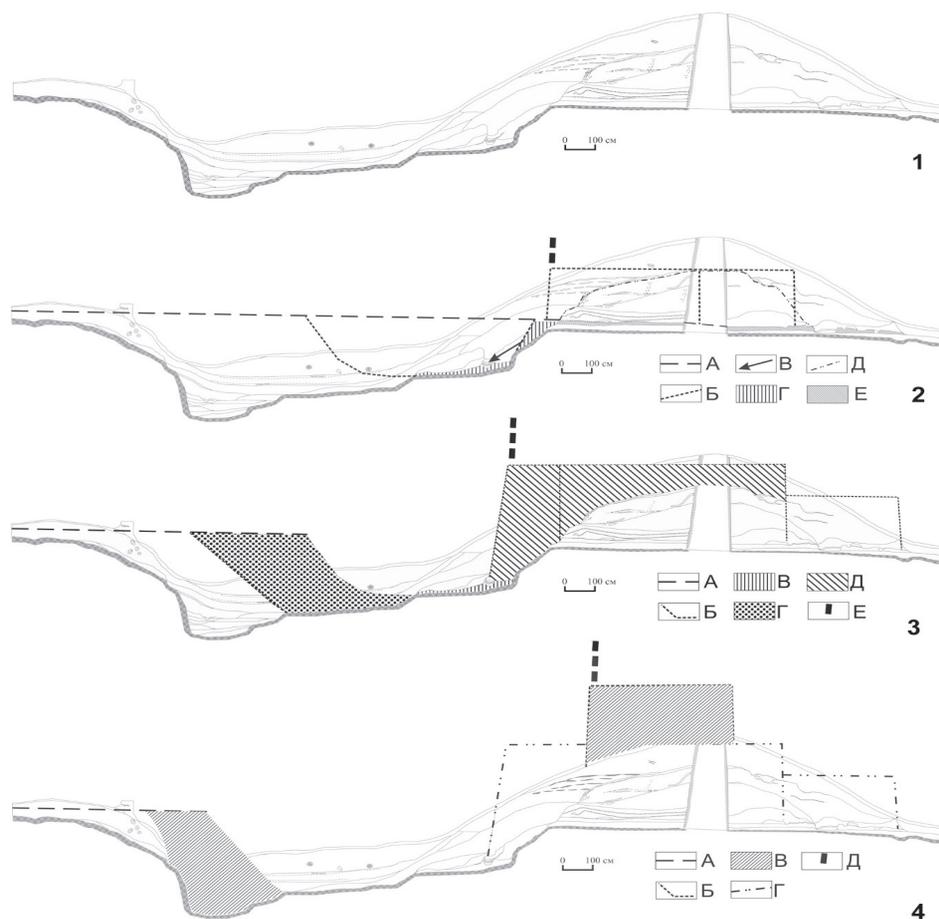

Рис. 2 / Fig. 2. Разрез вала и рва Ростиславля в раскопе 2004 – 2007 гг. (рис. 1, № 1).

1. Разрез по юго-западной стенке траншеи. 2. Реконструкция стены этапа 1 (А – горизонт древней дневной поверхности, Б – контуры рва и границы городней, В – направление обрушения края рва, Г – грунт обрушения, Д – контур руин стены первого этапа после частичного разбора городней; Е – пахотный горизонт под стеной). 3. Реконструкция стены этапа 2 (А – горизонт древней дневной поверхности, Б – контуры рва, городней и пустотелых клеток этапа 2, В – грунт обрушения, оставшийся на дне рва, Г – грунт, изъятый при расширении рва, Д – заполнение городней этапа 2, Е – заборола). 4. Реконструкция стены этапа 3 (А – горизонт древней дневной поверхности, Б – контуры городней этапа 3, В – грунт, изъятый при расширении рва и перемещённый в городни, Г – контуры городней и клеток этапа 2, Д – заборола) / A section of the rampart and ditch of Rostislav in the 2004 – 2007 excavation. (fig. 1, no. 1). 1. A section along the southwest wall of the trench. 2. Reconstruction of the wall of stage 1 (А – the horizon of the ancient surface, Б – the outlines of the ditch and the gorodnies, В – the direction of the collapse of the ditch edge, Г – the collapse earth, Д – the outlines of the ruins of the stage 1 wall after partial dismantling of the gorodnies; Е – arable horizon under the wall). 3. Reconstruction of the stage 2 wall (А – the horizon of the ancient surface, Б – the outlines of the ditch, gorodnies and hollow frames of stage 2, В – the collapse earth remaining at the bottom of the ditch, Г – earth removed during the ditch expansion, Д – filling of the gorodnies of the stage 2, Е – fence). 4. Reconstruction of the stage 3 wall (А – the horizon of the ancient surface, Б – the outlines of the stage 3 gorodnies, В – the earth removed during the ditch expansion and moved to the gorodnies, Г – the outlines of the gorodnies and frames of stage 2, Д – the fence)

Источник: данные авторов

глубину (по горизонтали) около 1 м. Сама древесина этих конструкций не сохранилась и была замещена жёлтым суглинком [3, рис. 2, 4]. На уровне древней дневной поверхности были выявлены и следы продольных брёвен, лежавших на краю старого рва [3, рис. 5, I-б]. Это значит, что, достигнув уровня древней дневной поверхности, трёхстенные срубы становились четырёхстенными, шириной около 3 м. Новый внешний ряд городней в стене этапа 2 зафиксирован не только по следам брёвен, но и по разнице в цвете заполнения городней новопостроенной линии [3, рис. 2, В; 3; 4; 5, I]. Размеры второго ряда городней установить в этой прорезке не удалось, однако при исследованиях западного края стены размеры одной из городней составляли 5,4 м в длину на 3,3 м в ширину [7, с. 127]. При этом данная городня стояла на самом краю склона, а внутри стены могли размещаться городни с гораздо большей шириной. Таким образом, крупные городни применялись не только в первоначальной стене, но и при её первой перестройке.

Кроме обновления напольной стороны стены, с её тыльной стороны был пристроен ряд пустотелых клеток, на полу которых отложился небольшой по мощности культурный слой, включавший кости животных и керамику первой половины XIV в. При исследованиях 2017 г. в одной из таких клеток поверх отложившегося на её полу культурного слоя была найдена серебряная золотоордынская монета «дирхем», чеканенная ханом Узбеком в 1339/1340 гг. Поскольку на то, чтобы на полу клеток отложился какой-то (кстати, весьма незначительный по толщине) слой, требовалось время, ясно, что монета попала сюда далеко не сразу после строительства. Но она могла выпасть в этот слой значительно позже времени чеканки. Таким образом, для получения точной даты строительства стены этапа 2 эта находка даёт мало. Однако она однозначно указывает на то, что эта стена функционировала в XIV в., вероятно,

ближе к середине этого столетия. Попытки поиска более точной даты с опорой на такой источник нельзя считать оправданными.

В результате перестройки стена вряд ли существенно прибавила в высоту (вряд ли более 3 м), но её толщина увеличилась до 10 м за счёт наращивания ещё одной линии городней, спущенных вниз по склону рва. Тем не менее перепад высот от дна рва до вершины стены с учётом заборол стал достигать 7–8 м. Не известно, как долго простояла эта стена, но в какой-то момент, очевидно, ещё на протяжении XIV в., она пришла в негодность и вновь потребовала перестройки.

После разборки деревянных облицовок стены этапа 2 и обрушения заполнения городней, её руины приобрели вид вала с довольно пологими склонами, на вершине которого была возведена стена этапа 3. Хотя никаких конкретных следов этой последней стены не сохранилось (ни в виде древесного тлена, ни в виде иных конструктивных элементов), она может быть реконструирована исходя из наличия рва, выкопанного на самом последнем этапе ремонта фортификации. Объём грунта, вынутого из этого рва, примерно равен объёму материкового суглинка, составлявшего последнюю, самую позднюю по времени появления, прослойку в теле вала, которая перекрыла и полые клетки, пристроенные к тыльной стороне стены на этапе 2. Если подсчитать объём грунта этой прослойки, то он и должен примерно соответствовать размерам городней, поставленных на вершине валообразных руин прежней стены: шириной до 5 м и высотой 3,6–4,0 м.

При этом ров был отодвинут ещё дальше в напольную сторону и его общая ширина доведена до 10–12 м. Новая выемка во рву имела глубину более 4 м (от внешнего края) и ширину в своей самой глубокой части около 2 м, причём его внешняя стенка была, видимо, вертикальной. Рвы такого сечения до сих пор не были известны на территории Руси

для периода XIV–XVI вв., однако это может объясняться не особенностями Ростиславльской крепости, а лишь тем, что разрезы рвов древнерусских крепостей проводятся крайне редко и не всегда с прокапыванием дна, на котором всегда много грунтовых залпывов. Поэтому возможно, что рвы, подобные ростиславльскому, существовали и у других городов, но они не были выявлены в узких траншеях, которыми ранее обычно изучались эти сооружения. Перепад отметок между вершиной стены этапа 3 (с учётом заборола) и дном нового рва мог достигать уже 10 м, т. е. максимального значения за всю историю главной оборонительной линии Ростиславля.

Продолжительность функционирования стены этапа 3 неизвестна, но она могла достигать полувека, поскольку разрушение этой стены произошло, скорее всего, из-за того, что древесина городней истлела, а это привело к рассыпанию содержавшегося в них грунта и его оползанию как в напольную сторону (на дно рва), так и в сторону площадки городища. В результате этого и сформировался «правильный» полукруглый профиль видимого сегодня вала. Таким образом, после разрушения стены этапа 3 оборонительные сооружения Ростиславля более не возобновлялись.

При прорезках в восточной части вала (рис. 1, № 1, 2) не было зафиксировано никаких углей (кроме упомянутых выше углей под стеной первого этапа) или следов прокала грунта под воздействием огня, а это позволяет утверждать, что стены Ростиславля не горели. Однако на западном краю стены всё же была обнаружена прослойка с углями и кусками обожженной глины, отложившаяся после разрушения стены третьего этапа [8, с. 119, 120], следовательно, хотя бы один пожар (может быть, локальный?) на этой стене имел место в финале её существования.

Входы в крепость

Поиск входа в крепость потребовал многолетних усилий. Прежде всего, был изучен проём между западным и центральным отрезками вала (рис. 1, № 3), который имел по низу ширину 2 м, причём его нижняя точка находилась на 0,5 м выше уровня основания вала. Врезкой в северную полу вала были выявлены следы от бревна городней стены этапа 2. Это позволило сделать вывод о том, что в этом месте изначально существовала обычная стена. Проход в стене мог быть образован только разрывом в ряду городней, а раз его тут не было, то, значит, не имелось и воротного проёма. Следовательно, лишь после того, как стена превратилась в руины (вал), тут мог быть прокопан такой проём. Строго напротив проёма, к северу от него, были исследованы остатки крупной постройки типа овина, которая полностью перегораживала бы проход из проёма в валу на площадку города. По сопутствующему материалу постройка датировалась XIV в., т. е. тем временем, когда стена 2 раза перестраивалась, т. е. использовалась максимально активно [6, с. 19, рис. 4]. Значит, прокоп в валу был сделан позже (не ранее второй половины XV в.), когда плотность застройки в городе существенно сократилась, а оборонительные сооружения пришли в упадок. Тем не менее назначение этого прокопа остаётся неясным.

Разрыв между центральным и восточным отрезками вала составляет 4,5 м (по линии подножия валов) и именно здесь проходит современная грунтовая дорога внутрь городища. Столь большая ширина этого проезда удобна для перемещения современного автотранспорта, но чрезмерно велика для средневековых воротных проёмов в стенах городов, которые даже в крупных городах с деревоземляными стенами (например, Минске) не превышали 3 м. На протяжении 3 лет тут исследовался край восточного отрезка вала (рис. 1, № 2). Оказалось, что

он был сильно повреждён перекопами, в которых встречены мелкие обломки белоглиняных горшков коломенского типа, датирующихся не ранее XVI в. Вероятно, перекопы эти были сделаны уже в XVII в., когда городище было заброшено и валы могли уже восприниматься в качестве «курганов», в которых русские крестьяне нередко проводили поиск кладов. Интересно, что перекопы не стояли долгое время под открытым небом, а были засыпаны тем же грунтом, какой из них был выброшен. Для того, чтобы вырыть тут кладоискательские ямы, место должно было быть чем-то примечательным. Нельзя исключать того, что тут всё же был в древности край стены (превратившейся позже в вал), но, к сожалению, перекопы и современная дорога стерли всякие следы конструкций, которыми такой край мог быть оформлен. Тем не менее, несмотря на повреждения перекопами, здесь зафиксированы следы от городней стены этапа 2 и заполнение городней стены этапа 1. Следовательно, существенных конструктивных отличий в стене города на этом участке от ранее изученного не обнаружено.

Подвергся внимательному изучению и западный край всей линии стен, упирившийся в склон, обращённый к Оке (рис. 1, № 4). У городищ мысового типа, подобных Ростиславльскому, именно в этом месте обычно и организовывался въезд на площадку. Это соответствовало требованиям фортификации, поскольку атакующий противник должен был приближаться к такому месту, будучи обращён к стене правым, не защищённым щитом боком. Проведённые раскопки показали, что непосредственно на краю площадки тут никакого прохода не было – вместо него выявлены следы городней стены этапа 2 (внешнюю часть вала с остатками стены этапа 1 тут исследовать было невозможно из-за лесной растительности). Оказалось, что стена тут делала поворот под прямым углом и городни, забитые грунтом, продолжались вдоль края скло-

на [7; 8]. Правда, установить, как далеко простирались такие городни, было невозможно, так как край площадки в этом месте был сильно повреждён эрозией ещё в древности. Трудно допустить, однако, что протяженность этого участка стены была сколько-нибудь значительной. Под городнями выявлены следы ограды типа намёта с большими ямами от вертикальных столбов, протянувшегося вдоль склона. Эта более легкая ограда могла быть связана со стеной этапа 1. Вероятно, даже такой оградой было достаточно для эффективной обороны крутого склона, расположенного под ней.

Проведенная вниз по склону траншея позволила выявить на 5–6 м ниже края площадки городища вырезанную в склоне выемку с горизонтальной поверхностью шириной не более 1,5 м [6; 7]. Следы ливневых замывов и массы мешаного материкового грунта, перекрывшие эту выемку, свидетельствуют о том, что она была ликвидирована под воздействием, скорее всего, природных процессов размыва и оползания эрозированного склона. К сожалению, проследить эту выемку на других участках оказалось невозможно, т.к. склон тут был поврежден крупными промоинами и зарос старым лесом. Тем не менее, можно допускать, что выемка является следами древней дороги, проходившей по дну рва, а затем огибавшей по склону западный край стены, непосредственно под упомянутой выше оградой на западном краю городской площадки. Здесь мог размещаться ещё один въезд в город, правда, неясно, где именно такая дорожка могла выходить на саму площадку. Ещё более сложно сказать, как соотносился во времени и пространстве этот въезд с предполагаемым фронтальным проходом в стене. Если допустить, что в древности ширина уступа на склоне была несколько больше (чтобы по нему могла проехать телега), то именно он мог играть роль главного въезда в город. В этом случае оба проёма в валу надо рассматривать как созданные после разрушения стены.

В целом это вполне возможно, однако в отношении восточного проёма исследования ещё не завершены и потому окончательный вердикт выносить рано.

Исследования склонов городища

Но если допускать въезд по склону в обход западного края городской стены, то ещё более вероятны другие подъёмы в город по крутому склону, обращённому к Оке. Этот склон хорошо простреливается с площадки городища, так что для противника такой подъём можно расценивать как непреодолимый, тогда как в мирной жизни он мог быть организован по пологим пандусам. К сожалению, проверить такое предположение пока не представляется возможным, поскольку весь окский склон покрыт густой лесной растительностью и расчленён древними промоинами. Исследования 2011 г. под окончательностью мысовой площадки городища (на берегу Оки) показали, что с конца XII в. здесь происходил активный эрозионный смыв грунта со склона, причём перемещались даже крупные глыбы известняка, оторвавшиеся от известняковой платформы, лежащей в основании всего мыса. Если такая же эрозия проходила в период жизни города по всему склону городской площадки (а это не должно вызывать удивления, поскольку тут наверняка выпасался скот), то все следы подъёмов по этому склону могли быть уничтожены уже довольно давно. Участие в этом могли принимать и люди: известно, что весь береговой склон с выходами известняка в XIX – начале XX вв. использовался для добычи белого камня. Такие разработки неизбежно коренным образом изменяли древний рельеф.

С целью поиска возможных следов фортификационных сооружений на краю рассматриваемого склона в средней и северной части городского мыса закладывались специальные раскопы (рис. 1, № 5, 8), но, к сожалению, они не позволили найти таких следов. Хотя на этом краю встречены небольшие столбовые ямы,

так что какая-то легкая ограда тут вполне могла проходить, но более серьёзные сооружения пока не прослежены. Возможно, на краю столь крутого склона для защиты стрелков было достаточно и самого примитивного забора, тем не менее полное отсутствие фортификации тут вызывает некоторое удивление. Известно, что в Старой Рязани следы стены из городной были прослежены вдоль всего склона, обращённого к Оке [1, с. 56–61]. Да, Старая Рязань не сопоставима с Ростиславлем по статусу и экономическому потенциалу, но и последний также выполнял иногда столичные функции, поэтому отсутствие укреплений по этой стороне площадки всё же трудно объяснить.

Прорезка края склона к Оке в мысовой части городища показала, что эрозионные процессы тут весьма сильно повредили его, уничтожив следы от частого столба, воздвигнутого в раннем железном веке, однако никаких свидетельств размещения тут оборонительных сооружений (в т. ч. эскарпа) в эпоху средневековья обнаружить не удалось. Склон тут на 22 м длины по горизонтали имеет падение на 8 м (рис. 3), т.е. уклон составляет 20–25 градусов. В нижней части этого склона уклон несколько выравнивается и перед резким падением склона имеется терраска шириной 4 м, которая опоясывает мысовую площадку, понижаясь к северу вместе с уровнем поверхности мыса. Прорезка этого склона и терраски показала, что здесь сохранился только довольно крутой склон материка, повреждённого эрозией (на большей части траншеи на нём нет даже следов древней почвы), а генезис современного уступа остался не вполне ясным (рис. 3).

Возможно, ответ на вопрос о происхождении такого уступа дали материалы раскопок на противоположном, восточном, склоне того же мыса, где имеется аналогичная терраска (рис. 1, № 9). Тут были обнаружены остатки полностью заплывшего культурным слоем рва шириной до 2,3 м и глубиной до 0,7 м, трасса которого

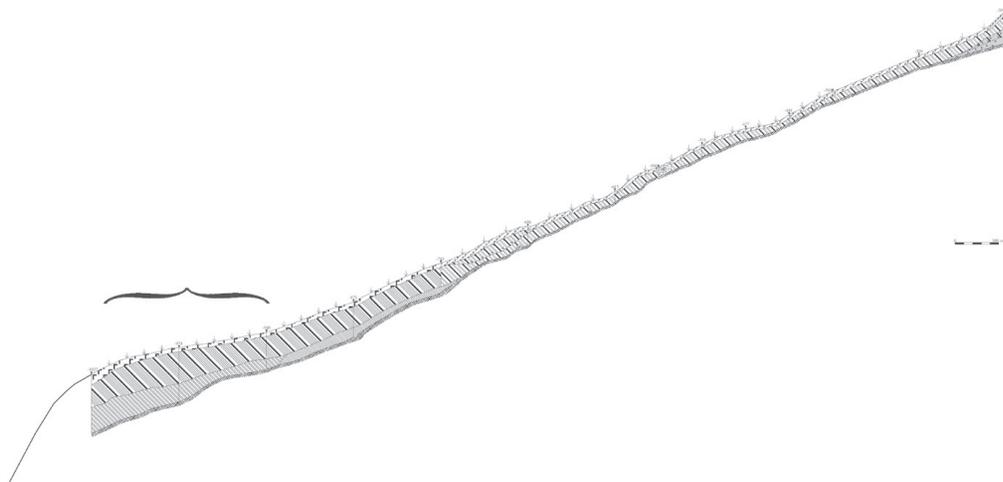

Рис. 3 / Fig. 3. Профиль склона мысовой площадки городища (см. рис. 1, № 8). Фигурной скобкой указан уступ на склоне / The profile of the slope promontory site of the hillfort (see fig. 1, No. 8). The curly brace indicates a ledge on a slope

Источник: данные авторов

проходила как раз под терраской. Судя по керамическому материалу из этого рва, он был засыпан в первые века новой эры, т. е. относился к эпохе раннего железного века. Видимо, после ликвидации этого рва естественным образом сформировалась терраска или уступ на склоне. Возможно, такой же ров был проведён и по западному склону мыса и именно он стал причиной формирования уступа. Правда, там ров не сохранился, но вызванное им изменение рельефа поверхности каким-то образом осталось существовать. Таким образом, высказывавшееся ранее предположение о том, что мысовая площадка была окружена эскарпом, как оказалось, было ошибочным – следы эскарпа здесь не найдены. Вместо этого обнаружен ров, который, вероятно, полукольцом охватывал мысовую площадку по склону. Надо отметить, что этот ров не смыкался со рвами городища раннего железного века по той причине, что возник существенно позже их, когда все такие рвы с напольной стороны городища были уже давно засыпаны. К моменту же возникновения древнерусского Ростислава этот ров также заплыл, сформировав терраску.

Эту терраску можно было использовать в качестве дорожки (даже двух дорожек по обеим сторонам мыса), по которым можно было пройти из города к стрелке мыса, чтобы оттуда подняться на мысовую площадку. Однако каких-либо следов подобного использования этих уступов на склонах при раскопках не обнаружено, что, впрочем, и не удивительно, поскольку эрозионные процессы наиболее активно происходили тут именно с XII по XV в.

Совершенно иными были результаты исследований восточного края основной площадки городища (рис. 1, № 6). Здесь на протяжении нескольких десятков метров в обнажении, вызванном современным овражком, разрушившем часть площадки, зафиксированы следы ленточного валика из красного материкового суглинка. Ширина этого валика, залегавшего на краю склона в овраг и частично в начале этого склона, составляла около 3–5 м, высота – до 1 м. Такой незначительный по размерам валик не мог быть следами древо-земляной стены, но он мог служить основой для размещения пустотелых клетей на краю площадки, своего рода бутафорской стены. О том, что тут

размещались именно деревянные конструкции, свидетельствует толстый (до 20 см) слой грунта, насыщенный древесным тленом, протянувшийся вдоль глиняного валика. Грунт, из которого был сложен этот валик, был взят, вероятно, на западном склоне городского мыса, поскольку именно там он был обнаружен в выходах, залегающих на 3–5 м ниже дневной поверхности площадки. Нельзя также исключать возможность того, что этот красный суглинок применялся для обмазки внешней стороны клетей, в этом случае часть обнаруженного «валика» могла представлять собой обвалившуюся обмазку. Поскольку под валиком был зафиксирован пахотный горизонт с материалами домонгольского времени, эта линия обороны могла возникнуть на протяжении XIII в. Возможно, она синхронна стене этапа 1 на главной оборонительной линии города.

Мысовая площадка («цитадель»)

Особое место в фортификации Ростиславля занимала мысовая площадка, занятая в своё время городищем раннего железного века. Её современные размеры составляют 50×25 м, но в древности они были несколько иными: западный её край сильно пострадал от эрозии, особенно в северной части. Тут обнаружены остатки двух крупных погребов, частично уничтоженных обрушениями склона. От одного из них сохранилось чуть более половины объёма, у второго эрозией почти полностью был срезан угол. Судя по этим повреждениям, можно уверенно говорить о том, что в древности край мысовой площадки отстоял на 3–5 м от современного. Вход на площадку, вероятно, был устроен по стрелке мыса, где крутизна подъёма была наименьшей.

От остальной площади города мысовая площадка отделялась валом высотой 4,5 м, насыпанным в эпоху раннего железного века, перед которым в древнерусское время был вырыт ров шириной 5 м и глубиной 2,5 м (при этом в эпоху раннего

железного века последняя реконструкция вала привела к полной засыпке рва перед ним, так что к моменту возникновения города никакого древнего рва перед валом первопоселенцы не обнаружили. Всё это было установлено в ходе многолетней прорезки вала (рис. 1, № 7). За период средневековья ров как минимум один раз перестраивался. Точная датировка более раннего рва невозможна, т.к. от него сохранился лишь незначительный фрагмент, но можно думать, что он был создан при основании города в 1153 г. Последний же по времени ров, судя по материалам из верхней части заполнения, был окончательно с nivelирован в первой половине XV в. Начало засыпки этого рва, которое можно связать со второй половиной или концом XIV в., маркировалось отложением на его дне грунта, насыщенного древесным тленом. Возможно, древесина попала на дно рва в результате разборки деревянных стен из полых клетей или столбовой конструкции, поставленной на вершине древнего вала. К сожалению, эта вершина сильно повреждена грабительскими перекопами, уничтожившими все следы средневековой фортификации, поэтому установить конструкцию этих стен при прорезке вала не удалось.

Вдоль края мысовой площадки зафиксирована ограда типа намёта, состоявшая из больших деревянных столбов (от них остались глубокие ямы диаметром 0,5 м), между которыми могли быть горизонтально уложены брёвна длиной до 3 м [6, рис. 5].

Заключение

При первой публикации материалов прорезки вала и рва Ростиславля оставались ещё сомнения в том, не могла ли вкрасься ошибка в радиоуглеродную дату образца, взятого с поверхности пашни под первоначальной стеной. Поэтому на уровне допущения была сформулирована мысль о возможном существовании на месте рва какой-то полностью уничтоженной последующим строительством

«первоначальной» стены домонгольского времени [3, с. 85]. Сейчас, по мере накопления данных, после проведения исследований в ещё трёх местах на валу (рис. 1), такое предположение кажется всё менее реальным. Прежде всего, ни на одном из участков исследований вблизи городской стены не обнаружено застройки домонгольского времени. Единственный объект, который можно было бы так датировать, зафиксирован в районе второго (западного) проёма в валу – это конусовидная в разрезе яма со стакановидным углублением в дне, которую можно рассматривать в качестве примитивного ледника. Яма располагалась вплотную к валу, но не сопровождалась иными синхронными объектами, поэтому её присутствие тут остается загадочным.

Сегодня более вероятным представляется следующий сценарий развития города: в момент закладки города был вырыт ров перед валом древнего городища раннего железного века, по гребню которого, возможно, провели какую-то линию деревянных укреплений, скорее всего относительно легких (полые клетки или столбовая ограда). Периметр мыса также был обведён такой оградой. Ни малейших следов древо-земляных стен тут нет, да для них на маленькой площадке просто и не было места. Так древнее дьяковское городище стало выполнять роль цитадели городка, его единственного укрепленного центра. Городская застройка за пределами цитадели вполне могла быть защищена линией частокола, но обнаружить следы такой линии (канавы шириной 40–50 см) можно лишь по счастливой случайности, тем более, что проходила она явно не там, где позже появилась стена города. Судя по обнаруженной под этой стеной распашке, эти места размещались уже за пределами городской территории, хотя близ окского склона уже могли появляться какие-то усадьбы (свидетельством чему яма-ледник). Размеры застроенной в XII в. площадки пока в точности не установлены.

Аналогичное положение сохранялось и в XIII в., пока в конце этого столетия на месте нынешнего вала не была построена первая, достаточно мощная, древо-земляная стена, а перед ней выкопан ров. Нельзя исключать того, что это строительство произошло даже ещё позже – после 1300/1301 г., т. е. после потери Рязанским княжеством Коломны. Ещё недавно находившийся вдали от внешних границ Рязанской земли городок Ростиславль неожиданно превратился в пограничный город, который мог стать объектом нападения Москвы и в то же время превращался в опорный пункт борьбы княжества за возвращение Коломны. Такому городу требовались уже более мощные укрепления.

Однако обрушения краёв рва из-за ошибки первостроителей стены заставили вскоре (в начале – первой половине XIV в.) провести реконструкцию этого сооружения, расширив ров и возведя новую стену, внешний панцирь которой был опущен на дно рва. Не исключено, что это строительство как-то связано с превращением Ростиславля в 1342 г. в резиденцию Ярослава Александровича Пронского, получившего ярлык на Великое Рязанское княжение, но в процессе борьбы сжёгшего Переяславль Рязанский.

Во второй половине или даже конце XIV в. (в период правления Олега Ивановича Рязанского), когда прежняя стена стала приходить в ветхость, была проведена вторая перестройка, позволившая увеличить высоту стены и углубить ров. Наиболее вероятно связывать эту перестройку с рязано-московским противостоянием в 1380-х гг. Финал существования этой стены можно отнести к первой половине – середине XV в. В это время серьёзных военных конфликтов не происходило и надобности в постройке новой стены не возникало, а старая постепенно разрушалась и распадавалась.

Разумеется, это лишь вариант возможной периодизации фортификации Ростиславля, однако не противоречащий

имеющимся источником. Многие детали и особенности оборонительных сооружений города ещё неясны, но дальнейшие раскопки позволят получить новые данные для уточнения наших знаний в этой области.

Статья поступила в редакцию 24.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969) // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 19–71.
2. Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. 448 с.
3. Коваль В. Ю. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // Российская археология. 2015. № 1. С. 73–87.
4. Коваль В. Ю. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2004. С. 12–21.
5. Коваль В. Ю. Оборонительные сооружения Ростиславля Рязанского в контексте исследований средневековой русской фортификации // Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. 2014. Вып. 236. С. 134–138.
6. Коваль В. Ю. Трансформация оборонительной системы малого города средневековой Руси Ростиславля Рязанского (новые данные по археологии) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2017. С. 15–25.
7. Коваль В. Ю., Русаков П. Е. Городские укрепления на склонах (новые данные по Ростиславлю Рязанскому) // Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. 2017. Вып. 249. Т. 2. С. 123–130.
8. Коваль В. Ю., Русаков П. Е. Новые исследования оборонительных сооружений Ростиславля Рязанского // Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. 2016. Вып. 242. С. 113–123.
9. Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII в. М.: Наука, 2009. 303 с.
10. Mordovin M. A. Várszervezet Kialakulása a Középkori Magyarországon, Csehországban És Lengyelországban a 10–12 Században. Budapest, 2016. 536 p.
11. Wolf M. A. Borcodi földvár. Egy államalapítás kori megyeszékhelyünk kutatása. Budapest – Miskolc – Szeden, 2019. 516 p.

REFERENCES

1. Darkevich V. P. [Excavations at the Southern Settlement of Old Ryazan (1966–1969)]. In: *Arkheologiya Ryzanskoi zemli* [Archeology of the Ryazan area]. Moscow, Nauka Publ., 1974. pp. 19–71.
2. Darkevich V. P., Borisevich G. V. *Drevnyaya stolitsa Ryzanskoi zemli* [The ancient capital of the Ryazan area]. Moscow, Krug" Publ., 1995. 448 p.
3. Koval' V. Yu. [The main line of the defensive fortifications of Rostislavl of Ryazan]. In: *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2015, no. 1, pp. 73–87.
4. Koval' V. Yu. [The History of Rostislavl of Ryazan (according to written sources)]. In: *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow Region: Materials of the scientific seminar]. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. pp. 12–21.
5. Koval' V. Yu. [Defensive structures of Rostislavl of Ryazan in the context of studies of Medieval Russian fortification]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk* [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], 2014, iss. 236, pp. 134–138.
6. Koval' V. Yu. [Defensive system transformation in the small town of Medieval Russia Rostislavl of Ryazan (new data on archeology)]. In: *Pamyatniki srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy. K yubileyu M. D. Poluboyarinovoi* [Monuments of medieval archeology of Eastern Europe. To the anniversary of M. D. Poluboyarinova]. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. pp. 15–25.
7. Koval' V. Yu., Rusakov P. E. [Urban fortifications on the slopes (new data on Rostislavl of Ryazan)]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk* [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], 2017, iss. 249, vol. 2, pp. 123–130.

8. Koval' V. Yu., Rusakov P. E. [New research of defensive structures of Rostislavl of Ryazan]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk* [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], 2016, iss. 242. pp. 113–123.
9. Morgunov Yu. Yu. *Drevo-zemlyanye ukrepleniya Yuzhnoi Rusi X– XIII v.* [Wood-earth fortifications of Southern Russia X–XIII c.]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 303 p.
10. Mordovin M. A. *Várszervezet Kialakulása a Középkori Magyarországon, Csehországban És Lengyelországban a 10–12 Században.* Budapest, 2016. 536 p.
11. Wolf M. A. *Borcodi földvár. Egy államalapítás kori megyeszékhelyünk kutatása.* Budapest – Miskolc – Szeden, 2019. 516 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Коваль Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии Института археологии РАН;
e-mail: kovaloka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Archaeology, History of the Ancient World and the Middle Ages, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Vladimir Yu. Koval – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Medieval Archeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: kovaloka@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коваль В. Ю., Николаева Н. А. Особенности фортификации Ростиславля Рязанского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. №1. С. 48–62.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-48-62

FOR CITATION

Koval V. Yu., Nikolaeva N. A. Features of the fortification of the town of Rostislavl Ryazansky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 48–62.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-48-62

УДК 94 (47).083

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-63-74

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОЕ НАСЛЕДСТВО А. Х. БЕНКЕНДОРФА

Румянцев П. П.

Томский государственный университет

634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить причины интереса первого шефа Корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа к развитию золотопромышленности в Сибири и проанализировать историю развития его собственного золотопромышленного дела.

Процедура и методы. Отбор и анализ архивных материалов по истории отечественной золотопромышленности в XIX в., а также законодательных актов, регламентирующих её. В исследовании использованы принцип историзма и сравнительно-исторический анализ.

Результаты. Удалось установить, что А.Х. Бенкендорф, считая золотопромышленность важнейшей отраслью экономики, организовал собственное дело по добыче золота, чтобы поправить своё финансовое положение. Однако ни ему, ни его наследникам не удалось добиться желаемого по причине отказа от активного участия в процессе золотодобычи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение истории отечественной золотопромышленности, а также раскрывают ранее неизвестное направление в биографии А.Х. Бенкендорфа.

Ключевые слова: А. Х. Бенкендорф, золотопромышленность, Сибирь, жандармерия, XIX в.

GOLD MINING ACTIVITY AND GOLD MINING HERITAGE OF A. KH. BENKENDORF

P. Rumyantsev

Tomsk State University

36, Lenin prospekt, Tomsk 634050, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the reasons for the interest of the first chief of gendarmes A. Kh. Benkendorf to the development of gold mining in Siberia, as well as to analyse the history of his own gold mining business.

Methodology. The research methodology involved a collection and analysis of archival materials on the history of the Russian gold mining industry in the 19th century, as well as those related to the Imperial legislation regulating gold mining processes. The study was conducted based on the principles of historicism and comparative historical analysis.

Results. It was found that A. Kh. Benkendorf considered the gold industry as the most important economic sector. The reason for establishing his own business in the field of gold production was to improve his family's financial position. However, neither his heirs nor himself managed to achieve this goal due to their reluctance to participate actively in the process of gold mining.

Research implications. The findings contribute to the study of the history of the Russian gold industry, as well as reveal a previously unknown direction in the biography of A. Kh. Benckendorf.

Keywords: A.Kh. Benkendorf, gold industry, Siberia, gendarmerie, 19th century

Введение

Александр Христофорович Бенкендорф – ключевая политическая фигура в царствовании Николая I. Являясь главой тайной полиции, он имел возможность решать судьбы людей, вмешиваться в самые различные процессы, происходившие в стране, имея покровительственное отношение к себе императора. Поэтому не удивительно, что его биография по сей день привлекает внимание исследователей [1; 3; 5].

Помимо занятия постов главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и шефа жандармов Бенкендорф принимал активное участие в деятельности целого ряда государственных, общественных и финансовых предприятий. Созданные по правительственной инициативе организации, в состав которых входил шеф жандармов, хорошо известны, поэтому не будем на них останавливаться, а отметим общественные и финансовые учреждения с его участием. Из общественных организаций можно выделить такие занимаемые им должности, как почётное членство в Императорской Академии наук (1827 г.), патрон Евангелико-лютеранской общины Св. Екатерины в С.-Петербурге (1831 г.), почётный член и попечитель Демидовского дома призрения трудящихся (1839 г.), глава комитета Общества попечения о тюрьмах (1841 г.) [1, с. 321]. Из коммерческих предприятий, созданных при непосредственном участии графа, можно назвать следующие. Так, 6 марта 1835 г. вышел царский указ об образовании Второго Российского страхового от огня общества, одним из главных инициаторов создания которого, а затем его председателем, стал Бенкендорф¹. В мае 1839 г. собрание акционеров первой в отечественной истории железной дороги, Царскосельской, избрало Бенкендорфа председателем своего

правления, и на этом посту он пробыл в течение 5 лет, вплоть до своей смерти [2]. 29 апреля 1836 г. Государственный Совет утвердил устав акционерного «Общества для заведения двойных паромных пароходов с ледакольнопильным механизмом и без оногo». Учредителями общества выступили генерал-адъютант Бенкендорф и военный инженер К. А. Шильдер, а также тайный советник Н. П. Дубенский. Общество получало монопольное право на использование паромных пароходов с «ледакольнопильным механизмом» на 10 лет, а «без оногo» – на 6 лет в следующих местах: при Кронштадском и С.-Петербургском портах, по всем системам судоходства от С.-Петербурга до устья Волги и по прилегающим озерам². За свою деятельность на указанных постах Бенкендорф получал определенные денежные дивиденды.

Однако по сей день исследователями не рассматривался вопрос об участии первого шефа жандармов в золотопромышленных компаниях, причины, побудившие его заняться золотым промыслом, выбор и состав компаньонов, а также судьба его золотопромышленного наследия. Именно эти сюжеты найдут отражение в представленной статье.

Первая золотопромышленная компания

Начавшаяся в конце 20-х гг. XIX в. в Сибири добыча золота быстро привлекла внимание различных сословий общества, которые с головой погрузились в эту новую для них сферу деятельности, рассчитывая в кратчайшие сроки разбогатеть. Нет ничего удивительного, что подобный ажиотаж охватил и самые высшие слои общества, в том числе и высокопоставленных сановников, приближенных к царю. На заре золотодобычи в Сибири законодательно не регулировался круг лиц, допущенных к поиску и разработке месторождений золота, поэтому требова-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (далее – ПСЗРИ-2). Т. 10. Отд. 1-е. № 7930. С. 200–210.

² ПСЗРИ-2. Т. 12. Отд. 1-е. № 9122. С. 458–462.

лось высочайшее разрешение на подобную деятельность. В первое десятилетие существования золотого промысла на сибирских землях чиновникам формально не разрешалось самим заниматься золотопромышленной деятельностью, однако им не запрещалось состоять пайщиками, участниками золотопромышленных компаний. Многие из них стали вкладываться в сибирскую золотодобычу. С середины 30-х гг. XIX в. начался процесс так называемой золотой лихорадки, когда множество лиц, бросив свои прежние занятия, устремились на поиски и покорение «сибирского Эльдорадо». Золотая лихорадка охватила и Бенкендорфа, который с близкими ему по службе людьми решил попытаться счастье на ниве золотопромышленности. Вполне возможно, что именно шеф жандармов и стал инициатором создания золотопромышленной компании. Во-первых, он, как руководитель надзорного ведомства, был осведомлен о положении дел на сибирских золотых промыслах. Стремительно набравшая обороты золотодобыча в Сибири не могла не привлечь внимание жандармерии. В 1834 г. жандармский капитан Мишо составил для своего начальства отчет о собственных наблюдениях за производством работ на частных золотых промыслах в Томской губернии, где излагалась краткая история возникновения золотопромышленности в Сибири, статистическая информация о положении дел в этой отрасли, перечисление имён основных золотопромышленников и их предприятий¹. Во-вторых, Бенкендорф стремился к приумножению своего состояния, и сибирская золотопромышленность представлялась привлекательной сферой для вложения собственных средств. Необходимость увеличения капитала диктовалась большим составом семьи графа (помимо трёх дочерей, в его семье воспитывались ещё две падчерицы), наличием приобретенного в 1827 г. недалеко от Ревеля имения, известного

¹ Государственный исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3238. Л. 273–290.

как замок Фалль, требовавшего больших затрат на содержание; многочисленные любовные связи Бенкендорфа также способствовали сокращению его состояния. В-третьих, у Бенкендорфа был самый быстрый выход на императора и монаршее расположение, что давало гарантию благополучного решения вопроса об учреждении золотопромышленной компании и участия в ней других высокопоставленных чиновников.

Состав компаньонов предполагаемой компании выглядел следующим образом: военный министр генерал-адъютант граф Александр Иванович Чернышёв, сам Бенкендорф, начальник походной канцелярии императора генерал-адъютант Владимир Федорович Адлерберг, действительные статские советники Максим Максимович Брискорн, директор канцелярии Военного министерства, и Михаил Павлович Позен, управляющий военно-походной императорской канцелярией, и, наконец, последний участник – начальник отделения Военного министерства военный советник Иван Давидович Якобсон. Всех перечисленных лиц объединяла принадлежность к военному ведомству, к которому по строевой и хозяйственной части относился и Корпус жандармов. С указанными лицами шеф жандармов имел постоянные отношения по службе, и они могли вызывать у него определенное доверие.

Требовалось найти ещё одного пайщика, хоть и не такого известного в правительственных кругах, но знающего золотопромышленное дело, т.к. другие участники имели слабые представления о процессе поиска и добычи золота. Именно на этого пайщика возлагалась ответственная задача – обратиться с ходатайством об учреждении золотопромышленной компании, чтобы это не выглядело инициативой со стороны высших сановников. Таким человеком выступил Иван Дмитриевич Асташев, коренной сибиряк, фигура более чем подходящая для выполнения указанной задачи. На-

чав службу в возрасте 13 лет, Асташев дослужился до чина коллежского советника и, наверное, так бы и продолжал тянуть лямку чиновничьей службы в Томской или какой-нибудь ещё губернии, если бы на его жизненном пути не возник первооткрыватель сибирского золота уральский купец Федот Иванович Попов. Эта встреча стала шансом для Асташева изменить свою жизнь, и он этим шансом не преминул воспользоваться в 1833 г., уйдя с коронной службы и поступив к Попову в качестве поверенного по его коммерческим делам. Попов оказался для Асташева настоящим благодетелем ещё и потому, что незадолго до своей смерти он преподнес бывшему томскому чиновнику подарок в виде 40 тыс. руб., они-то и стали первоначальным капиталом Асташева для самостоятельного занятия золотодобычей. Несмотря на то, что поначалу он не снискал славы успешного золотопромышленника, он не забросил это новое для себя поприще, ища покровителей и желающих вложиться с ним в этот рискованный бизнес¹. Создание золотопромышленной компании отвечало интересам как представителей бюрократического Олимпа, так и ищущего покровительства и поддержки начинающего золотопромышленника – бывшего чиновника Асташева. Дворянское происхождение и чиновничья служба Асташева не могли не расположить к себе сандоновников, желавших обогатиться за счёт сибирского золота.

30 апреля 1835 г. Асташев обратился к Министру финансов с проектом создания золотопромышленной компании, где пайщиками состояли вышеуказанные лица. Со своей стороны глава финансового ведомства не нашёл препятствий для учреждения подобной компании и 14 июня внёс проект на рассмотрение в Комитет министров. Ровно через две недели Комитет принял решение утвердить положение о компании с неболь-

шими правками, касавшимися в первую очередь согласования участия Асташева в ещё двух компаниях, где он также состоял компаньоном. После улаживания всех формальностей Высочайшим указом от 9 июля 1835 г. была утверждена «Компания частных лиц, составившейся на отыскивание и добычу золота в Сибири». Основная цель созданной компании заключалась в поисках и добыче золота как в Западной, так и Восточной Сибири. Уставной капитал компании составлял 200 тыс. руб., разделенный на 100 паёв по 2 тыс. руб. каждый. Сами паи распределялись следующим образом: у Чернышёва – 6 паёв, у Бенкендорфа – 14, у Адлерберга – 10, у Брискорна – 15, у Позена – 25, у Якобсона – 10 и у самого Асташева – 20 паёв².

По условиям договора, каждый пайщик должен был вносить ежегодно следующую сумму: на поиски месторождений золота не более 1/10 капитала, на сами разработки золотых приисков не менее пятой части капитала или более, смотря по необходимости, с общего согласия всех пайщиков. Максимальный срок разведки золота определялся не более пяти лет, при том, что, если в течение первых двух лет поиски на открытия золотых месторождений окажутся успешными, то с общего согласия компаньонов можно было сократить срок поиска. Состав компании не мог быть изменен в течение 8 лет. Все работы, связанные с золотодобычей, начиная от разведки, найма рабочих и служащих, организации приискового хозяйства, а также отношений с местными властями возлагались на Асташева, уже имевшего опыт в этом деле. Однако по условиям договора Асташев обязывался каждый месяц докладывать одному из участников компании – Позену – о своих действиях. Также по прошествии каждого года не позднее февраля Асташев обязан был предоставлять всем пайщикам подробный отчёт о расходах и доходах компании. При этом компаньоны

¹ Евтропов К. Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск, 1904. С. 73–76.

² ПСЗРИ-2. Т. 10. Отд. 2-е. № 8296. С. 802.

включили в текст договора условие, что они имеют право отправлять своих поверенных для «осмотра состояния промыслов и успехов в разработке золота». Тем самым деятельность Асташева ставилась под контроль участников компании. В тексте договора указывалось, что за Асташевым сохраняется право участия в уже действующих его двух золотопромышленных компаниях. Однако после подписания участниками текста договора данной компании никто из них уже не имел права входить в состав каких-либо других компаний по поиску и разработке золотых месторождений. Предполагается, что прибыль следовало делить между всеми участниками компании по числу их паёв. Однако в тексте договора оговаривалось, что в случае неудачных поисков месторождений золота все участники компании должны «без претензии нести убытки», не возлагая вину за такую неудачу на Асташева, который также, как и все компаньоны, терпит убытки¹.

Нет ничего удивительного, что Бенкендорф использовал своё положение и связи для лоббирования интересов золотопромышленной компании, где он состоял крупным пайщиком, пытаясь решать различные проблемы, возникавшие у Асташева в процессе золотодобычи. Так, например, узнав о том, что томский земский исправник Кусенков не позволяет Асташеву удерживать на промыслах рабочих, жандармский начальник 18 ноября 1835 г. обратился с отношением к западносибирскому генерал-губернатору Н. С. Сулиме. Перечислив в этом документе чинимые со стороны земского исправника препятствия, от которых «коллегский советник Асташев терпит величайшее затруднение в своих распоряжениях», Бенкендорф просил Сулиму «обратить начальствующее внимание на злоупотребление власти со стороны исправника Кусенкова и других ему подобных чиновников и прекратить им возможность к продолжению их без-

законных притеснений». Генерал-губернатор Западной Сибири поспешил выполнить эту просьбу и приказал немедленно удалить Кусенкова с занимаемой им должности, причислив его на время к Губернскому совету. Сделать это оказалось тем более кстати, что на названного земского исправника уже поступила коллективная жалоба от группы золотопромышленников².

Несмотря на казавшиеся безграничные возможности Бенкендорфа, золотопромышленная компания с его участием просуществовала совсем недолго. По инициативе Министра финансов Е. Ф. Канкрин 3 ноября 1835 г. Сибирский Комитет принял подписанное царем положение о запрете сибирским чиновникам и их женам заниматься золотым промыслом³. Принято это было, как указано в исследовательской литературе, для препятствия чиновникам выступать «судьями и исполнителями в делах следственных, судебных и тяжёлых по золотопромышленности»⁴. Достаточно скоро это положение получило распространение на весь чиновничий корпус империи, что можно объяснить нежеланием императора Николая I, чтобы его сановники имели дополнительные, кроме государственной службы, источники дохода, особенно, если это связано с какой-либо спекуляцией, чем тогда и представлялось участие в золотопромышленных компаниях. По этой причине всем участникам названной компании, включая и Бенкендорфа, пришлось продать свои паи Асташеву, скупившему их за бесценок, что позволило ему с присущим ему размахом развернуть золотопромышленную деятельность на сибирских просторах, и очень быстро его имя прогремело на всю Россию, как успешного и богатого золотопромышленника⁵.

² Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1. С. 32, 33.

³ ПСЗРИ-2. Т. 10. Отд. 2-е. № 8531. С. 1063.

⁴ Семевский В. И. Указ. соч. С. 33.

⁵ Евтропов К. Н. Указ. соч. С. 78.

Вторая золотопромышленная компания

Потерпев неудачу на ниве золото-промышленности, Бенкендорф не утратил интереса к развитию этой отрасли в Сибири. В 1837 г. произошла серия выступлений рабочих на золотых промыслах в Томской губернии, где в то время располагался центр золотодобычи всей империи. Шеф жандармов через свое ведомство и подчиненных принял деятельное участие в расследовании причин волнений рабочих, что обернулось далеко идущими последствиями: со своей должности был смещён томский гражданский губернатор Н. А. Шленёв; в 1838 г. вышло «Положение о частной золото-промышленности на казенных землях в Сибири» – первый законодательный акт, регламентирующий многие стороны сибирского золотого промысла; и, наконец, в 1841 г. и 1842 г. были учреждены должности жандармских штаб-офицеров на золотых приисках в Западной и Восточной Сибири в качестве дополнительного правительственного надзора за этой отраслью [6].

И всё-таки в конце жизни Бенкендорф получил возможность вновь стать золотопромышленником. В качестве награды за многолетнюю службу престолу он получил право взять в разработку несколько так называемых втуне лежащих (т.е. уже не разрабатываемых, заброшенных) приисков. Подобное царское волеизъявление можно рассматривать как прямую поддержку Николаем I своего, пожалуй, самого верного сановника, чьё здоровье оказалось уже сильно подорванным. Возможно, это была своеобразная компенсация за то, что когда-то по воле монарха шеф жандармов отказался от участия в золотопромышленном деле. Сам Бенкендорф не преминул воспользоваться такой монаршей милостью и в марте 1843 г. сообщил министру финансов Канкрину о царском соизволении на отвод ему вне очереди втуне лежащих приисков в Вос-

точной Сибири. Более того, Бенкендорф даже указал желаемый прииск – заявленный 20 августа 1841 г. в пользу ссыльно-поселенца действительного статского советника Демидова и зачисленный в казну прииск Енисейского округа в Анциферовской волости по речке Вангаши. Со своей стороны, не видя препятствий в удовлетворении этой просьбы, министр финансов 19 марта сообщил императору, что отдал генерал-губернатору Восточной Сибири В. Я. Руперту распоряжение проверить, свободным ли остаётся желаемый к приобретению Бенкендорфом прииск; «в противном случае граф Бенкендорф может избрать себе отвод из других зачисленных в казну и никому ещё не отданных приисков или останков. Что касается до выбора таковых мест впредь, то от графа Бенкендорфа зависит, будет входить каждый раз с особым требованием для испрошения Высочайшего соизволения». Император на этом документе оставил резолюцию «исполнить»¹.

Выбор Бенкендорфом Восточной Сибири для разработки золотых месторождений был вовсе не случаен. Дело в том, что с начала 40-х гг. XIX в. центр сибирской и всей имперской золотопромышленности стал перемещаться в Енисейскую губернию в связи с открытиями богатейших месторождений золота в долинах многочисленных местных рек. Так, если частными золотопромышленниками в восточной части Сибирского региона с 1834 по 1839 г. было получено всего 68 пуд. 24 фун., то в 1840 г. уже 107 пуд. 18 фун., в 1841 г. – 229 пуд. 33 фун., 1842 г. – 479 пуд. 15 фун., а на 1843 г. пришлось уже 785 пуд. 21 фун. золота². Восточная Сибирь вышла в лидеры по добыче благородного металла, в то время как в западной части Сибири уровень золотодобычи падал в связи с выработкой ранее открытых месторождений золота.

В том же 1843 г. Бенкендорф вы-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 3. Д. 749. Л. 1, 1 об.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 21. Л. 29–29 об.

брал для разработки из перечисленных в казну втуне лежащих приисков «Покровский золотосодержащий прииск по правой стороне или вершине реки Большой Мурожной в местности с Крестовоздвиженским прииском купцов Щеголева и Кузнецова»¹. К этому времени он уже накопил определенные знания о золотопромышленном деле, во многом получая сведения об этой отрасли от находящихся на золотых промыслах в Сибири жандармских штаб-офицеров. Шеф жандармов понимал, что золотопромышленная деятельность требует больших денежных затрат и сил, которых у него не хватало. Поэтому не удивительно, что Бенкендорф пошёл на организацию второй в своей жизни золотопромышленной компании: 30 октября 1843 г. был составлен договор между ним, действительным статским советником Якобсоном и поручиком Бенардаки на создание золотопромышленной компании. По условиям договора, Бенкендорф перекладывал на указанных участников компании практически всю деятельность, связанную с золотодобычей: «...по собственному усмотрению управлять и распоряжаться этим делом, назначать по своему усмотрению ежегодный размер работ, высылать деньги, представлять, увольнять и сменять управляющих, снабжать их доверенностями, заключать с ними контракты, учреждать управление промыслов, поверять и утверждать отводы, сноситься со всеми Правительственными местами и лицами, принимать с Монетного двора деньги за добытое золото и пр.»². Скорее всего, такое решение было вызвано ухудшением здоровья шефа жандармов, что не позволяло ему, как в прежние годы, с присущей ему энергией погружаться в дела и принимать ответственные решения.

Выбор компаньонов и в этот раз оказался не случайным. Якобсон входил в со-

став первой золотопромышленной компании 1835 г. Второй участник – поручик Дмитрий Егорович Бенардаки являлся известным российским коммерсантом, в 40-е гг. XIX в. обратившим внимание на сибирскую золотопромышленность, впоследствии он станет крупнейшим золотопромышленником-миллионером.

Желание Бенкендорфа заняться на склоне лет золотопромышленной деятельностью, несмотря на первый неудачный опыт, диктовалось в первую очередь необходимостью поправить свои финансовые дела, пребывавшие в расстроенном состоянии. По положению об устройстве Корпуса жандармов 1836 г. годовое содержание шефа определялось следующим образом: оклад – 4 560 руб., столовые – 10 000, инспекторские – 4 000, квартирные – 7 800, всего же 26 360 руб.³ Представленная сумма была, пожалуй, максимальной, которую можно было получать, находясь на государственной службе в то время. При этом на Бенкендорфа постоянно распространялись монаршие милости в виде орденов, дополнительных денег. Помимо приобретения упомянутого имения Фалль Бенкендорф являлся крупным земельным собственником в Бессарабии. В 1832 г. Николай I пожаловал ему здесь 23 тыс. десятин земли, к которым сам Бенкендорф докупил еще 12 тыс. десятин и приступил к разведению овец [1, с. 322].

Однако, по сведениям мемуаристов, финансовое положение шефа жандармов оставалось весьма шатким, в том числе по причине трат на многочисленных любовниц. По воспоминаниям известного государственного деятеля, барона Модеста Корфа, в 1844 г. во время последней поездки за границу Бенкендорфа сопровождала признанная в высшем свете красавица статс-дама баронесса А. М. Крюденер, внимания и расположения которой отчаянно пытался добиться шеф жандармов. По сведениям Корфа, на эту поездку Бенкендорф получил от

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4951а. Л. 19.

² ГААК. Л. 19 об.

³ ПСЗРИ-2. Т. 12. Отд. 2-е. № 9355.

Николая I поистине царский подарок в размере 500 000 руб. серебром, но из-за расстроенных своих дел он едва вывез с собой 5 000 руб., остальные же пошли на погашение огромных долгов [4, с. 270].

Деятельность наследников А. Х. Бенкендорфа

Бенкендорф так и не успел стать золотопромышленником – в сентябре 1844 г. он скончался. Проводимые им поисковые работы не принесли желаемого результата – богатых месторождений золота так и не было найдено. Вместе с тем он не забыл в своём завещании указать судьбу собственного золотопромышленного дела. Так, в 3-м пункте Высочайше утвержденного 1 ноября 1844 г. духовного завещания графа указывалась следующая информация: «Доходы с золотых приисков, пожалованных мне Его Императорским Величеством, долженствует быть разделяемы на три части и поровну уплачиваемы трём дочерям моим. Управление сими промыслами возлагаю токмо на князя Григория Волконского и будущего мужа дочери моей Софии. <...> Доходы от золотых промыслов до кончины супруги моей завещаю разделить на четыре части, из коих одну часть получать будет супруга моя и три части дочери»¹.

Золотопромышленное дело попытались продолжить наследники графа. Уже 16 февраля 1845 г. князь Волконский обратился к новому Министру финансов, Ф. П. Вроченко с просьбой разрешить наследникам Бенкендорфа продолжить вести поиски и разрабатывать золото в Верхнеудинском округе Енисейской губернии, исходя из того, что «...при жизни графа Бенкендорфа были сделаны уже все распоряжения к продолжению розысков до истечения срока, Правительством назначенного»². На это отношение поступил отрицательный ответ со стороны начальника Департамента горных и соляных дел генерал-майора Ф. Ф. Бе-

гера. Аргументы последнего сводились к следующему: отсутствие закона, позволяющего наследникам владельцев приисков по выданным последним дозволениям продолжать поиски золота, без получения на то на свое имя свидетельства; золотой промысел в Верхнеудинском округе разрешен только ограниченному кругу частных лиц по особенному Высочайшему повелению; и, наконец, выдача дозволений на золотопромышленность вообще в Сибири воспрещена впредь до особого императорского повеления. Следовательно, делал вывод Бегер, «...просьба князя Волконского дозволению наследникам графа Бенкендорфа производить золотой промысел в Верхнеудинском округе без Высочайшего соизволения не может быть удовлетворена»³.

Волконский оказался настойчив в желании продолжить золотопромышленное дело своего тестя. Он вновь обратился к министру финансов со следующей просьбой. По словам князя, в октябре 1844 г. доверенный графа Бенкендорфа просил генерал-губернатора Восточной Сибири об отводе его доверителю согласно полученному на то праву от царя трёх втуне лежащих приисков: Петровского купца Степана Сосулина по одному из притоков реки Малая Пенченга и двух приисков, заявленных купцом Максимом Куракиным по притокам реки Енашимо. Волконский просил отвести эти прииски также на имя наследников графа по той причине, что, когда делалось это заявление, в сибирской тайге ещё не было известно о смерти Бенкендорфа, и его доверенность на поиски и разработку золота имела законную силу⁴.

Из дальнейшей переписки следует, что 29 марта 1845 г. с Высочайшего разрешения наследники графа Бенкендорфа могли продолжить начатый в Верхнеудинском округе золотой промысел на том же основании, на каком допущен был к этому делу сам граф. Вместе с тем коли-

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 355. Л. 2 об.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 355. Л. 1.

³ Там же. Л. 9, 9 об.

⁴ Там же. Л. 22–23.

чество разрабатываемых ими приисков ограничивалось уже ранее выделенными, а также утрачивало силу право просить выделить новые прииски для их разработки¹.

В Верхнеудинском округе Енисейской губернии наследникам графа Бенкендорфа принадлежали следующие прииски: 1) Николае-Иннокентьевский прииск по р. Гремучей, впадающей с левой стороны в р. Чикой, открытый в 1844 г., тогда же отведённый в Верхнеудинском земском суде в размере 249 965 кв. саж.; 2) Спасский прииск по р. Гремучей, открытый в 1844 г., в следующем году отведённый в том же суде в размере 223 290 кв. саж.; 3) Мариинский прииск по р. Байчикану, впадающей с левой стороны в р. Толкой, открытый в 1844 г., в следующем году отведённый в том же суде в размере 230 916 кв. саж.²

В феврале 1845 г. наследники графа Бенкендорфа составили доверенность с отставным полковником корпуса инженеров путей сообщения Иваном Франциевичем Буттацом, который стал управляющим принадлежащих им Верхнеудинских золотых промыслов. К тому времени золотопромышленная компания пополнилась ещё одним высокопоставленным компаньоном – министром иностранных дел Карлом Васильевичем Нессельроде. 24 декабря 1846 г. произошла реорганизация предприятия, получившего название «Соединенной Верхнеудинской золотопромышленной компании»³. Капитал компании был разделен на 100 паёв и распределялся среди пайщиков следующим образом: наследникам графа Бенкендорфа принадлежало 40 паёв, из них вдове графине Елизавете Бенкендорф – 10 паёв, каждой дочери по 10 паёв (графине Анне Аппони, княгине Марии Волконской и Софии Демидовой), графу Нессельроде – 5 паёв, действительному статскому советнику Якобсону

– 22 пая, отставному поручику Бенардаки – 20 паёв, наследникам поручика Н. И. Малевинского (крупный красноярский золотопромышленник) – 10 паёв, наследникам поручика Александра Бенкендорфа – 3 пая⁴.

Князь Волконский ненадолго посвятил себя золотопромышленным делам. Первый департамент С.-Петербургской Гражданской палаты 9 апреля 1849 г. выдал отставному гвардии штаб-ротмистру Павлу Григорьевичу Демидову доверенность, по которой князь Волконский уполномочил последнего вместо себя управлять всеми промыслами своего покойного тестя⁵.

Другие компаньоны также не принимали деятельного участия в делах компании, предпочитая, подобно Волконскому, перекладывать эти функции на доверенных лиц. Так, участники компании 4 мая 1849 г. составили соответствующую доверенность со служителем Суксунских заводов крепостным графа Демидова Абрамом Афанасьевичем Шерлаимовым. Согласно тексту доверенности Шерлаимову поручалось «...отправиться туда и принять отвод к означенному прииску на имя наследников и компании Бенкендорфа разведать в этом отводе золотосодержащую россыпь и приступить к устройству работ по добыче золота, для чего нанять нужное количество рабочих, приказчиков и прочих служителей, заготовить для продовольствия их жизненные припасы и нужные для работы инструменты, машины и пр., добытое золото сдавать в казну установленным порядком и квитанции присылать в С.-Петербург на имя действительного статского советника Якобсона, вместе с тем предоставить тебе входить в сношение с местными властями, подавать кому и куда следовать будет просьбы и жалобы, выслушивать решения, изъявлять удовольствие и неудовольствие, подавать апелляции и всё, что ты по сему законно учинишь в том верить тебе и против того спорить и пре-

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 355. Л. 26–26 об.

² ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4951а. Л. 28.

³ Там же. Л. 6, 7, 9.

⁴ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4951а. Л. 50, 50 об.

⁵ Там же. Л. 19 об.

к слову «не будем». Через два года эти же лица составили ещё одну подобную по содержанию доверенность – с архангельским мещанином Михаилом Николаевичем Окуловым¹.

Пролить свет на доходность и положение дел на принадлежавших наследникам графа Бенкендорфа приисках позволяют

¹ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4951а. Л. 19–20, 32–33.

ежегодные отчёты жандармских штаб-офицеров, находившихся на золотых промыслах в Восточной Сибири: в 1842–1853 гг. эти обязанности исполнял полковник (затем генерал-майор) Яков Дмитриевич Казимирский, а в 1853–1858 гг. – полковник Всеволод Алексеевич Мосолов. Взятые из их отчетов данные представлены в следующей таблице.

Таблица 1 / Table 1

Добыча золота и количество рабочих на приисках наследников графа Бенкендорфа / Gold production and the number of workers in the mines of the heirs of Count Benckendorf²

Название прииска / год	Промыто песка (пуд.)	Добыто золота				Кол-во рабочих
		Пуды	Фунты	Золотники	Доли	
Спасский / 1849	2 732 730	9	10	61	4	275
Спасский / 1851	2 711 582	6	7	75	47	272
Ивановский / 1851	1 505 383	4	36	40	83	187
Благовещенский / 1852	1 490 100	5	8	11	–	133
Петропавловский / 1852	3 600	–	–	20	–	–
Спасский / 1853	5 049 283	13	1	27	8	375
Ивановский / 1853	950 075	–	35	10	20	72
Благовещенский / 1856	12 094 200	20	27	46	–	505
Петропавловский / 1856	681 000	–	25	9	78	60
Благовещенский / 1857	6 930 800	11	2	59	–	272
Петропавловский / 1857	1 093 200	1	21	73	48	60

Как видно из приведённых данных, количество принадлежащих наследникам графа Бенкендорфа приисков увеличилось, добыча благородного металла на них из года в год варьировалась, стабильности не наблюдалось. Максимальное количество полученного золота приходилось на прииски с большим количеством рабочих, на которых же требовались повышенные затраты на их содержание. В целом добыча золота на указанных приисках являлась средней на общем уровне добычи золота в Восточной Сибири. Таким образом, затраты на содержание рабочих, доставку припасов и оборудования в таёжные дебри, где располагались

золотые промысла, едва ли окупались доходами от полученного золота. Поэтому не удивительно, что вскоре стал вопрос о целесообразности продолжения деятельности Верхнеудинской золотопромышленной компании.

4 августа 1859 г. в Красноярской градской думе у маклерских дел была засвидетельствована следующая продажа. Маринский купец 2-й гильдии М. Н. Окулов по доверенности, выданной государственным канцлером К. В. Нессельроде, тайным советником Н. Д. Яковсоном, гофмейстером князем Г. П. Волконским, опекуном над малолетними наследниками Малевинского, флигель-адъютантом полковником И. Г. Сколковым и поручиком Д. Е. Бенардаки, продал отставному подполковнику Михаилу Августовичу

² Источник подсчета: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 78. Д. 19. Л. 154 об. – 155, 157, 217 об. – 218, 276 об. – 218, 328, 332, 514, 574 об., 584.

Нейману со всем имуществом золото-содержащие прииски Благовещенский и Петропавловский, отведённые на имя покойного генерал-адъютанта графа А. Х. Бенкендорфа в Южной части Енисейского округа по речке Мамон за 4 500 руб. серебром¹. Так началась постепенная ликвидация дел Верхнеудинской золотопромышленной компании. Причинами продажи имущества компании можно считать убыточность её дел, а также тот факт, что в 1857 г. скончалась вдова графа Бенкендорфа Елизавета Андреевна.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Золотопромышленную сферу А. Х. Бенкендорф считал важнейшей отраслью экономики. Шеф жандармов в одной из своих записок Николаю I определял суть и значение золотого промысла следующим образом: «Золотопромышленность, этот драгоценный перл блистательного царствования Вашего Императорского Величества, которого важность объясняет грядущие годы, должны служить предметом особенной заботливости Правительства, ибо с развитием её

сопряжены и выгоды Казны и богатство народа»². Решая проблемы золотопромышленности в Сибири и утверждая жандармский надзор за этой сферой, шеф жандармов сам оказался не прочь стать золотопромышленником. Такое желание диктовалось в первую очередь необходимостью поправить финансовое положение. Однако ему так и не удалось стать золотопромышленником и получить желаемую прибыль со своих приисков. Его дело попытались продолжить наследники, организовавшие с близкими им людьми золотопромышленную компанию. Но и они не смогли достигнуть успеха на ниве золотого промысла, разделив общую судьбу многих подобных компаний, участники которых, желая обогатиться за счёт сибирского золота, сами отстранялись от дел, предпочитая перекладывать это на других лиц, не вникая в суть процесса. Золотопромышленная отрасль оставалась сферой для тех, кто готов был не только вкладываться в неё, но и самостоятельно вникать во все её тонкости.

Статья поступила в редакцию 01.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.
2. Гольянов А. Л., Закревская Г. П. Акционерное общество «Царскосельская железная дорога» // Железнодорожный транспорт. 2005. № 9. С. 67–73.
3. Елисеева О. И. Бенкендорф. Правда и мифы о грозном властителе III отделения. М.: Вече, 2014. 280 с.
4. Корф М. А. Записки. М.: Захаров, 2003. 719 с.
5. Олейников Д. И. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2014. 400 с.
6. Румянцев П. П. Губернатор под следствием: дело томского гражданского губернатора Н. А. Шленёва // Актуальные вопросы истории Алтая: сборник научных статей. Барнаул: Пять плюс, 2017. С. 12–17.

REFERENCES

1. Bibikov G. N. *A.Kh. Benckendorf i politika imperatora Nikolaya I* [A. H. Benckendorf and the policy of Emperor Nicholas I]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2009. 424 p.
2. Gol'yanov A. L., Zakrevskaya G. P. [Joint-stock company "The Tsarskoye Selo railway"]. In: *Zheleznodorozhnyi transport* [Railway transport], 2005, no. 9, pp. 67–73.
3. Eliseeva O. I. *Benckendorf. Pravda i mify o groznom vlastitele III otdeleniya* [Benckendorf. The truth and myths about the terrible ruler of the third division]. Moscow, Veche Publ., 2014. 280 p.

¹ ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2033. Л. 2–2 об.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 21. Л. 36–36 об.

4. Korf M. A. *Zapiski* [Notes]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. 719 p.
5. Oleinikov D. I. *Benkendorf* [Benckendorf]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 400 p.
6. Rumyantsev P. P. [The Governor under investigation: the case of Tomsk civil Governor N. A. Shlenev]. In: *Aktual'nye voprosy istorii Altaya: sbornik nauchnykh statei* [Topical issues of history of the Altai: collection of scientific articles]. Barnaul, Pyat' plyus Publ., 2017. pp. 12–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Румянцев Петр Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета;
e-mail: petroom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peter P. Rumyantsev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
e-mail: petroom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ/

Румянцев П. П. Золотопромышленная деятельность и золотопромышленное наследство А. Х. Бенкендорфа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. №1. С. 63–74.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-63-74

FOR CITATION

Rumyantsev P. P. Gold mining activity and gold mining heritage of A. Kh. Benkendorf. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 63–74.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-63-74

УДК 342,56: 94 (571,51) «1945-1950»
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-75-86

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЕВОЙ СУД В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1950)

Печерский В. А.

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение деятельности Красноярского краевого суда в период послевоенного восстановления народного хозяйства.

Процедура и методы. Проведён анализ теоретического материала (документов из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК)). При проведении исследования использовался метод анализа, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования процесса функционирования советской системы правосудия в отдельно взятом регионе.

Результаты. Выявлены закономерности деятельности Красноярского краевого суда в послевоенный период.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение деятельности отечественных органов юстиции и правопорядка советского периода.

Ключевые слова: Красноярский край, Красноярский краевой суд, правосудие, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство

THE KRASNOYARSK REGIONAL COURT IN THE POST-WAR PERIOD (1945–1950)

V. Pechersky

*Khakass Research Institute of Language, Literature and History (GBRI RKh «KhRILLH»)
23 Shchetinkin ul., Abakan 655017, Russian Federation*

Abstract

Aim. To elucidate the activities of the Krasnoyarsk Regional Court during the post-war recovery of the national economy.

Methodology. The research was based on an analysis of documents from the funds of the Krasnoyarsk Region State Archive (KRSA). The methods of comparative-historical and chronological analysis were used to investigate the functioning of the Soviet justice system in a particular region.

Results. The main patterns in the activities of the Krasnoyarsk Regional Court in the post-war period were revealed.

Research implications. The research results contribute to the study of the activities of domestic justice and law enforcement authorities during the Soviet period.

Keywords: Krasnoyarsk Region, Krasnoyarsk Regional Court, justice, criminal proceedings, civil proceedings

Введение

Во второй половине 1940-х гг. советское государство и общество залечивали раны, нанесённые войной. Особое место в этом процессе принадлежало судебным органам.

Население испытывало острую нужду в продуктах и товарах. Государство же в первые послевоенные годы не всегда могло дать своим гражданам всё необходимое, что порождало рост экономической преступности, который должны были остановить судебные и правоохранительные органы.

В военное время было немало тех, кто из трусости или по идейным соображениям сотрудничал с врагом. Их адекватное наказание было одной из основных задач послевоенной юстиции.

В войну усложнились частнопроводные отношения: было потеряно или уничтожено большое количество государственной и личной собственности, многие советские граждане лишились жилья, распались семьи. Население активно перемещалось по стране: эвакуированные гражданские лица и демобилизованные фронтовики возвращались к прежнему месту жительства, что также порождало жилищные споры и повышало нагрузку на транспорт. Все эти проблемы должны были разрешить советские судебные органы.

Деятельность судебных органов не является самой популярной темой в исторической науке. Историографический обзор проблемы приведён в статье А. Я. Кодинцева [3].

М. В. Кожевников одним из первых начал изучать историю советских судебных органов. Его книга «История советского суда» [4], несмотря на чрезмерную идеологизированность, представляет собой один из лучших научных трудов по заявленной тематике.

Особенности работы судов в послевоенный период отражены в работе канадского историка советского права Питера Соломона [7]. Работе советских судебных органов в послевоенный период посвящена статья О. В. Коноваловой [5].

На региональном уровне тема получила освещение в статьях В. Н. Казарина и В. А. Иванова и Е. В. Долгополовой [2; 1].

Согласно Закону «О судеустройстве СССР, союзных и автономных респу-

блик» от 16 августа 1938 г. в компетенцию краевых, областных, окружных судов и судов автономной области входило рассмотрение отнесённых законом к их ведению уголовных дел о «контрреволюционных» преступлениях. Об особо опасных преступлениях против государственного управления, о хищениях социалистической собственности, об особо важных должностных и хозяйственных преступлениях.

А также отнесённые законом к их ведению гражданские дела по спорам между государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями. К компетенции таких судов относилось и рассмотрение протестов и жалоб на приговоры и решения народных судов.

Таким образом, краевой суд должен был рассматривать дела не только как суд первой инстанции, но и заниматься пересмотром приговоров и решений, вынесенных народными судами.

В данной статье исследуется деятельность Красноярского краевого суда с 1945 г. – даты окончания войны, по 1950 г. – года, когда в СССР, после отмены в 1947 г., была вновь введена смертная казнь.

Деятельность краевого суда по первой инстанции

Уголовные дела, которые рассматривали судебные инстанции такого уровня, зачастую были политически мотивированными и накладывали на судей большую ответственность. Прежде всего, это были процессы о «контрреволюционных» преступлениях. Как отмечает С. А. Папков, в послевоенный период «вопреки общественным ожиданиям и профессиональным оценкам юристов советская уголовно-правовая система остались практически без изменений» [6, с. 333].

Огромные людские и материальные потери, понесённые страной в военное время, необходимость восстановления разрушенного, рост преступности никак

не могли способствовать смягчению репрессивной политики.

По мнению О. В. Коноваловой, после войны в обществе витали антиправительственные настроения, а идеологическое и политическое ужесточение в послевоенные годы сопровождалось физическим террором [5, с. 194].

К «контрреволюционерам» приравнивались и расхитители государственной собственности, поступки которых подпадали под действие Постановления ЦИК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В качестве санкции этот закон предусматривал высшую меру социальной защиты, а при смягчающих обстоятельствах – десять лет лишения свободы с конфискацией имущества.

В статье 131 Конституции СССР 1936 г. лица, покушавшиеся на общественную и социалистическую собственность, провозглашались «врагами народа».

В военное время «контрреволюционные» преступления часто рассматривались военными трибуналами. С окончанием войны такие дела были переданы в компетенцию краевых, областных, окружных и верховных судов АССР. В связи с этим нарком юстиции СССР Н. М. Рычков своим письмом от 11 октября 1945 г. обязал председателей судов организовать рассмотрение этих дел «так, чтобы было обеспечено правильное применение судебных репрессий и соблюдение государственной тайны, а также обеспечено рассмотрение этих дел в установленный 20-дневный срок»¹.

Николай Михайлович был вынужден заметить, что, с одной стороны, суды допускали к таким подсудимым слишком мягкие меры наказания, а с другой – чрезмерно суровые. В качестве примера он отметил Кемеровский областной суд. 65 приговорённым им к высшей мере на-

казания с начала 1945 г. Верховные суды СССР и РСФСР заменили расстрел лишением свободы, а по одному делу смертный приговор был отменён и направлен на новое расследование².

Кемеровская область была образована 23 января 1943 г., и недавно назначенные члены областного суда стремились показать служебное рвение излишне суровым обхождением с «контрреволюционерами».

В большей степени распоряжения наркома касались судебных органов бывших прифронтовых территорий, находившихся на военном положении, поэтому полномочия судов общей юрисдикции были ограничены, и они не имели опыта по осуществлению правосудия по соответствующим статьям. Красноярский же краевой суд всю войну судил и «контрреволюционеров» и расхитителей, однако прислушаться к мнению наркома следовало и краевым судьям.

В первом полугодии 1946 г. в краевой суд по первой инстанции поступило 123 уголовных дела. Из них 69 было возбуждено по ст. 58.10 (антисоветская пропаганда и агитация), 4 таких дела краевой суд направил на доследование. По ст. 58.14 (контрреволюционный саботаж) поступило 10 дел, из которых одно было прекращено. По другим «контрреволюционным» преступлениям было два дела, из которых одно направили на доследование³.

Основную массу «контрреволюционеров» составляли «агитаторы и пропагандисты». Несдержанные на язык граждане в частных разговорах, а иногда и в публичных выступлениях критиковали как советскую власть, так и вождей советского государства, что в исследуемый период было серьёзным преступлением.

Некоторое количество среди совершавших «контрреволюционные» преступления составляли саботажники. В основном в этой группе обвиняемых были беглецы из мест заключения. Ещё в военное время побег ряда категорий за-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 31. Л. 33.

² Там же. Л. 33 об.

³ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.

ключённых был приравнен к саботажу.

По Постановлению от 7 августа 1932 г. в первом полугодии 1946 г. в краевой суд поступило 19 дел, из них 1 было направлено на доследование. По прочим статьям УК и другим законодательным актам за этот период было 23 дела¹.

Подсудимыми по делам, возбуждавшимся за нарушение положений Постановления от 7 августа 1932 г., часто становились работники финансовых органов, совершавшие крупные растраты государственных средств. Так, в 1946 г. перед краевым судом предстали бывшие сотрудники Минусинского городского финансового отдела: старший инспектор Неклюдова и бухгалтер Степанова. Краевой суд признал их виновными в расхищении государственных средств в сумме 177527 руб. Суд был вынужден отметить, что руководство горфинотдела не контролировало и не проверяло работу этих лиц, поэтому ничто не помешало им присвоить такую крупную сумму.

Столь же беспечным было начальство одной из сберегательных касс в Кировском районе Красноярска, что позволило кассиру-контролёру М. А. Подпориной, девушке 1928 года рождения, за семь месяцев нахождения на этой должности, расхитить более 40 тыс. руб., составляя фиктивные ордера и подложные расписки. Начальство ни разу не проверило работу восемнадцатилетней кассирши.

Не проявили должной бдительности и руководители Нижнеингашского района, принявшие на должность районного налогового инспектора В. К. Парфёнова, осужденного в 1940 г. за расхищение государственного имущества. Новый инспектор взялся за старое и в его карманы перекочевали государственные средства, собранные с колхозников в виде налогов².

В результате преступных действий таких граждан государство несло огромные убытки, особенно чувствительные для ослабленной войной советской эконо-

мики. Судьи стремились не только покарать виновных и возместить понесённые убытки, но и разобраться с причинами, породившими такие преступления. При ближайшем рассмотрении оказалось, что причиной расхищения государственных средств был не только преступный умысел отдельных лиц, но и недостаточное внимание руководящих работников к деятельности своих подчинённых.

Учитывая характер рассматриваемых краевым судом дел, оправдания в этой инстанции происходило достаточно редко. Из 224 подсудимых за первые шесть месяцев 1946 г. краевой суд оправдал семерых или 3% подсудимых.

Из осужденных 217 человек, к расстрелу были приговорены 5 или 2,3%, к 10 годам лишения свободы – 83 или 38%, от 5 до 9 лет – 88 (40,5%), от 5 до 8 – 15 (6,9%), от 2 до 5 – 19 (8,6%). Остальные 7 осужденных были приговорены к наказаниям, не связанным с лишением свободы. К 139 признанным виновными краевой суд применил поражение в правах. У 65% осужденных было конфисковано имущество³. Дополнительные меры наказания применялись к большинству осужденных судебными инстанциями такого уровня, поскольку таковые предусматривались статьями, находившимися в их компетенции.

В отношении смертной казни письмо наркома от 11 октября 1945 г. не возымело действия на краевой суд. В первом полугодии 1946 г. 3 смертных приговора были заменены длительными сроками лишения свободы, 1 – был отменён Верховным судом СССР, ещё одному приговорённому высшая мера была заменена на каторжные работы сроком на 15 лет⁴. Члены краевого суда гораздо больше боялись обвинений в «мягкотелости и либерализме», чем в чрезмерной строгости.

Во втором полугодии 1946 г. в краевой суд поступило уже 150 дел. Из них по ст. 58.10 было 38 дел, 58.14 – 3, по другим

¹ Там же.

² ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-2.

³ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 17.

статьям о «контрреволюционных» преступлениях – 52, по Постановлению от 7 августа 1932 г. – 35, по прочим преступлениям – 22¹.

В подготовительном заседании было прекращено одно «контрреволюционное» дело. 17 декабря 1946 г. краевой суд прекратил уголовное преследование И. В. Амосова, обвиняемого в «контрреволюционной агитации». Данный подсудимый страдал шизофренией и, по заключению судебно-медицинской экспертизы, был невменяем. Иван Васильевич был направлен на принудительное лечение «впредь до выздоровления»². Органы предварительного следствия не проявили должного старания и направили дело в суд, не удосужившись поинтересоваться душевным здоровьем обвиняемого. Однако краевой суд исправил эту ошибку.

Все дела, которые попали в категорию «прочие статьи УК» были возбуждены по ст. 58.3 (сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством, а равно содействие каким-либо способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны). По этому пункту к ответственности привлекались лица, уличённые в сотрудничестве с оккупантами во время войны. После освобождения оккупированных территорий уличённые вражеские пособники были арестованы и высланы в другие регионы, в частности в Красноярский край, а местным судебным органам было поручено определить степень их вины и применить наказание³.

Число обвиняемых по Постановлению от 7 августа 1932 г. выросло, поскольку в связи с началом сельскохозяйственных работ участились случаи расхищения хлеба в колхозах, совхозах и на пунктах заготзерно⁴. Для исследуемого периода был характерен рост экономических престу-

плений во втором полугодии, когда в крае начинались работы по уборке урожая.

Например, за кражу зерна по данному нормативному правовому акту были осуждены члены колхоза «Красный май» Ачинского района А. К. Егоров, И. С. Девковский, М. В. Девковский и Н. В. Косенцова.

Егоров, будучи сторожем колхозного зернохранилища, по стовору с остальными систематически занимался хищением колхозного хлеба. Всего ими было похищено 7 ц, 54 кг. пшеницы, 6 ц, 50 кг ржи и 1 ц, 14 кг. овса. Выездная сессия краевого суда приговорила Егорова, как организатора краж к смертной казни, остальные были осуждены к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества⁵.

Возникший в военное время острый дефицит продуктов питания не был преодолен и в первые послевоенные годы. А летом 1946 г. в сельском хозяйстве СССР была серьёзная засуха, повлекшая за собой неурожай, спровоцировавший в следующем году массовый голод [8, с. 201].

Эти обстоятельства заставили советское правосудие особенно остро реагировать на кражи продовольствия, особенно такие крупные, когда огромное количество сельхозпродукции уходило на сторону. Учитывая размер украденного, столь суровый приговор расхитителям выглядит вполне обоснованным.

Увеличение числа дел, возбужденных по нормативным правовым актам, предусматривавшим смертную казнь в виде санкции закономерно привело к росту таких приговоров. Во втором полугодии 1946 г. краевой суд приговорил к высшей мере наказания 10 человек. В отношении двоих приговоры были утверждены и приведены в исполнение. Четверым – расстрел был заменён 10 годами лишения свободы, двоим – 20 годами каторжных работ. В отношении двоих до конца года в крае не получили результатов обжало-

¹ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

² ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 36. Л. 4-5.

³ Там же. Л. 3

⁴ Там же.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 36. Л. 13-14.

вания¹. Эти данные говорят о том, что судьи краевого суда по-прежнему следовали карательной судебной политике.

В 1947 г. в советском уголовном законодательстве произошли существенные изменения. 26 мая 1947 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни». Смертная казнь была отменена за все преступления, за которые она была предусмотрена действующим в стране законодательством. Как альтернатива этой мере наказания вводилось заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет [4, с. 360–361].

4 июня 1947 г. вступил в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», предусматривавший в качестве меры наказания для расхитителей государственной собственности заключение в ИТЛ на срок от 7 до 10 лет [4, с. 362]. Данный Указ, заменивший Постановление от 7 августа 1932 г., предусматривал куда более мягкую меру наказания, что свидетельствовало о либерализации отечественного законодательства.

В тот же день был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан», усиливший наказание за покушение на имущество частных лиц [4, с. 364]. Этот нормативный правовой акт был серьёзным шагом вперёд по охране собственности советских граждан, данному вопросу до того не уделялось должного внимания.

На 1 декабря 1947 г. в краевой суд по первой инстанции поступило 354 уголовных дела, с остатками от прошлого года в производстве на эту дату находилось 364 дела, что было больше на 29%, чем за аналогичный период 1946 г.

53 дела были возбуждены по ст. 58.10, 30 дел, по другим «контрреволюционным» преступлениям, 104 дела по Указам

от 4 июня 1947 г. Остальные дела по прочим законодательным актам².

Отмена смертной казни повлияла на назначаемые судом наказания. Из 592 осужденных за первые 11 месяцев 1947 г. к заключению на срок свыше 10 лет было приговорено 76 человек, к 10 годам – 240, от 5 до 9 – 94, к 5 – 51, от 3 до 4 – 23, от 2 до 3 – 26, до 2 – 16, к наказаниям, не связанным с лишением свободы – 66³.

Над подсудимыми больше не довлел страх смертного приговора, и какой бы длительный срок заключения не был им определён в качестве меры наказания, у них всегда оставалась надежда выйти на свободу.

В четвёртом квартале 1948 г. в краевой суд по первой инстанции поступило 52 дела в отношении 153 человек. В первом квартале 1949 г. в краевой суд по первой инстанции поступило 48 уголовных дел, по которым обвинялся 131 человек, на 1 января 1949 г. в краевом суде в остатке оставалось 5 дел. За первые три месяца 1949 г. в подготовительном заседании главный судебный орган края принял к производству 41 дело, три дела было передано по подсудности, 2 дела было возвращено в краевую прокуратуру на доследование, ещё 2 дела было прекращено производством. По существу было рассмотрено 33 дела, из которых 1 было возвращено в краевую прокуратуру для доследования. Таким образом, краевой суд закончил 41 уголовное дело, а на 1 апреля 1949 г. осталось 12 дел⁴.

Постепенно в краевом суде накапливались уголовные дела, число которых росло от квартала к кварталу. Изменения в законодательстве, особая ответственность членов главной судебной инстанции края, строгий контроль министерства юстиции и крайкома заставляли судей работать особенно тщательно.

В первом квартале 1949 г. в краевой суд поступило 10 дел о «контрреволю-

² ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.

³ Там же. Л. 8 об.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

ционных» преступлениях. Во втором квартале таких было 4 и ещё два дела поступило из Верховного Суда СССР с изменёнными приговорами и требованием рассмотреть их снова.

Одно такое дело краевой суд направил прокурору края на исследование. В этом деле по ст. 58.10 обвинялась И. А. Александровичуте. Проживавшая в Литве подсудимая была против присоединения республики к СССР и во время оккупации «вела активную работу против советской власти, оказывала помощь бандитами, среди окружающих проводила националистическую пропаганду»¹.

После освобождения Литвы И. А. Александровичуте была выслана в Манский район Красноярского края, где «проживая на месте переселения, не прекращала своей гнусной работы». Органы предварительного следствия квалифицировали действия Александровичуте по ч. 1 ст. 58.10, однако судебная коллегия краевого суда не согласилась с этим, посчитав, что литовку следовало обвинить по ч. 2 той же статьи, то есть антисоветская агитация и пропаганда, но уже в военной обстановке, и по ст. 58.3. И 29 апреля 1949 г. краевой суд предложил органам следствия изменить обвинение².

В данном деле краевой суд проявил бдительность и не довольствовался более лёгким обвинением. Антисоветскую агитацию и пропаганду Александровичуте вела в военное время, также бесспорно было её сотрудничество с оккупантами, поэтому недоработка органов следствия была хорошо видна членам краевого суда.

12 января 1950 г. был введён в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». Возвращение смертной казни во многом было продиктовано эскалацией холодной войны, когда на тех, кто стал сотрудничать с бывшими союзниками, стали смотреть

фактически как на пособников оккупантов военного времени.

В первом квартале 1950 г. в краевой суд по первой инстанции поступило 62 уголовных дела, на 11 больше, чем в четвёртом квартале 1949 г. Такая значительная разница объяснялась тем, что в краевой прокуратуре прошла ревизия. Ревизоры заставили прокурорских работников закончить дела, по которым следствие велось длительное время, и передать их в суд. Вследствие спешки 13 дел или 21% краевой суд был вынужден вернуть из подготовительного заседания в прокуратуру на исследование, поскольку следственный материал был небрежно оформлен, было отмечено нарушение материального и процессуального права³.

Попытка ускорить работу прокуратуры привела лишь к тому, что в суд поступили не расследованные и не оформленные должным образом дела. Стремление ревизоров побороть волокиту только добавило работы и судьям и работникам прокуратуры.

Серьёзное внимание краевому суду приходилось уделять гражданским делам. В первом квартале 1949 г. в судебную коллегия по гражданским делам краевого суда поступило 140 дел, и 40 дел осталось нерассмотренными с прошлого года. Поступившие дела делились на следующие категории: транспортных – 79, о расторжении брака – 59, прочих – 2. Большинство исков предъявлялись к Красноярской железной дороге о возмещении ущерба от порчи или утраты груза.

Всего за первый квартал 1949 г. коллегия по гражданским делам краевого суда разрешила 136 дел, было удовлетворено 113 исков, в 18 исках было отказано, по 4 искам в судебном заседании были прекращены дела, 1 дело было передано в другой суд⁴.

Ещё во время войны плохая работа транспортных организаций нередко была

¹ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 2. Д. 2. Л. 14.

² Там же.

³ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 2. Д. 5. Л. 10.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 2. Д. 3. Л. 9.

поводом для подачи исков. В послевоенный период транспортные проблемы было далеко от разрешения и у клиентов к ним было немало претензий.

Постепенно количество транспортных дел в краевом суде снижалось. В четвёртом квартале 1950 г. в коллегия по гражданским делам поступило 138 дел, из них транспортных – 54, о расторжении брака – 84. По существу с вынесением решения было рассмотрено 111 дел, из них иски удовлетворены по 84, дела прекращены производство по 20 искам, направлены в другие суды – 7¹. Согласно этим данным, гражданско-правовые отношения вошли в норму, однако работа транспорта была далека от идеала.

Работа краевого суда по второй инстанции

Основной объём работы краевому суду приходилось выполнять, занимаясь пересмотром решений, принятых народными судами края. Первичные судебные инстанции часто принимали неправосудные решения как по уголовным, так и по гражданским делам, и их ошибки приходилось исправлять суду следующей ступени.

В первом полугодии 1946 г. в судебную коллегия по уголовным делам краевого суда поступило по жалобам и протестам 2365 дел. За это время краевой суд вынес решения по делам, в которых фигурировали 2589 подсудимых. Приговоры по 1816 подсудимым краевой суд оставил в силе, по 86 – изменил без переквалификации, изменил с переквалификацией – по 137, отменил – по 550. В большинстве своём решения народных судей отменялись из-за недостаточного изучения ими обстоятельств дела и нарушения норм УПК².

Главы первичных судебных инстанций работали по-разному. В первом полугодии 1946 г. у А. Ф. Кухты, судьи Шушенского района, было оставлено в силе

100% приговоров, у судьи Держинского района Нахаева – 85%, Краснотуранского района Филиппова, второго участка Кировского района Красноярск Перфильева и некоторых других судебных работников – по 80%. Но были судьи, у которых за этот, же период краевой суд оставил в силе от 4% до 6% приговоров. А у судьи Кежемского района Шимохина было оставлено в силе 3% приговоров³.

В отношении последних судебная коллегия краевого суда вынесла частные определения, указав на нарушение норм как материального, так и процессуального права. Всего было вынесено 136 таких определений⁴.

Причина плохой работы многих народных судов крылась в кадровых проблемах. Как заметила В. О. Коновалова, в годы войны и после её окончания положение с квалификацией сотрудников судов значительно ухудшилось. Количественные и качественные статистические данные показывали, что от трети до половины народных судей не имели юридического образования, не говоря уже об опыте работы и стаже [5, с. 192].

Красноярский край полностью вписывался в эту картину. Во втором полугодии 1946 г. из 96 имевшихся в крае народных судей высшее и незаконченное высшее юридическое образование имели лишь двое. 44 – окончили двухгодичную юридическую школу, 10 – одногодичную юридическую школу, 18 – юридические курсы, 22 – не имели юридического образования. Характерной чертой судебных органов края исследуемого периода была и текучесть кадров⁵.

Судебные работники не разбирались в законодательстве и не успевали приобрести должный опыт, поскольку не работали на судебных должностях достаточного долгий срок.

Проблемы с пересмотром приговоров народных судов и в дальнейшем остава-

¹ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 2. Д. 5. Л. 51.

² ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 32. Л.31.

³ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 32. Л. 34-35

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 10. Л. 14-15.

лись актуальными. За первые 11 месяцев 1947 г. в коллегия по уголовным делам краевого суда поступило 4290 дел по кассационным жалобам и 523 по протестам. За аналогичный период 1946 г. было всего 4305 дел. Краевой суд, рассмотрев дела в отношении 5813 человек, оставил в силе приговоры в отношении 3944 человек или 67,8% решений народных судов. 199 или 3,2% были изменены с переквалификацией, без переквалификации – 253 (4,3%), было отменено со стадии предварительного и судебного следствия – 304 (5,2%), со стадии судебного разбирательства – 870 (14,9%). Были отменены приговоры в отношении 243 человек или 4,1%¹.

Несмотря на то, что значительное большинство приговоров народных судов было оставлено в силе, более трети решений по уголовным делам краевому суду пришлось либо отменить, либо изменить в той или иной форме. Это говорило о том, что народным судьям ещё предстояло серьёзно работать над повышением своей квалификации.

В отношении гражданских дел положение было ещё более тяжёлым. С января по ноябрь 1947 г. в коллегия по гражданским делам краевого суда по второй инстанции поступило 3118 дел. Краевой суд, рассмотрев 2626 дел, оставил в силе 1524 решения народных судов или 58%. Было изменено 119 решений или 4,6%. На новое рассмотрение было направлено 885 решений или 33,7%. Было прекращено 98 гражданских дел или 3,7%².

По гражданским делам краевой суд был вынужден оставить в силе лишь немногим более половины решений первичных судебных инстанций. В области гражданского права советские судьи были подготовлены гораздо хуже, чем уголовного. За решения по уголовным делам они несли куда большую ответственность, чем по гражданским.

В первом квартале 1949 г. в краевой суд поступило 1061 уголовное дело по

жалобам осужденных и 233 по протестам прокуроров. До конца квартала члены главного судебного органа края успели рассмотреть 1073 дела в отношении 1288 человек. В силе были оставлены приговоры в отношении 891 человека или 69,2% из тех, в отношении которых дела пересматривались. 32 осужденным или 2,9% была изменена мера наказания с переквалификацией обвинения, без переквалификации – 42 или 3,2%. Были отменены приговоры с передачей дел на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в отношении 45 человек или 3,9%. Приговоры были отменены в отношении 36 лиц или 2,8%. В четвёртом квартале 1948 г. без изменений было утверждено 64,1% приговоров народных судов³.

Причиной отмены большинства приговоров были нарушения процессуальных норм, допущенные народными судьями. По данным П. Соломона, ещё в конце 40-х гг. судьи, рассматривавшие уголовные дела, допускали ряд процессуальных ошибок, каждая из которых могла привести к изменениям приговоров, которые вносили суды более высоких инстанций [8, с. 342].

Несмотря на некоторое улучшение работы первичных судебных инстанций, судьям краевого суда приходилось сталкиваться с некомпетентностью и безалаберностью своих коллег. Народные судьи порой не утруждали себя поиском доказательств по рассматриваемым делам.

Так, народный суд Больше-Улуйского района 18 декабря 1948 г. осудил У. П. Доньгуб по ст. 5 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к 2 годам лишения свободы условно за то, что она, узнав от своей несовершеннолетней дочери о том, что некий Гвоздов похитил зерно, не донесла об этом.

При этом, согласно ст. 5 данного Указа ответственность за недонесение наступала

¹ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 39. Л. 11 об.

² Там же. Л. 19 об.

³ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 2. Д. 3. Л. 6-7.

ла только тогда, когда расхититель осуждался по ст. 2 (Хищение, совершаемое повторно, а равно организованной группой (шайкой) или в крупных размера) или ст. 4 (Хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах). 28 января 1948 г. судебная коллегия краевого суда оправдала Устинью Прокопьевну¹. Здесь народный судья не стал искать нюансы в законодательстве, что стоило обвиняемой пускай условного, но неправосудного обвинительного приговора.

Другой случай неправильного осуждения произошёл в Курагинском районе, где народный суд второго участка осудил также 18 декабря 1948 г. А. П. Ломкину по ст. 3 того же Указа на 5 лет лишения свободы. В вину Александре Павловне вменялась кража яблок из колхозного сада. Изучив это дело, судьи краевого суда установили, что, обнаружив пропажу фруктов, сторож сада задержала Ломкину, находившуюся поблизости от охраняемой ею собственности. Яблоку у задержанной не было и осуждена она была лишь на основании предположений. Краевой суд пришёл к выводу, что Александра Павловна невиновна, поэтому 4 февраля 1949 г. приговор в её отношении отменил, дело производством прекратил и постановил освободить несправедливо осужденную из-под стражи².

Рассматривая эти дела, народные суды стремились перестраховаться, поскольку не меньше, чем их коллеги из краевого суда, боялись обвинений в чрезмерной мягкости.

В первом квартале 1949 г. у членов краевого суда хватало работы и по исправлению ошибок коллег в сфере гражданского права и процесса. За первые 3 месяца 1949 г. в судебную коллегияю краевого суда по гражданским делам поступило из народных судов 886 дел, с

прошлого квартала на балансе главного судебного органа края было 24 дела. Краевой суд успел рассмотреть 727 дел.

Главная судебная инстанция края оставила в силе решения по 187 делам, или по 53,2%. Решения были изменены по 34 делам (4,6%), отменены решения с передачей дел на новое рассмотрение – 289 (39,9%), отменены решения с прекращением дел производством – 17 (2,3%)³.

Председатель краевого суда А. И. Крапивин был вынужден отметить: «Как и в предыдущие годы, наблюдалось невнимательное отношение со стороны народных судей при рассмотрении дел. Не исследуются обстоятельства по делам, не выясняются взаимоотношения сторон, допускаются грубые процессуальные ошибки. Всё это приводит к значительной отмене судебных решений»⁴. Членам краевого суда порой приходилось играть роль строгих учителей, раз за разом исправлявших оплошности нерадивых учеников.

Заключение

1. Красноярский краевой суд в послевоенный период сумел решить поставленные перед ним задачи – правосудие по уголовным и гражданским делам осуществлялось в соответствии с законодательством, и даже по политически мотивированным делам были случаи оправдания подсудимых. С другой стороны, большинство смертных приговоров, выносимых краевым судом, отменялись вышестоящими инстанциями. Это говорит о том, что судебная политика того времени носила карательный характер, и судьи гораздо больше боялись обвинений в мягкости, чем в чрезмерной строгости. Судьям в исследуемый период приходилось работать в условиях часто меняющегося законодательства, что усложняло его деятельность.

2. Экономическая преступность во многом носила сезонный характер. Во втором полугодии в крае начинался се-

¹ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 2. Д. 3. Л. 6.

² Там же.

³ ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

⁴ Там же.

зон сельскохозяйственных работ, поэтому значительно возросло количество краж и крупных хищений. В первые послевоенные годы основным предметом преступных посягательств были продукты питания, что отражали судебные процессы того периода.

3. В области гражданского права краевой суд в основном разрешал иски к транспортным организациям, работа которых вызывали серьёзные нарекания по представленным выше причинам и именно судьи должны были заставить транспортников работать должным образом.

4. Особенностью правосудия исследуемого периода было и то, что члены краевого суда несли двойную ответственность: не только за себя, но и за народных судей, которые, в силу слабой компетенции, часто выносили неправильные решения по уголовным и, особенно, по гражданским делам. Судьи краевого суда много времени и сил тратили на исправление промахов коллег, вследствие которых за решёткой оказывались невиновные люди, а частнопроводимые споры разрешались не в пользу тех, кто был прав.

Статья поступила в редакцию 28.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В. А., Долгополова Е. В. Ленинградский городской суд во второй половине 1940-х – начале 1990-х гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 6. С. 224–259.
2. Казарин В. Н. Иркутский областной суд в первые послевоенные годы (1945–1950) // Сибирский юридический вестник. 2006. № 1. С. 125–138.
3. Кодинцев А. Я. Советский суд в 30–50-е гг. XX в. в трудах советских, российских и зарубежных учёных // Северный регион: Наука, образование, культура. 2009. № 2. С. 7–20.
4. Кожевников М. В. История советского суда. М.: Юриздат. 1948. 376 с.
5. Коновалова О. В. Советский суд (1945–1953) // Инновационная наука. 2016. № 2–3. С. 192–195.
6. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 440 с.
7. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 464 с.
8. Фильцер Д. Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни. 1943–1953. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 445 с.

REFERENCES

1. Ivanov V. A., Dolgopolova E. V. [Leningrad City Court in the second half of the 1940s – early 1990s]. In: *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University], 2013, no. 6, pp. 224–259.
2. Kazarin V. N. [Irkutsk Regional Court in the first post-war years (1945–1950)]. In: *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2006, no.1, pp. 125–138.
3. Kodintsev A. Ya. [The Soviet Court in the 30–50s of the twentieth century in the Works of Soviet, Russian and Foreign Scientists]. In: *Severnyi region: Nauka, obrazovanie, kul'tura* [Northern region: Science, Education, Culture], 2009, no. 2, pp. 7–20.
4. Kozhevnikov M. V. *Istoriya sovetskogo suda* [History of the Soviet Court]. Moscow, Yurizdat Publ., 1948. 376 p.
5. Konovalova O. V. [The Soviet Court (1945–1953)]. In: *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science], 2016, no. 2–3, pp. 192–195.
6. Papkov S. A. *Obyknovennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2012. 440 p.
7. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 1998. 464 p.

8. Fil'tser D. *Opasnosti gorodskoi zhizni v SSSR v period pozdnego stalinizma. Zdorov'e, gigiena i usloviya zhizni. 1943–1953* [The dangers of urban life in the USSR during the Late Stalinism. Health, hygiene and living conditions. 1943–1953]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 445 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Печерский Владимир Арнольдович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»);
e-mail: volody75.75@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Pechersky – Cand. Sci. (History), leading researcher of the Department of History, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (GBRI RKh «KhRILLH»);
e-mail: volody75.75@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Печерский В. А. Красноярский краевой суд в послевоенный период (1945–1950) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. №1. С. 75–86.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-75-86

FOR CITATION

Pechersky V. A. The Krasnoyarsk regional court in the post-war period (1945–1950). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 75–86.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-75-86

УДК 94(970) 1957

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-87-97

ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЁЖИ В 1957 Г. ИЗМЕНИЛ СССР: ПЕРВЫЙ ПРОРЫВ «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА»

Горлов В. Н.*Московский государственный лингвистический университет
119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр.1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить факторы, определившие особое место VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве в 1957 г. в прорыве «железного занавеса» в условиях «холодной войны».

Процедура и методы. В работе, основанной на принципах историзма, объективности и системности, использованы сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы. Исследование проводилось на основе проблемно-исторического анализа с учётом социальных условий того времени.

Результаты. Установлено, что фестиваль во многом изменил образ жизни советских людей, приоткрыв «железный занавес», который разделял мир. После фестиваля советская страна стала более интегрированной и открытой миру, последовало потепление социального климата в стране.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определены факторы начала улучшения отношения между странами в разгар «холодной войны». Обобщён ряд вопросов истории культурных отношений в период «холодной войны», что важно для понимания современного этапа международных отношений.

Ключевые слова: Фестиваль молодежи, дискуссии, «железный занавес», «холодная война»

THE 1957 MOSCOW YOUTH FESTIVAL HAS CHANGED THE SOVIET UNION: THE FIRST BREAKTHROUGH OF THE IRON CURTAIN

V. Gorlov*Moscow State Linguistic University
38, str. 1, Ostozhenka ul. Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the factors that determined the special place of the 6th World Festival of Youth and Students in Moscow in 1957 in the breakthrough of the Iron Curtain under the Cold War conditions.

Methodology. The work was based on the principles of historicism, objectivity and consistency. The methods of comparative historical and historical analysis were used. A problem-historical analysis was conducted taking the social conditions of the Soviet period into account.

Results. The festival opened a new page in the history of the country, changing the life of Soviet citizens in many respects. The festival broke through the Iron Curtain that had been dividing the world. After the festival, the Soviet country became more integrated and open to the world, followed by a warming of the social climate in the country.

Research implications. The factors that determined the onset of a new dynamics in the relations between the countries in the midst of the Cold War were determined. A number of aspects in the

history of cultural relations during the Cold War period were generalized. The findings can be useful for historians investigating the period of Khrushchev's Thaw and for understanding the current stage of international relations.

Keywords: Youth Festival, discussions, Iron Curtain, Cold war

Введение

Всемирные фестивали молодёжи и студентов стали наиболее яркими событиями международных отношений во второй половине XX в. Необходимо сказать об общеполитической важности фестивалей как средства обретения понимания между посланцами молодёжи Земли, поиска ими возможностей разрешения наиболее актуальных современных проблем, в первую очередь проблемы сохранения мира.

Идея крупномасштабных молодёжных фестивалей возникла после окончания Второй мировой войны. Основными организаторами фестивалей стали две международные организации: Всемирная федерация демократической молодёжи и Международный союз студентов. Цель фестивалей состояла в объединении прогрессивных сил молодёжи в борьбе за сохранение мира на Земле, консолидации передовой части молодёжи всех государств. На Всемирные форумы молодёжи приезжали представители самых различных обществ (профсоюзных, социалистических, спортивных, студенческих, культурных и др.). СССР наиболее энергично принимал участие в фестивалях, понимая, что Всемирные фестивали будут способствовать продвижению идей социализма на всех континентах планеты. Фестивали в первое послевоенное десятилетие проводились в государствах Восточной Европы. В 1957 г. наконец и для Москвы наступил её звёздный час – в столице первого социалистического государства на Земле прошёл VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. На вершине хрущёвской «оттепели» руководство Советского Союза попыталось приоткрыть «железный занавес».

Проведению крупнейших молодёжных форумов способствовали важные

политические перемены, произошедшие в мире после войны. Преобладающее значение в ценностных ориентирах стали играть общечеловеческие ценности. Произошедшие в мире изменения сказались и на атмосфере межгосударственных отношений. Решающий вклад, который внёс СССР в Победу над нацистской Германией, вызвал рост симпатий к нему в большинстве стран. Положительный образ государства-победителя закрепился в сознании молодёжи всего мира.

Молодёжная политика в СССР накануне фестиваля

В послевоенные годы политика руководства страны по отношению к молодёжи становится более сложной. Акцент в ней был сделан на противоборство с «тлетворным влиянием» Запада. Советскому руководству необходимо было противостоять буржуазной идеологии в условиях развернувшейся «холодной войны». Чтобы оградить от неё молодое поколение, советское руководство приняло ряд постановлений, направленных против распространения отрицательных явлений в молодёжной среде. Однако закрытие культурных границ только усилило интерес советских граждан к достижениям общемировой культуры, а преследования приверженцев западного образа жизни только увеличивали интерес советской молодёжи к нему. Неприятие эстетических установок руководства СССР и его попыток административно руководить духовной жизнью молодого поколения вызывали у советской молодёжи огромное желание познакомиться с внешним миром. Руководители советского государства не принимали во внимание тот факт, что «железный занавес» в условиях нарастающей научно-технической рево-

люции не сможет стать абсолютно непроницаемой преградой. Разнообразными способами и каналами в Советский Союз прорывались современная западная мода, музыка, живопись, фильмы и другие явления мировой культурной жизни.

С приходом к власти Н. С. Хрущёва социальная напряжённость в молодёжной среде несколько снизилась. Хрущёвская «оттепель» характеризовалась значительной активизацией международных связей Советского Союза не только в фестивальной, но и в торгово-экономической, туристической, спортивной, выставочной и гастрольной деятельности. В вопросах пропаганды преимуществ социализма руководство страны и лично Н. С. Хрущёв большие надежды возлагали на «правильно организованные» личные контакты между гражданами СССР и иностранцами.

Советское общество периода «оттепели» становилось всё более открытым и информированным. Руководство страны пошло на известную либерализацию культурной жизни. Показ трофейных фильмов, появление зарубежных предметов ширпотреба, прослушивание зарубежных радиопередач способствовали более быстрому приобщению к ценностям западного мира, меняя отношение к государственным идеологическим установкам. Изменение политической обстановки, расширение культурных связей со многими странами, распространение большого количества информационных материалов (телевидение, журналы, книги, кинофильмы и т. п.), знакомство с современным зарубежным искусством значительно расширили мировосприятие и кругозор советских граждан. Первое социалистическое государство также приковывало внимание иностранных граждан, желающих узнать культуру и традиции нашей страны. С середины 50-х гг. в Советском Союзе начали устраивать выставки западных художников, моделей одежды, стали приезжать с гастролями театры, артисты, проводились недели

зарубежных фильмов и т.п. Всё это приковывало к себе повышенное внимание в первую очередь молодых людей, бывших наиболее впечатлительной и интересующейся категорией советских граждан. В это время у них происходили глубокие мировоззренческие сдвиги. Молодые люди не собирались превращаться в простые «винтики» государственного механизма. В условиях хрущёвской «оттепели» у молодёжи имелось достаточно возможностей для самореализации и она искала поле деятельности для приложения сил и творческих способностей.

Изменения в душевном состоянии молодых людей страны Советов подметил замечательный колумбийский писатель Г. Маркес, которому посчастливилось познакомиться с жизнью московских студентов: «В университете ставится вопрос о необходимости достигнуть уровня жизни Запада. Совсем недавно студентки Московского института иностранных языков вызвали скандал, выйдя на улицу, одетые по парижской моде, с причёской “конский хвост” и на высоких каблуках» [6, с. 85]. Определённое воздействие на изменения в сознании молодёжи оказывало повышение уровня образования. Потребности советских граждан постоянно росли, и эта тенденция была неизменной.

Одной из задач властей было ослабление влияния буржуазной идеологии на умы советских молодых людей в условиях всё расширявшегося притока новостей о жизни западного общества. Политическая активность советского студенчества после развенчания культа личности И. В. Сталина и либерализации советского общества стала головной болью руководителей государства. В феврале 1957 г. к комсомольским руководящим органам обратились с призывом «вести неустанную борьбу против попыток буржуазной пропаганды навязать советской молодёжи низменные вкусы и взгляды»¹.

¹ Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (принятых после XII съезда ВЛКСМ). М.: Молодая гвардия, 1958. С. 96.

Используя прежние методы воздействия на молодое поколение под символом противостояния с капиталистической идеологией, руководителям советского государства приходилось приспосабливаться к новым политическим реалиям и, в первую очередь, к переменам в отношении стран Запада.

Этот период характеризуется противоречивостью внутренней и внешней политики. После XX съезда КПСС началось развенчание культа личности И. В. Сталина и поиск различных моделей взаимоотношений с зарубежными странами. С другой стороны, сама критика культа была более чем неполная. Свободно обсуждать многие темы было нельзя. Партию не устраивала индивидуалистическая смелость молодых граждан, независимые мысли и суждения. Руководство страны внимательно отслеживало настроения молодёжи. Со «свободомыслящими» воевали все: партийные органы, комсомольские организации, компетентные органы.

Приход к власти Н. С. Хрущёва пришёлся на разгар «холодной войны», непримиримого противоборства с западными государствами. Но по мере либерализации внешней политики советского государства его международный авторитет начинает расти. В это время стали устанавливаться контакты советской молодёжи со сверстниками из других стран. Упрочение дружеских отношений между гражданами государств с различным социальным строем стало важным фактором для развития взаимовыгодной совместной деятельности. Начавшийся после Второй мировой войны распад колониальной системы создал благоприятные условия для активизации внешней политики СССР в так называемом «третьем мире». Для упрочения международного положения советское государство пыталось вовлечь в орбиту своего влияния как можно больше государств, освободившихся от колониального гнёта.

Возглавляемое Н. С. Хрущёвым руководство страны заявило о возможности мирного сосуществования с буржуазными государствами. И, несмотря на то, что в СССР не прекращали обличать капиталистические порядки и продолжался курс на идеологическую конфронтацию двух мировых систем, именно в это время были налажены более тесные связи с различными странами. Н. С. Хрущёв с большой охотой ездил с визитами в другие страны, ведя переговоры с их руководителями о совместной деятельности.

Партия уделяла пристальное внимание молодёжной политике. В эпоху хрущёвской «оттепели» роль молодого поколения признавалась важнейшей при переходе советского государства от социалистического общества в коммунистическое. Резолюция XX съезда КПСС о возможности мирного сосуществования государств с различным социальным строем была направлена в первую очередь на завершение «холодной войны». Н. С. Хрущёв стремился перевести военно-политическую конфронтацию в русло мирной экономической конкуренции. Лидер советского государства совершенно верно считал, что при нарастающей гонке вооружения, на которую тратились очень большие средства, будет сложно повысить жизненный уровень советских людей.

В решении этой задачи Всемирный фестиваль 1957 г. в Москве должен был сыграть немалую роль. Ни до, ни после революции такого крупномасштабного события в нашей стране ещё не было. Партийному и государственному руководству очень важно было показать дружественные намерения советских людей, но такого праздника дружбы оно не ожидало.

Подготовка к фестивалю

Такое грандиозное событие предвляла, прежде всего, тщательная подготовка. В главной комсомольской газете страны утверждалось: «...Молодежь много сде-

лала и делает, чтобы обеспечить успех Московского фестиваля...»¹. Для того, чтобы подготовить жилые помещения для делегатов фестиваля, на стройки Москвы были направлены 15 тыс. молодых москвичей [3, с. 332]. Центральный комитет ВЛКСМ, чтобы успешно подготовиться к такому важному событию, объявил проведение Всесоюзного фестиваля советской молодёжи, который должен был начаться в сентябре 1956 г. Необходимо было показать зарубежным гостям не только высочайшую организацию фестиваля, но и искреннее желание советских людей мирных отношений между народами². По всей стране шла подготовка к Всемирному фестивалю, в котором принимали участие десятки тысяч человек. Необходимо было показать свои лучшие качества на городских, районных, областных, республиканских фестивалях, чтобы заслужить право получить путевку на Всемирный фестиваль в Москве. По воспоминаниям современников, на этапе подготовки к фестивалю советские люди, в первую очередь, молодёжь, соревновались во всём – в труде, учёбе, умении говорить на иностранных языках, в пении и танцах, знании Москвы [7, с. 42–43]. Московский фестиваль убедил советский комсомол внести изменения в систему взаимодействия с советской молодёжью. Организация и проведение фестиваля в Москве рассматривались партией как задача первоочередной важности, как возможность показать все преимущества социализма в СССР. За успех фестиваля отвечал ЦК ВЛКСМ, первым секретарём которого в те годы был А. Н. Шелепин. Руководство ВЛКСМ ещё в октябре 1955 г. сформировало Советский подготовительный комитет, который включал в свой состав представителей ЦК ВЛКСМ, Московско-

го горкома комсомола, Министерства культуры СССР и других государственных организаций. Это свидетельствовало о том повышенном общественно-политическом значении, которое придавали фестивалю в СССР. Руководители советского государства этого и не скрывали, так как, заявив об отказе от прежних методов управления, они во что бы то ни стало стремились продемонстрировать всему миру гостеприимность и доброжелательность: «Надо принять гостей так, чтобы они, возвратясь из СССР, остались бы навечно нашими лучшими друзьями и рассказывали бы у себя правду о нашей великой и прекрасной стране, о нашем замечательном и мирном народе»³.

Фестиваль становился по отношению к молодёжи средством политики, с помощью которого она привлекалась к обсуждению важнейших общемировых проблем. Московский Всемирный фестиваль молодёжи и студентов задумывался как «грандиозная манифестация за мир и дружбу»⁴. Советскому государству необходимо было показать всему миру свои свершения и результаты строительства социализма, научные и культурные достижения, социальные завоевания советских граждан.

Потребовалась серьёзная модернизация существовавших в сталинский период «технологий гостеприимства» с целью их переориентации от штучной эксклюзивной работы с небольшими группами туристов из-за рубежа к обслуживанию массового потока иностранных гостей. Информационное освещение этого события осуществляло свыше 2 тыс. журналистов, 743 из которых представляли зарубежные страны [10, с. 23]. Для реализации поставленных задач максимально использовались возможности не только

¹ Навстречу празднику // Комсомольская правда. 1957. 12 мая.

² Деятельно готовиться к Всесоюзному фестивалю советской молодёжи // Комсомольская правда. 1956. 7 февраля.

³ Активнее готовиться к Всемирному фестивалю молодёжи: письмо из Москвы // Комсомольское знамя. 1957. 30 января.

⁴ Шелепин А. Н. Событие большой международной важности // Праздник мира и дружбы. Сборник материалов о VI Всемирном фестивале молодёжи и студентов. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 5.

государственно-партийного аппарата, но и всех существующих общественных организаций: профсоюзов, комсомола, обществ дружбы, творческих союзов, спортивных обществ и др. Координацию всех этих общественных организаций осуществлял Советский подготовительный комитет (СПК) Фестиваля. В первую очередь фестиваль стал демонстрационной площадкой, своеобразной «витриной достижений» Советского Союза в различных сферах. Заранее продумывалась программа посещений гостями фестиваля различных объектов (государственных учреждений, промышленных предприятий, учебных заведений, школ, домов пионеров, детских домов, больниц, поликлиник, клубов, дворцов и домов культуры, библиотек, передовых колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций Московской области), готовились соответствующие информационные материалы. Всего для гостей фестиваля было проведено свыше 2 тыс. различных экскурсий по Москве и Подмосковию [2, с. 108]. Советские пропагандисты подчеркивали, что Фестиваль должен стать не только «Международным смотром достижений», но и «дружеским соревнованием молодёжи разных стран» [9, с. 45].

Атмосфера Московского фестиваля

Программа фестиваля включала в себя целый ряд массовых зрелищных мероприятий, каждое из которых освещалось прессой с гипертрофированным вниманием. В Москву приехали 34 тысячи делегатов из 131 страны мира. Торжественная встреча участников фестиваля в Москве состоялась 28 июля 1957 г. Около 3,5 млн. советских граждан вышли на улицы города по маршруту следования автоколонн, перевозивших «посланцев юности мира» [10, с. 27]. Помимо церемонии открытия, проходившей на Центральном стадионе им. В. И. Ленина, была массовая манифестация за мир и дружбу на Манежной площади. В ходе фестиваля состоялись сотни официальных встреч

между национальными делегациями. Также проводились встречи по профессиям, встречи между представителями отдельных молодёжных организаций, встречи по интересам, встречи по профессиональному признаку, встречи солидарности с молодёжью стран-колоний. Параллельно основной программе фестиваля была предусмотрена насыщенная программа для студентов. Студенты на фестивале распространяли идеи интернациональности, поддерживали свободу и суверенитет народов бывших колоний. Всемирный фестиваль в Москве укреплял репутацию советского государства, которое стремилось к культурному диалогу с западными государствами, показав искренность и демократизм хрущёвской «оттепели». Москва качественно подготовилась к встрече делегаций со всего Земного шара. Содержательная и многосторонняя программа фестиваля охватывала огромное количество политических и культурных мероприятий: дискуссии с именитыми людьми, литературные и музыкальные встречи, художественные выставки, джазовые концерты и т.п. Самыми модными и труднодоступными на фестивале были джазовые концерты. Вокруг них был особый ажиотаж, подогреваемый властями, которые пытались как-то засекретить всё, что было с этим связано [4, с. 109]. Каноны соцреализма, господствовавшие в Советском Союзе, не позволили бы организовать выставку абстракционизма в парке Горького с участием знаменитого Дж. Поллока (лидера американских экспрессионистов). Однако в рамках фестиваля она прошла. Были продемонстрированы фильмы, которые до фестиваля никаким образом не были бы допущены к широкому просмотру. Все советские вольнодумцы, все знатоки джаза и современного искусства, модники и полиглоты ведут своё происхождение с лета 1957 г.

Фестиваль сыграл огромную роль в оживлении культурной жизни советской молодёжи. Летом 1957 г. москвичи испы-

тали настоящий культурный шок. Такого количества иностранцев Москва никогда ещё не принимала. Для большего удобства гостям фестиваля разрешили свободное посещение московского Кремля и парка Горького. Невзирая на идеологическую основу Всемирного фестиваля, сторонники различных культур и политических взглядов совершенно свободно общались и дискутировали. Безусловно, многие советские граждане и гости фестиваля желали продолжить общение в неформальной обстановке, в то время как власти, наоборот, стремились минимизировать или взять под свой контроль такие контакты. Поздним вечером гости столицы и москвичи концентрировались в центре Москвы. Непроизвольно во время фестиваля происходило духовное раскрепощение молодого поколения, которое безбоязненно дискутировало со сверстниками из зарубежных стран, получая бесценный опыт свободного общения и отстаивания своего мнения при полной беспомощности властей предотвратить общение иностранцев с советской молодёжью [1, с. 244].

Популярный советский журнал «Огонёк» отмечал: «...Большой и свободный разговор идёт сегодня на фестивале. И вот этот-то откровенный дружеский обмен мнениями привёл в растерянность некоторых буржуазных журналистов, приехавших на фестиваль. Их газеты, видимо, требуют «железного занавеса», скандалов, «коммунистической пропаганды». А на улицах ничего этого нет. На фестивале танцы, пение, смех и большой серьёзный разговор. Разговор, нужный людям»¹.

В воспоминаниях участника фестиваля, джазмена А. С. Козлова можно прочесть: «То были первые уроки демократии, первый опыт избавления от страха, первые, абсолютно новые переживания неподконтрольного общества» [4, с. 106]. Другой современник фестиваля считал,

что «результатом московского фестиваля явилась не победа «сил мира и социализма», а взаимное знакомство свободного Запада и освобождающейся от пут сталинизма советской Евразии» [8, с. 283].

Достижения фестиваля

Художественная практика, приобретенная в фестивальное время, внесла новшества в культурную жизнь страны. Джаз после фестиваля в Москве приобрёл необыкновенную популярность среди советской молодёжи. Ряд коллективов (как советских, так и зарубежных) получили всесоюзное признание. Одним из результатов московского фестиваля стала возможность подписаться на журналы и газеты государств Восточной Европы, в которых можно было подчеркнуть информацию не только о жизни в странах социалистического лагеря, но и в Америке и Европе. Под воздействием книг ранее недоступных зарубежных писателей формировалось мировоззрение целого поколения. Произведения Э. Хемингуэя и Э.-М. Ремарка становятся культовыми для молодежи СССР [5, с. 265].

Но самым важным достижением советского молодёжного курса в области культуры стало то, что фестиваль в Москве пробил первые бреши в «железном занавесе». Со всех концов нашей необъятной страны приехали тысячи юношей и девушек, мечтавших встретиться с участниками фестиваля. Колумбийский писатель Г. Маркес с восхищением описывал, как молодёжь Советского Союза с ликованием приветствовала сверстников с разных континентов, забрасывая их цветами, открытками, значками, стремясь дотронуться до иностранных гостей фестиваля. Он и другие делегаты прямо на улице вступали в беседы с прохожими и задавали им самые разные вопросы. Главными препятствиями в таком свободном общении являлись языковой барьер и определённая самоцензура советских собеседников... «фестиваль стал спектаклем для советского народа, в течение 40

¹ Боровик Г. В. Большой разговор // Огонёк. 1957. № 33. С. 9.

лет оторванного от всего света» [6, с. 85]. Весь город был превращен в гигантское театральное-выставочное пространство. Мероприятия фестиваля создавали неповторимую атмосферу. По воспоминаниям свидетелей этого праздника, никогда – ни до, ни после, в Советском Союзе не было такой общности, дружелюбности, монолитности, сплоченности молодёжи, как это было в дни московского Всемирного фестиваля 1957 г., который до сих пор считается уникальным явлением в истории СССР периода «холодной войны».

В ходе подготовки к фестивалю в Москве были построены новые магистрали и гостиницы, благоустроены парки, возведен спортивный комплекс в «Лужниках» – Центральный стадион имени В. И. Ленина. В дальнейшем в СССР проводились и более масштабные мероприятия с участием иностранных гостей, однако именно фестиваль молодежи и студентов стал первым и самым важным, запустившим процесс постепенного открытия СССР остальному миру.

Фестиваль в Москве считается одним из символов десталинизации, либерализации, активизации международных контактов СССР эпохи «оттепели». Фестиваль рассматривался советской стороной как новая форма расширения своего международного культурного влияния. Советское руководство, пригласив в Москву Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, добилось большего, чем средствами дипломатии, правильно рассчитав, что гости фестиваля правдиво расскажут о достижениях советского государства, о доброжелательности и миролюбии его граждан. Никакие последующие обострения политических отношений между Востоком и Западом, их идейные разногласия так и не смогли полностью искоренить память о той атмосфере дружбы, единения и согласия, которая царил на фестивале. Лозунг фестиваля – « За мир и дружбу» стал идейной основой для большинства молодёжных движений 1960 – 1970 гг. как на Западе, так и в СССР. Под

их натиском шатались буржуазные устои, рушились твердыни колониализма и расизма, утверждались идеалы коммунизма и социализма. Советскому Союзу очень важно было привлечь к себе сердца молодых в других странах, поэтому во время проведения Всемирного фестиваля в Москве «железный занавес» был распахнут для демонстрации советского образа жизни. Наша страна впервые широко открыла себя миру, а мир открывал для себя нашу страну. В этом и состоит политическое значение фестиваля. Всемирный фестиваль молодёжи и студентов ломал стереотипы «холодной войны» во взглядах на Советский Союз и готовил почву для последующей разрядки отношений между СССР и Западом.

В то же время стремление Советского Союза занять лидирующие позиции в мире обязывало его отказаться от изоляционистской внешней политики и всемерно расширять взаимовыгодные связи с другими государствами. Всемирный фестиваль позволил создать привлекательный образ Советского Союза не только для молодёжи высокоразвитых государств, но и для представителей стран Движения Неприсоединения. Успехи Советского Союза в экономике и особенно в социальной сфере имели большой пропагандистский эффект и использовались как бесспорные доказательства преимуществ социализма. После фестиваля африканское направление становится одним из важнейших в советской внешней политике, так как создавался новый плацдарм для распространения идей социализма и влияния на умы молодёжи. Московский фестиваль способствовал началу широкомасштабных отношений с африканскими странами. В результате были созданы такие учебные и научно-исследовательские учреждения, как Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы и Институт Африки АН СССР. Ставка Советского Союза на молодёжь Африки в целом оказалась правильной, так как в африканских странах на повест-

ке дня стоял вопрос о выборе пути исторического развития.

В целом результаты происходившего культурного диалога были, по всей видимости, позитивно оценены руководством СССР. Благодаря фестивалю в Советском Союзе сложилась устойчивая схема организации и проведения крупных международных мероприятий, которая продолжала использоваться на протяжении нескольких последующих десятилетий. Так, все упомянутые выше цели преследовались и реализовывались теми же способами в ходе подготовки и проведения Олимпиады-80. Фестиваль 1957 г. стал не только первым событием мирового масштаба в СССР в западном понимании этого слова, но и стал примером того, как такого рода мероприятия использовались советским руководством в качестве инструмента культурной дипломатии. Московский фестиваль показал, что Советский Союз готов начать цивилизованный диалог с западными государствами, продемонстрировав открытость и искренность своей государственной политики.

Но самый важный результат московского фестиваля – это открытие «железного занавеса» и дальнейшее наступление «оттепели» во всех сферах жизни советского общества. Знакомство и общение со сверстниками из других стран обогатило духовный мир молодых граждан Советского Союза и сделало их внутренне более свободными. У них начинают меняться представления о жизни, взгляды на культуру поведения, современную моду и т. д. Временное смягчение идеологических установок партийного руководства СССР дало молодому советскому поколению возможность составить собственную точку зрения по важнейшим внутренним и мировым проблемам и отстаивать её в ходе обсуждений и дебатов.

Фестиваль показал, что некоторые идеологические постулаты необходимо менять, так как они наполнены догматическими штампами, препятствующими

знакомству советской молодежи с достижениями современной зарубежной культуры. И надо отдать должное тем партийным и государственным деятелям, которые, осознав пагубность культурной изоляции СССР, выступили за налаживание культурного диалога и сотрудничества с другими странами.

Стоявший во главе советского государства Н. С. Хрущёв стремился к установлению взаимопонимания между государствами с различным общественным строем и завершению «холодной войны». Тем же целям служили и всемирные фестивали молодежи и студентов, выражая мнение вступающего в самостоятельную жизнь поколения планеты по самым животрепещущим мировым проблемам и, в первую очередь, по проблеме войны и мира.

Заключение

Всемирные фестивали молодежи и студентов были порождением своей эпохи. В годы после Второй мировой войны они предоставляли молодёжи возможность непосредственного общения, несмотря на различия в мировоззрении и государственные рубежи. Фестивали давали молодым людям чувство сопричастности к мировым проблемам, осознание важности борьбы за сохранение мира, веру в возможность решать международные проблемы не только путём переговоров между государствами, но и «народной дипломатией». Фестивали показали, что молодёжь может влиять на принятие политические решений, что она может напрямую обращаться к общественным организациям других государств без участия своих правительств. В ходе живого и непосредственного общения к молодым людям из разных стран приходит осознание того, что у них больше общего, чем различий, что вместе они представляют огромную силу и что ответственность за судьбу человечества лежит также и на них.

Советской молодёжи Московский фестиваль, кроме всего прочего, дал воз-

возможность познакомиться с другой идеологией, с другим мировосприятием, с другими ценностями и традициями, что не только расширило её представления об окружающем мире, но и стимулировало к самостоятельным духовным и творческим исканиям.

Всемирный фестиваль в Москве стал одним из символов хрущёвской «оттепели». Воздействие фестиваля 1957 г. на со-

ветскую действительность было огромным. Фестиваль изменил образ жизни миллионов советских людей. Смело можно сказать, что после этого фестиваля страна стала другой: более открытой миру и интегрированной в него, а социальный климат в стране стал значительно теплее.

Статья поступила в редакцию 26.11.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Ю. В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 488 с.
2. Гранд Н. Н., Ткаченко В. Г. Фестивальные встречи. Калинин: Книжное издательство, 1958. 112 с.
3. История Москвы. Т. 4. М.: Мосгорархив, 1997. 544 с.
4. Козлов А. С. «Козёл на саксе». И так всю жизнь. М.: Вагриус, 1998. 448 с.
5. Лебина Н. Б., Чистяков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущёвского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003, 343 с.
6. Маркес Г. Г. СССР: 22400000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Юность. 1988. № 4. С. 82–85.
7. Молодёжь, мир, фестиваль. М.: Московский рабочий, 1985. 287 с.
8. Пыжиков А. В. Хрущёвская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
9. Шевченко В. Г. Материалы к лекции на тему «Московский фестиваль за мир и дружбу». М. 1957. 45 с.
10. VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. М.: Молодая гвардия. 1958. 128 с.

REFERENCES

1. Aksyutin Yu. V. *Khrushchevskaya «otpepel'» i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev "thaw" and public moods in the Soviet Union in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 488 p.
2. Grand N. N. Tkachenko V. G. *Festival'nye vstrechi* [Festival meetings]. Kalinin, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958. 112 p.
3. *Istoriya Moskvy* [History of Moscow]. Vol. 4. Moscow, Mosgorarkhiv Publ., 1997. 544 p.
4. Kozlov A. S. «Kozel na sakse». *I tak vsyu zhizn'* [«Kozel na sakse». And so all my life]. Moscow, Vagrius Publ., 1998. 448 p.
5. Leбина N. B. Chistyakov A. N. *Obyvatel' i reformy. Kartiny povsednevnoi zhizni gorozhan v gody nepa i khrushchevskogo desyatiletia* [Common man and reforms. Pictures of everyday life of citizens in the years of the NEP and the Khrushchev decade]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 343 p.
6. Marquez G. G. [Soviet Union: 22400000 square kilometers without a single coca-Cola advertisement]. In: *Yunost'* [Youth], 1988, no. 4, pp. 82–85.
7. *Molodezh', mir, festival'* [Youth, world, festival]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1985. 287 p.
8. Pyzhikov A. V. *Khrushchevskaya «otpepel'»* [Khrushchev "thaw"]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 511 p.
9. Shevchenko V. G. *Materialy k lektzii na temu «Moskovskii festival' za mir i druzhbu»* [Materials for a lecture on the topic "Moscow Festival for Peace and Friendship"]. Moscow, [B. I.] 1957. 45 p.
10. *VI Vsemirnyi festival' molodezhi i studentov. Sbornik materialov* [VI World Festival of Youth and Students. Collection of materials]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1958. 128 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Historical Sciences and Archive Studying, Moscow Linguistic State University;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Фестиваль молодёжи в 1957 г. изменил СССР: первый прорыв «железного занавеса» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 87–97.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-87-97

FOR CITATION

Gorlov V. N. The 1957 Moscow Youth Festival has changed the Soviet Union: The first breakthrough of the Iron Curtain. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 87–97.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-87-97

УДК 94 (470) «19»

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-98-114

ВОПРОС О ВИЗАХ ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ И АМЕРИКАНСКОГО ЭКЗАРХАТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА КОНЦА 1940-Х НАЧАЛА 1960-х гг.

Доля Е. В.¹, Телицын В. Л.²

¹ *Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская ул., д. 6, Российская Федерация*

² *Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить особенности получения виз для руководства Американского экзархата Русской Православной Церкви как международной проблемы.

Процедура и методы. Анализ документальных материалов государственных и общественных организаций, раскрывающий рассматриваемые события, происходившие в СССР и США в условиях «холодной войны». Работа выполнена на основе принципа историзма с использованием системного метода исследования, что позволило произвести глубокий научный анализ рассматриваемой проблемы.

Результаты. Продемонстрирована важная роль политики РПЦ, как одного из ключевых институтов внешнеполитических взаимоотношений между мировыми державами; показаны особенности выработки консенсуса по сложнейшим вопросам международной жизни.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введён в оборот новый научный материал, который может быть положен в основу спецкурсов по истории Русской православной церкви и по истории отечественных государственных и общественных организаций.

Ключевые слова: Американский экзархат Русской Православной Церкви, представители Московской Патриархии, Министерство иностранных дел СССР, Государственный департамент США, конец 1940-х – начало 1960-х гг.

THE ISSUE OF OBTAINING VISAS FOR THE REPRESENTATIVES OF THE MOSCOW PATRIARCHATE AND THE EXARCHATE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS AN INTERNATIONAL PROBLEM IN THE LATE 1940S AND EARLY 1960S

E. Dolya¹, V. Telitsyn²

¹ *Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya ul., Moscow 125993, Russian Federation*

² *Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
32a Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russian Federation*

Abstract

Aim. To investigate the process of obtaining visas for the leaders of the American Exarchate of the Russian Orthodox Church (ROC) as an international problem

Methodology. The research involved an analysis of documentary materials of state and public organizations describing the events that took place in the USSR and the USA during the Cold War. The work was based on the principles of historicism using the method of systematic research, which allowed a deep scientific analysis of the problem under consideration.

Results. The article demonstrates the important role of the policy conducted by the ROC as one of the key institutions of foreign policy relations between the world powers. Specific features of reaching the consensus on the most complex issues of international life were shown.

Research implications. The article introduces new scientific data, which can be used as a basis for special courses on the history of the ROC, the Russian state and public organizations.

Keywords: American Exarchate of the Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate representatives, USSR Ministry of Foreign Affairs, United States Department of State, late 1940s – early 1960s

Введение

История международных отношений всегда оставалась в центре внимания исследователей, поскольку изучение и обобщение дипломатического опыта позволяет избежать ошибок во внешней политике, во взаимоотношениях между различными государствами и предотвращать возможные политические и социальные конфликты.

Предметом статьи являются дипломатические отношения между СССР и США по вопросу деятельности и пребывания на территории этих стран представителей различных религиозных конфессий в условиях «холодной войны».

Цель работы состоит в обосновании и анализе особенностей дипломатического процесса получения виз для представителей американского экзархата Русской Православной Церкви (советских граждан) как международной проблемы.

Для её достижения необходимо 1) рассмотреть особенности и важность вопроса о предоставлении въездных виз представителям Американского экзархата Русской Православной Церкви в США и представителям римско-католической церкви США в СССР; 2) проанализировать основные тенденции деятельности МИД СССР и Госдепартамента США при решении данного вопроса.

Исследование поставленных задач осуществлялось в соответствии с принципом историзма и на основе использования системного метода исследования, что позволило произвести глубокий на-

учный анализ рассматриваемой проблемы в целом.

К истории Американского экзархата Русской Православной Церкви исследователи – как отечественные, так и зарубежные – обращались неоднократно, в частности, рассматривались такие аспекты, как особенности социально-политической ситуации и специфика судебного разбирательства по вопросу принадлежности Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке, жизни и деятельности экзархов и др.. Авторы исследовательских работ акцентировали своё внимание на важности деятельности экзархата РПЦ в США и истории его противостояния с Американской митрополией, роль внешнеполитических ведомств двух стран в разрешении этого противостояния [1; 2; 3; 4; 5]. Эти и другие исследовательские аспекты свидетельствовали, по мнению авторов научных работ, о том, что история русского православия в США важна для понимания не только общественного развития, но для изучения международных отношений между двумя мировыми лидерами.

Однако проблема визовых споров и противостояния в связи с необходимостью пребывания в США представителей РПЦ по делам Американского экзархата ещё ни разу не становились предметом изучения. Имеющийся в нашем распоряжении архивный материал даёт возможность ликвидировать эту лауну. Данный вопрос актуален и сегодня, поскольку представляет собой наглядный пример

решения сложнейших межгосударственных проблем – не только на уровне церкви, но и государства в целом.

Въездные визы как внешнеполитическая проблема

К концу 1940-х гг. в Американском экзархате Московской Патриархии сложилась сложная ситуация: руководство Американской митрополии отметало все попытки Московской Патриархии (МП) восстановить каноническую связь. Все попытки, предпринимавшиеся Патриархией с 1945 г. по 1947 г., с треском провалились. Руководство Американского экзархата, по мнению госструктур Москвы, было не способно разрешить все нарастающие проблемы и показывало себя малоэффективным. Ситуация обострялась тем, что в рядах Американского экзархата не было яркого человека с организаторскими способностями, который бы не только смог исправить положение дел, но и которым можно было бы легко руководить из-за океана. Информация, поступающая из США, говорила об опасности развала Экзархата и перехода значительной части патриарших приходов под юрисдикцию враждебных к Русской Церкви структур. Все это побудило Патриархию в срочном порядке предпринять меры. И тогда встал вопрос о командировке в США архиерея из Советского Союза.

Попытки получить въездные американские визы предпринимались советской стороной, начиная с конца 1948 – начала 1949 г. (когда Советом были предложены две кандидатуры на пост экзарха и его секретаря: епископа Одесского и Херсонского Никона (Петина) и протоиерея М.В. Зернова (как секретаря)).

Совет Министров СССР дал своё согласие Московской Патриархии (от 16.1.1949 г.) на посылку в США на постоянную работу «епископа Ворошиловградского Никона и протоиерея Зернова»¹.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 591. Л. 274.

Уже тогда, в 1949 г. представитель американского экзархата МП архиепископ Адам (Филипповский) обращался к влиятельному и благосклонно относящемуся к РПЦ сенатору Лукасу с просьбой оказать помощь в получении визы (и получил ответ, что Госдеп был готов содействовать в этом).

Но тогда же возникает вопрос о предоставлении визы американскому священнику Дж. Брассарду, который должен был сменить своего предшественника, работавшего до этого в Москве (священника Лабержа). Как оказалось, пока Лаберж был в отпуске в США, у него была аннулирована въездная виза в СССР².

Ещё в конце 1948 г. МИД СССР обращался в Совет по делам религиозных культов о желательной замене Лабержа. Совет относился отрицательно т.к. считалось, что Брассард будет представлять т.н. «апостольского администратора», т.е. неофициального представителя Ватикана для управления делами римско-католической церкви в СССР, при отсутствии официальных отношений Советского Союза с Ватиканом³.

Совет также считал, что, занимая высокое положение в римско-католической церкви, новый представитель, обладая финансовыми возможностями, мог бы подчинить себе всё католическое духовенство Советского Союза⁴.

Совет выразил намерение привлечь к служению в костёл советского гражданина (кроме того, планировалось удалить из Москвы и второго священника – Т. Камилла). Предлагалось «тянуть» дело с выдачей виз Лабержу или Брассарду до назначения пастора из советских граждан. МИД СССР не возражал против такой постановки вопроса⁵. К своей позиции Совет добавлял, что дело надо повернуть так, как будто прихожане костёла сами

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0129. Оп. 33. П. 220. Д. 44. Л. 12.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 33. П. 220. Д. 44. Л. 16.

пригласили священника, а соответствующие службы только поддержали выдвинутую инициативу¹.

Решение вопроса о новой кандидатуре для служения в Москве намечалось на конец марта 1949 г.

Эти вопросы обсуждались ещё в 1947 г., когда впервые не были выданы въездные визы архиепископам католической церкви, действующей в Москве. Но тогда вопрос удалось решить благодаря личной просьбе государственного секретаря США к министру иностранных дел СССР.

В 1949 г. американская сторона приняла действие по известному сценарию – через госсекретаря.

В мае 1949 г. состоялась встреча посла СССР в США А. С. Панюшкина с и.о. Госсекретаря Э. Уэббом, в ходе которой был затронут и вопрос о католическом священнике, причём особо подчёркивалось, что сотрудники посольства США в Москве остались без священника, а в соответствии с соглашением между США и СССР от 1933 г. такие визы должны выдаваться без задержки².

Ещё раз этот вопрос был поднят в письме от 2.07.1949 г. временного поверенного в делах США Ф. Д. Коллера на имя заведующего Отделом США МИД СССР Ф. Т. Орехова. Однако в письме подчёркивалось, что Советское правительство вправе отказать в выдаче виз американцам, желающим поехать в Советский Союз, «по причинам, имеющим отношение непосредственно к этим лицам»³.

В докладной записке Ф. Т. Орехова на имя первого заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко (от 21.07.1949 г.) отмечалось, что советский гражданин уже приступил к службе в католической церкви на Малой Лубянке (кроме него, там служил французский священник)⁴.

На письмо Ф. Д. Коллера МИД СССР отвечал (август 1949 г.), что вопрос, поднятый американской стороной, не является прерогативой МИД, тем более что «прихожане указанной церкви уже пригласили другого священника»⁵. Но не уточнялось, что священнослужитель – советский гражданин. Таким образом, советская сторона, с одной стороны проявила завидную настойчивость в требованиях предоставления визы представителем МП, но отказала в визе католическому священнику из США, который должен был служить в Москве (в том числе и для сотрудников американского посольства), в католическом костёле на Малой Лубянке.

МИД всячески затягивал вопрос о выдаче визы новому (или продлении визы старому) пастору, несмотря на ссылки американской стороны на соглашение от 1933 г.

Налицо переплетение государственных и церковных дел: и в СССР, и в США. Американская сторона была столь же настойчива, как и советская.

Письмо от заместителя госсекретаря США Э. Уэбба от 28.10.1949 г. свидетельствовало, что рассмотрение проблемы поднялось на новый уровень⁶.

Советское посольство отвечало (от 5.11.1949 г.), что поднятый в ноте вопрос «относится исключительно к компетенции надлежаще зарегистрированной общины верующих данной церкви». Но в этом же письме советская сторона подчёркивала: если Брассард будет обслуживать *только* персонал посольства США, а не всю католическую общину Москвы, то возражений не будет⁷.

И вновь – и МИД СССР и посольство СССР в США – возвращались к вопросу о посланниках МП в США: епископе Никоне и протоиерее Михаиле Зернове. Из справки, составленной Советом (от 10.11.1949 г.) следовало: МИД СССР не

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Л. 59.

³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 33. П. 220. Д. 44. Л. 60.

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ Там же. Л. 75.

⁶ Там же. Л. 89.

⁷ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 33. П. 220. Д. 44. Л. 90.

имел ничего против указанных кандидатур. Впервые визы были запрошены ещё в феврале 1949 г., но «указанный запрос американцы оставили без ответа». Во время состоявшейся 19 апреля 1949 г. беседы Ф. Т. Орехова с Ф. Д. Коллером последний заявил, что решение о визах для епископа Никона и его секретаря будет зависеть от решения советской стороны по вопросу о визе для американского священника Брассарда. Совет «просил настаивать» на выдаче визы епископу Никону из-за тяжелого положения РПЦ в США¹.

12.11.1949 г. последовало обращение начальника Консульского управления МИД СССР А. П. Власова и заведующего Отделом США МИД СССР Ф. Т. Орехова на имя А. А. Громыко, в котором была представлена хронологическая канва событий, связанных с попытками получить визу для советских представителей МП и американских священников. Отмечалась взаимосвязь этих двух процессов. Но в нём не сообщалось, однако, что американскому священнику рекомендовалось служить *только* среди представителей посольства США в Москве. Вопрос о поиске и назначении пастора из числа советских граждан и намеренном затягивании вопроса о въездной визе для американского священника был также опущен².

В ноябре 1949 г. было подготовлено новое обращение МИД в посольство США в Москве с просьбой предоставить визы епископу Никону (Петину) и протоиерею Михаилу Зернову.³ В качестве причин отправки представителей РПЦ в США указывались «ненормальность обстановки, сложившейся в экзархате... и задачи немедленного организационного укрепления» последнего (из сообщения (от 17.11.1949 г.) Карпова Саксину (МИД СССР)⁴.

Г. Г. Карпов в переписке с сотрудниками МИД СССР также отмечал, что, несмотря на преклонный возраст руко-

дителя экзархата архиепископа Макария (Ильинского), увольнять его немедленно «будет тактически неверно», т.к. этим могут воспользоваться «враждебные силы»⁵. Т. е. предполагалось, что представители Патриархии посылаются не для замены руководства Экзархатом, а только ему в помощь.

Просьба советской стороны о предоставлении виз осталась без ответа, и уже 27.12.1949 г. МИД СССР попросил посольство США в Москве вернуть паспорта епископа Никона и протоиерея М. Зернова.

По сути, к концу 1949 г. сложилась патовая ситуация: американская сторона просила визу для католического священника, которого ждали в Москве, по крайней мере, сотрудники американского посольства (так как для службы в католическом храме Москвы был уже подобран «свой человек»). А советская сторона просила визы для епископа Никона и его секретаря, которых ждали в США для укрепления позиций МП в Американском экзархате. И никто не хотел уступать, каждая из сторон ставила своё решение в зависимость от решения визави⁶.

Поиск дипломатического компромисса

1950 г. ознаменовался новым «витком» дела «о визах».

Его начало положил доклад архиепископа Адама (Филипповского) на имя Патриарха Алексия от 26.01.1950 г., в котором в частности отмечалось, что представители американского экзархата «действуют во всю, причём ангажировав к делу видных и влиятельных лиц, членов Вашингтонского Конгресса»⁷.

По вопросу получения виз для Никона и Зернова велась переписка заместителя экзарха МП в США архиепископа Адама и члена Конгресса США В. Маркантонио с Госдепом США⁸. Но хлопоты в Вашинг-

¹ Там же. Л. 93.

² Там же. Л. 95.

³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 33. П. 220. Д. 44. Л. 97.

⁴ Там же. Л. 99.

⁵ Там же. Л. 99.

⁶ Там же. Л. 157, 158.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 741. Л. 12.

⁸ Там же. Д. 720. Л. 26.

тоне пришлось совмещать с хлопотами в самой Москве. К причинам поездки в США, кроме укрепления ситуации в экзархате, добавилось – для «активной борьбы с «раскольничьими» антисоветскими группами духовенства».

Как оказалось, кандидатура епископа Никона была отведена МП и Советом, что «заставило МП и Совет искать выхода из положения за счёт местных церковных кадров в США»¹ (Из доклада Г. Г. Карпова на имя А. А. Громыко от 23.05.1950 г.)

Видимо, на поиск новой кандидатуры ушли последующие полгода, т.к. только 11.12.1950 г. Совет обратился в Совмин СССР с просьбой отправить в США «временно на 3–4 месяца» митрополита Ленинградского Григория (дела, связанные с судом вокруг Собора) и на постоянную работу в качестве экзарха митрополита Елевферия (Воронцова Вениамина Александровича) и секретаря-переводчика А. Я. Попова².

Но к середине 1951 г. эти кандидатуры были «сняты с обсуждения в инстанции» и вопрос остался открытым³.

В марте 1952 г. Г. Г. Карпов, обращаясь в президиум Совмина СССР, отмечает, что Совет в 1950–1951 гг. трижды ставил вопрос о посылке в США из СССР духовного лица для укрепления американского экзархата, но «вопрос не получил положительного разрешения». А потому, пока этот вопрос не разрешён, Патриарх Алексей просит вызвать в СССР сроком на 1 месяц заместителя экзарха МП в США архиепископа Адама и протоиерея А.М. Присадского, как лиц наиболее осведомлённых о ситуации в экзархате – для выработки плана организационного укрепления экзархата. Вполне вероятно, что кандидатура Адама рассматривалась и на пост экзарха, но он был гражданином США, видимо, это и решило (со знаком «минус») дело⁴.

¹ Там же. Л. 90.

² Там же. Д. 845. Л. 23.

³ Там же. Л. 102.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 872. Л. 6.

Поездка Адама в Москву всё же состоялась летом 1952 г. Видимо, после бесед с Адамом и Присадским решение о выдвижении собственных кандидатур получило подтверждение: «архиепископ Адам (Филипповский), гражданин США, по своим деловым качествам не подходит на эту должность (экзарха. – Е. Д., В. Т.)»⁵. Бывший посол СССР в США А. С. Панюшкин также считал, что для укрепления экзархата руководить им должен экзарх из СССР.

Стоит, однако, отметить, что Адам предложил свой вариант разрешения ситуации с визами: в случае бесповоротного отказа американской стороны в визе, он попытается получить визу на въезд представителя МП из СССР в Канаду, из которой «сумеют организовать ему позже переезд в США»⁶.

В ноябре 1952 г. Г. Г. Карпов обращается в ЦК КПСС с предложением новой кандидатуры на пост экзарха МП в США – «архиепископа Бориса (Вик Бориса Ивановича), рождения 1906 г., и в качестве его секретаря гражданина Шишкина Александра Федоровича, рождения 1896 г.»⁷.

Г. Г. Карпов так объяснял выбор этих кандидатов: «архиепископ Борис занимает должность управляющего Берлинской епархией и и.о. экзарха Западно-Европейского экзархата, а Шишкин является его секретарем. Оба находятся в Германской Демократической Республике (г. Берлин) – первый с 1950 г. и второй с 1951 г.». То есть, у того и у другого был опыт общения с зарубежным сообществом.

Карпов также отмечал, что «для получения виз архиепископу Борису и Шишкину» необходимо «воспользоваться существующим взаимным соглашением от 16.11.1933 г. между СССР и США, по которому представители религиозных организаций этих стран получают визы как частные лица. На основании этого со-

⁵ Там же. Д. 873. Л. 257.

⁶ Там же. Д. 1005. Л. 86.

⁷ Там же. Д. 873. Л. 257.

глашения ряд священников США получил визы на въезд в СССР»¹. Ссылка на соглашение от 1933 г. – новая составляющая в позиции СССР.

Совет министров СССР дал своё согласие по этим кандидатурам². Но уже 31.07.1953 г. в адрес председателя Совмина СССР последовало очередное сообщение Г. Г. Карпова, в котором появляется новый кандидат на пост экзарха: МП, «чтобы не допустить полного развала Экзархата и для упорядочения церковной жизни в приходах, а также укрепления и усиления своего влияния в нужном направлении на церковную жизнь в США, предлагает срочно командировать в США архиепископа Краснодарского Гермогена (Кожина Василия Ивановича), рождения 1880 г., гражданина СССР. В 1950 г. он в составе церковной делегации ездил в Сирию и Ливан, где вёл себя с достоинством».

В качестве его сопровождающего МП была намерена командировать Шишкина Александра Федоровича, рождения 1897 г., гражданина СССР, работающего Управляющим делами Германской епархии в г. Берлине.

Совет согласился с мнением Посольства СССР в США о необходимости посылки представителя из Советского Союза и с предложением МП о командировании в США сроком на один год архиепископа Гермогена (Кожина В.) в сопровождении Шишкина А. Ф.³.

Гермоген командировался временно, сроком на один год, в качестве личного представителя патриарха Московского Алексия для оказания помощи врио экзарха Адаму. (А. Ф. Шишкину отводилась роль секретаря.)

Нет документов, объясняющих замену архиепископа Бориса (Вика) на архиепископа Гермогена (Кожина). Можно только предполагать, что Вика пришлось оставить в Берлине по чрезвычайной

причине (поскольку американское направление считалось тогда важнейшим для всей внешней политики РПЦ).

Полтора месяца спустя (8.09.1953 г.) Г. Г. Карпов направил на имя министра иностранных дел СССР послание, в котором повторял свою просьбу о необходимости командировки Кожина и Шишкина в США, подкрепляя свои слова рассуждениями о том, что «в течение 6 лет МП не имела возможности послать своих представителей в США и предотвратить распад экзархата, к которому он идёт. Распри между руководящими деятелями экзархата, забвение ими приходов и низового духовенства, отсутствие борьбы с врагами МП привели экзархат в состояние, требующее принятия кардинальных мер». Карпов также просил «поручить ответственным сотрудникам отдела США помочь Совету в подготовке Кожина В. И. и Шишкина А. Ф. к поездке дачей им практических советов, рекомендаций и информации об обстановке в стране и поведении в ней»⁴.

Визы архиепископ Гермоген и А. Ф. Шишкин получили, но только в середине февраля 1954 г. и сроком всего на 45 дней. В первом же своём докладе (от 26.2.1954) Гермоген сообщил, что для налаживания дел в экзархате требуется минимум полгода работы. В связи с чем Совет (по просьбе МП) стал ходатайствовать о продлении срока пребывания указанных лиц в США не менее чем на 4,5 месяца (из обращения зампреда Совета по делам РПЦ в адрес замминистра МИД от 8.3.1954 г.), учитывая также и то, что Гермоген выдвигался на пост экзарха и мог быть избран им на предстоящем 16.3. 1954 г. съезде духовенства⁵.

Вопрос о продлении визы был поднят и перед Госдепом США, но представитель последнего возразил против продления разрешения пребывания в стране, отмечая, что считает 1,5 месяца вполне достаточным сроком для урегулирования

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 873. Л. 257, 258, 259.

² Там же. Л. 260.

³ Там же. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1013. Л. 25.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1107. Л. 171.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1218. Л. 45.

всех дел¹. По сообщению советского посольства в США, сотрудник Госдепа обосновывал свой ответ отсылкой на мнение архиепископа Адама².

Действительно ли Адам так считал? Если – да, то, как его позицию можно объяснить? Боялся за своё место? Вёл собственную «игру»? Но, судя по телеграмме от 8.2.1954 на имя патриарха Алексия за подписью Адама, именно благодаря последнему визу удалось получить. Быть может, получение визы было обусловлено и оговорено таким коротким сроком? Быть может, Адам в разговоре с представителем Госдепа сознательно пошёл на констатацию факта о «достаточности времени»?

Действительно, съезд духовенства и мирян (март 1954 г.) избрал единогласно экзархом МП в США Гермогена³. Однако вопрос о продлении визы оставался открытым. Лишь 1.04.1954 г. стало известно, что Госдеп продлил срок пребывания Гермогена и Шишкина в США ещё на 45 дней. При этом было отмечено, что «продление является последним и что больше данный вопрос Госдепом рассматриваться не будет»⁴.

Позицию Госдепа учли и в Совете по делам РПЦ, а потому рекомендовали ориентироваться на 20 мая, как день отъезда из США, а также не тратить финансы на адвокатов, с помощью которых Гермоген всё же рассчитывал ещё раз продлить срок своего пребывания в стране⁵.

Но прав оказался архиепископ Гермоген, несмотря на жесткую позицию Госдепа, визу удалось продлить ещё на 30 дней. Таким образом, Гермоген и его секретарь провели в США 4 месяца.

В этой связи интерес представляет составленная сотрудником Совета В. Карповичем «Памятка по экзархату Московской Патриархии в США» от 27.4.1954 г., в

которой в частности отмечалось: «20 мая кончается срок пребывания в США архиепископа Гермогена и А. Ф. Шишкина. В связи с этим до отъезда Гермогена необходимо: Просить посольство попытаться продлить визу для Гермогена. Это следует сделать хотя бы для формы (проформы. – Е.Д., В.Т.), учитывая устное заявление Госдепартамента об отказе рассматривать дальнейшие ходатайства. Если всё же посольство сочтёт неудобным это делать, то может быть Гермогену следует самому подать соответствующую просьбу в Госдепартамент, чтобы иметь, по крайней мере, формальный отказ. Это может пригодиться в дальнейшем. Параллельно с этим просить посольство поручить Гермогену заручиться ходатайством перед Госдепартаментом о продлении ему виз со стороны Экзаршего совета, приходов, влиятельных мирян. Может быть, было бы правильным просить ходатайства архиепископа Михаила, что позволило бы видеть его отношение. Неплохо было бы обратиться к кому-либо из видных протестантских церковных деятелей.

Не лишне было бы Патриарху Алексию написать архиепископу Кентерберийскому, что его приглашение на Эванстонскую ассамблею и гарантия предоставления русской церкви возможности участия на ассамблее – оказалось преждевременными, американцы не дают возможности быть дальше 3-х месяцев экзарху, избранному съездом. Можно намекнуть, что патриарх имел намерение поручить архиепископу Гермогену быть наблюдателем на ассамблее. Если это предложение будет принято, с ним надо спешить...»⁶

Несмотря на все опасения и без дополнительных усилий со стороны руководства МИД СССР и РПЦ, виза была продлена до 19 июня 1954 г.⁷

Об этом архиепископ Гермоген сообщил патриарху Алексию телеграммой от 21.05.1954 г. Но в этой телеграмме экзарх просил «дать временную передышку с 19

¹ Там же. Л. 55.

² Там же.

³ Там же. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 91, 105.

⁵ Там же. Л. 108.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 149. Л. 227.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 149. Л. 54.

июня для лечения от высокого давления крови и диабета...»¹.

От местных (американских) кадров на пост американского экзарха МП отказались окончательно. Адам, который очень рассчитывал занять этот пост, особенно по результатам своей поездки в СССР, «повёл свою игру», как считали в СССР. Но, скорее всего, он просто был «неаккуратен» в словах в истории с продлением визы. В результате Адам был практически отстранён от руководства экзархатом.

Гермоген скончался 3 августа 1954 г. На его пост был назначен архиепископ Борис.

Вторая половина 1954 г. ушла на то, чтобы оформить визы для архиепископа Бориса и его секретаря А.Ф. Шишкина. Получив визы, они прибыли в США 31.12.1954 г., а 28.2.1955 г. покинули страну («в США оба вели себя достойно, и никаких замечаний со стороны посольства не было»)². Визу сначала дали на две недели, а потом продлили ещё на 45 дней. Во время пребывания в США архиепископ Борис был избран новым главой Американского экзархата.

В марте 1955 г. американская сторона отказалась продлить визу. В ответ МИД СССР информировал американское посольство о невозможности пребывания в Советском Союзе американского священника Биссонетта, который выехал в США (непонятно правда, закончилась у него виза, или её аннулировали). Госдеп США в свою очередь обратился к советской стороне с просьбой о выдаче визы католическому священнику Л. Ф. Диону³.

31.03.1955 г. Г. Г. Карпов докладывал в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и МИД СССР: «посольство СССР в США и Совет считают... вопрос о выдаче въездной визы американскому священнику следует решить в зависимости от получения визы на въезд в США архиепископа Бориса и его секретаря Шишкина»⁴.

¹ Там же. Л. 54.

² Там же. Оп. 1. Д. 1224. Л. 139.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1224. Л. 142-143.

⁴ Там же. Л. 143.

То есть, по сути, обе стороны вернулись к ситуации 1948–1949 гг.

Взаимные уступки как выход из кризиса

Американская сторона предложила свой вариант разрешения ситуации.

Из доклада клирика Экзархата архимандрита Досифея (Иванченко) на имя председателя ОВЦС МП митрополита Николая от 3.05.1955 г. следовало: «В связи с отказом Стейт-Департамента США в продолжении (так в тексте. – Е.Д., В.Т.) визы архиепископу Борису в американской прессе появилось несколько довольно решительных протестов от протестантского (епископального) духовенства. Был протест даже от одного католического священника. Из содержания ответа Стейт-Департамента можно усмотреть..., что Стейт-Департамент отказывает в выдаче виз на постоянное пребывание в США, но он не исключает возможности предоставлять временные визы для духовных лиц из СССР, приезжающих по церковным делам, посему можно надеяться, что ходатайство о новой временной визе для архиепископа Бориса не будет безрезультатным»⁵.

Вполне реалистичный выход из сложившегося положения. В то же время в советской печати никаких протестов не отмечалось. Архимандрит Досифей продолжал: «Мне удалось узнать из авторитетных источников, что нормальный путь для духовенства, прибывающего в США по церковным делам, при исходатайствовании виз или для их продления – это непосредственное ходатайство духовных особ, или представителей Патриархии. Так, например, о визах для греческого духовенства ходатайствует Константинопольский Патриарх, а не Турецкое Правительство. Продление визы митрополиту Гермогену дано было по его ходатайству (правда, через адвоката, но можно было бы и не прибегать к по-

⁵ Там же. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1326. Л. 12.

мощи последнего). Если бы и Владыка Борис после отказа Стейт-Департамента в постоянной визе непосредственно ходатайствовал о продлении его временной визы, то, возможно, это было бы не безуспешно. Мне кажется, что через посредство посольства, которое найдёт для этого подходящий момент, надо просить только постоянную визу... Думаю, что оправдала бы себя такая мера: Патриархия, кроме Экзарха, назначает и его Заместителя. Первый приезжает в США во временной визе, но ко времени истечения его визы прибывает его Заместитель, а ко времени отъезда его, снова прибывает Экзарх и т. д., так что Экзархат никогда не будет оставаться без епископа, связанного со Св. Патриархом»¹.

Таким образом, архиепископ Досифей предлагал довольно реалистичный путь получения виз: «непосредственное ходатайство духовных особ, или представителей Патриархии»². По этому пути шли представители других стран и иных религиозных конфессий.

Необходимо добавить к общей картине истории визового «противостояния» ответ Госдепартамента на запрос представителя патриарших приходов в США священника Давида Абрамцева: «Согласиться с представителем Советского посольства – это значило бы позволить советскому гражданину – священнику остаться на постоянное жительство в США для цели обслуживания духовных нужд американских граждан. Ни одно американское духовное лицо не занимало такого положения в Советском Союзе. Наоборот, о. Биссонет, американский римо-католический священник, проживавший в Москве на основе дипломатических отношений между США и СССР, не имел никакого отношения к советским гражданам.

После тщательного рассмотрения всех факторов, относящихся к этому делу, было решено, что не в национальных

интересах давать архиепископу Борису разрешение на постоянное пребывание в США. Но не было в этом решении намерения исключить возможность выдач временных виз советским духовным лицам, приезжающим в эту страну по легальным церковным делам»³ (имеются в виду официальные церковные делегации. – *Е.Д., В.Т.*)».

Советской стороне стоило было воспользоваться советом архиепископа Досифея и получить временные визы.

Позиция США ещё более чётко была прописана в ответной ноте посольства США от 27.6.1955 г. (на ноту МИД СССР от 8.3.1955 г.). В ней в частности подчеркивалось, что «по соглашению от 16 ноября 1933 г. оба государства обязались предоставить на территории своих стран гражданам другой стороны право на удовлетворение их духовных нужд священниками, пасторами, раввинами или иными духовными должностными лицами, являющимися гражданами другой стороны». В этой ноте акцентировалось внимание на том, что «правительство Союза Советских Социалистических Республик, оставляя за собой право отказа по персональным причинам в визах американцам, желающим отправиться в Союз Советских Социалистических Республик, не намеревается обосновывать подобные отказы тем, что подобные лица имеют духовное звание. Оговорка, сделанная Советским Союзом, не применима к данному случаю, поскольку отец Биссонетт был выдворен не вследствие того, что лично против него имелись возражения, а просто в качестве ответной меры на действия, предпринятые Правительством Соединенных Штатов в отношении архиепископа Бориса». В американской ноте особо подчеркивалось, что «В отличие от статуса архиепископа Бориса, отец Биссонетт проживал в Москве в соответствии с условиями официального соглашения между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Он обслужи-

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1326. Л. 13-14.

² Там же. Л. 15.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1326. Л. 16.

вал духовные нужды американцев и не общался с советскими гражданами римско-католической веры.

Правительство Соединенных Штатов готово в интересах взаимности предоставить советскому священнослужителю такие же возможности для въезда и религиозной деятельности, какие предоставлены американскому священнослужителю в Советском Союзе в соответствии с условиями соглашения от 16 ноября 1933 г.»¹

Конечно, большая часть ноты – дипломатическая витиеватость – малопонятна. Но очень чётко прописана позиция США в этом вопросе.

Советская сторона всерьёз отнеслась к посылу архиепископа Досифея и Госдепа о возможности получения временной визы (что следует из сообщения Г. Г. Карпова на имя А. А. Громыко от 5.7.1955 г.)². В октябре 1955 г. с просьбой о содействии в получении визы Г. Г. Карпов напрямую обращается к В. М. Молотову³. А 2.12.1955 г. последовала ответная нота МИД СССР в Посольство США в Москве, в которой указывалось на то, что представители МП за последние 10 лет совершали по делам экзархата лишь кратковременные поездки в США (1945 г., 1947 г., 1954 г.). Тогда как экзарх должен находиться там постоянно (а не по два-три месяца в году). Отмечалось также, что американскому католическому священнику виза выдавалась постоянная, а не временная, что не идущая на уступки американская сторона, естественно, подталкивает советскую сторону к аннулированию визы американскому священнику.

В этой же ноте заострялось внимание на эпизоде с выдачей в ноябре 1954 г. американской визы архиепископу Борису: «4 ноября 1954 г. посольство США в Москве выдало визы архиепископу Борису и его секретарю. Препровождая в Министерство иностранных дел СССР их

паспорта, посольство в ноте указало, что принятие ими виз будет рассматриваться правительством США как согласие советской стороны на то, что архиепископ Борис будет выполнять в США религиозные функции, сравнимые с теми, которые выполняет американский священник в СССР».

Из этого следовало, что для американской стороны был важен паритет в действиях. Советская сторона на это не шла: «...представитель Государственного Департамента высказался в том смысле, что американская сторона не может допустить, чтобы архиепископ Борис совершал богослужения для прихожан Русской Православной Церкви в Америке, являющихся гражданами США»⁴.

Но в СССР сложилась такая же ситуация: советская сторона не могла допустить, чтобы католический священник (американский гражданин) совершал богослужения для прихожан – советских граждан. Советская сторона изначально хотела показать, что статус представителей МП выше статуса американского священника, а американская сторона не желала с этим соглашаться, обозначая свою позицию: дело Бориса Вика и дело католического священника в Москве – два различных дела, две различных проблемы, каждая из которых требует отдельного рассмотрения и решения.

Буквально на следующий день после вручения ноты (3.12.1955 г.) на завтраке у посла США в Москве состоялся обмен мнениями между первым секретарем посольства США Гатри и заместителем заведующего Отделом стран Америки МИД СССР В. Базыкиным, из которого следовало, что имеется реальная возможность продлить визы архиепископу Борису и его секретарю (как оказалось, они не были аннулированы, так же как не была аннулирована виза католического священника Диона: визами было рекомендовано «воздержаться использовать»⁵).

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1326. Л. 27-31.

² Там же. Л. 53.

³ Там же. Л. 53.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1326. Л. 98-101.

⁵ Там же. Л. 102.

В ответ на советскую ноту от 2.12.1955 г. Посольство США в Москве ответило нотой от 10.12.1955 г., в которой отмечалось: «советскому архиепископу Борису *должна быть предоставлена привилегия въезда* в Соединенные Штаты на неограниченный срок пребывания для выполнения функций Экзарха Русской Православной Церкви в Америке *до того, как американскому католическому священнику отцу Диону будет разрешён въезд в Советский Союз* для принятия на себя скромных функций (выделено нами. – Е.Д., В.Т.).

«Достоин сожаления, – отмечалось в ноте, – что Советское правительство сочло уместным со времени выдворения отца Биссонетта в марте 1955 г. связывать эти два различных дела». В ноте также подчеркивалось, что «право американских священников на удовлетворение духовных нужд американских граждан в Советском Союзе основывается на условиях Соглашения от 16 ноября 1933 г. Следовательно, выдворение отца Биссонетта Советским правительством и его нынешнее отрицательное отношение к въезду отца Диона является явным нарушением соглашения». Отмечалось ещё то, что американский священник служил в собственной квартире, а не в храме, как экзарх МП. Была повторена позиция американской стороны: Правительство Соединенных Штатов не имело возражений против предоставления взаимности. «Правительство Соединенных Штатов не возражает против временных поездок в Соединенные Штаты советских духовных лиц с целью ведения законных церковных дел. Архиепископ Борис и его предшественник архиепископ Гермоген были допущены временно для этой цели, и в обоих случаях их визы были впоследствии продлены с тем, чтобы разрешить им более длительный срок пребывания в Соединенных Штатах, чем тот, на который они были первоначально допущены. Однако Государственный департамент по-прежнему полагает, что для архиепископа

Бориса, советского гражданина, являющегося высокопоставленным должностным лицом православной церкви в Советском Союзе, не является ни подходящим, ни желательным проживать постоянно в Соединенных Штатах в качестве главы одной из групп Русской Православной Церкви в Соединенных Штатах»¹.

23.12.1955 г. состоялась беседа сотрудника ОВЦС МП С. И. Филиппова с американскими дипломатами Дэвисом и Шором, на которой в частности поднимался вопрос о визах. Американская сторона в ходе беседы настаивала на необходимости разделить эти две проблемы, советская – на том, что «пусть американская проявит инициативу». Советская сторона в этом «противостоянии» была права в одном: «политическая сторона затмевает и мешает канонической стороне, мешает церковному делу. Это основной порок».

Американская сторона с этим полностью согласилась и вновь предлагала вариант временного пребывания экзарха в США. Советская сторона была настойчива в своих просьбах о постоянном присутствии экзарха в США, мотивируя свою позицию «критическим состоянием дел в Американском экзархате» (это утверждение проходит рефреном через все письма Совета по делам РПЦ практически во все инстанции)².

В декабре 1955 г., во время подготовки комплекта документов на получение новой американской визы было решено заменить А. Ф. Шишкина (как гражданское лицо) на протоиерея М. В. Славиницкого. Штатский человек – являясь секретарём экзарха – мог вызвать «неблагоприятное впечатление» как среди американских властей, так и среди верующих). Правда, кандидатуру Славиницкого поменяли на другую.

1956 г. начался с ноты МИД СССР (3.2.1956 г.) в ответ на ноту посольства США от 10.12.1955 г.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1326. Л. 106-108.

² Там же. Л. 114-117.

Исходная точка советской ноты: «Госдеп встал на позиции выдвижения всё новых условий... действия Госдепа представляли собой вмешательство во внутренние дела Русской Православной Церкви... Выдвигая новые условия, Госдеп «по существу потребовал изменения религиозных функций экзарха, хотя известно, что определение характера этих функций целиком относится к компетенции высшей церковной власти»¹. На самом деле это не обобщения Госдепа, это заключение, к которому пришёл МИД СССР. МИД СССР наконец то уяснил сам для себя (это видно из ноты), что постоянное проживание в США архиепископа Бориса «не является ни подходящим, ни желательным» в качестве руководителя одной из групп РПЦ, по причине того, что он не является гражданином США. Но в этой позиции Госдепа США советская сторона видела факт вмешательства в религиозную жизнь экзархата РПЦ в Америке. И вновь: советская сторона увязывала (в ноте) проблему разрешения въезда на территорию СССР католического пастора с проблемой о разрешении въезда на территорию США представителя РПЦ, подчеркивая, что урегулирование возможно только при таком подходе. Советская сторона подытоживала свою ноту декларацией: «Исходя из этого, Министерство предлагает, чтобы архиепископу Борису, его секретарю и американскому священнику Диону была дана возможность воспользоваться выданными им визами для выезда к местам их назначения, имея в виду, что вопрос о сроке их пребывания будет решён в дальнейшем на основе взаимности»².

Весной 1956 г. было отказано в получении виз двум представителям РПЦ – епископу М. Чубу и профессору Л. Парийскому, которые должны были выступить экспертами на судебном процессе по делу Свято-Николаевского кафедраль-

ного собора (считалось, что достаточно их показаний в письменном виде, данных под присягой).

В 1956 г. изучался вопрос о назначении экзархом в США главы парижской епархии МП (русский, апатрид), но эта кандидатура оказалась не подходящей³.

Обмен нотами продолжался весь 1957 г. Устав от бесплодных попыток получить визу, Руководитель Совета по делам РПЦ обратился в МИД СССР с предложением отправить архиепископа в Канаду, откуда он бы руководил американским экзархатом, учитывая возможность в дальнейшем перевода центра экзархата в Канаду. В связи с этим Совет по делам РПЦ запрашивал возможность получения канадской визы. Сотрудник МИД СССР сделал на обращении Карпова ряд интересных пометок, а также подготовил справку о положении дел в американском экзархате, согласно которым рассматривался вариант назначения американским экзархом Лондонского епископа МП (русский, но гражданин Франции). Считалось, что архиепископа Бориса стоило хотя бы на 1–2 месяца послать в Нью-Йорк для наведения порядка в экзархате, вина за отсутствие которого лежала и на нём самом, т.к. он «в период пребывания в США способствовал своими действиями возникновению среди духовенства экзархата различных группок и фракций, приведших к склокам и грызне». Именно поэтому Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и МП считали «необходимым, прежде чем назначить нового экзарха, использовать архиепископа Бориса, остающегося номинально экзархом Северной и Южной Америки, для наведения в экзархате элементарного организационного порядка (изгнать некоторых лиц, изменить состав Экзаршего совета, подобрать нового казначея и т. п.)»⁴

Остается необъяснимым, зачем же ещё раз посылать Бориса, который толь-

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1237. Л. 120; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0129. Оп. 40. П. 297. Д. 23. Л. 1.

² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 40. П. 297. Д. 23. Л. 22.

³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 40. П. 297. Д. 23. Л. 142.

⁴ Там же. Ф. 0129. Оп. 42. П. 309. Д. 21. Л. 5-7.

ко усугубил ситуацию? Где гарантии, что его новая поездка ещё больше не навредит делам экзархата? Вопрос о замене Бориса Вика поднимался, но на тот период не получил дальнейшего развития.

Вариант с Канадой отпадал по ряду причин: и потому, что управлять оттуда американским экзархатом не менее трудно, чем из СССР; и потому, что тех предоставляемых американской стороной 1–2 месяцев (как теперь считали в МИД) вполне хватило бы архиепископу Борису, чтобы исправить свои ошибки и навести элементарный порядок. «Канадский» вариант мог привести и к утрате доверия к МП в США, как к неспособной до конца отстаивать свои интересы. Представлялось важным сохранить центр экзархата в Нью-Йорке.

В справке, составленной сотрудником МИД СССР, подчеркивалось: «не исключено, что американцы попытаются связать вопрос о выдаче кратковременной визы архиепископу Борису с вопросом о въезде в СССР священника посольства США в Москве. Этого священника, так или иначе, придется допустить в Москву; задача заключается лишь в том, чтобы разрешить его приезд лишь после того (или одновременно), как госдепартамент выдаст визу новому экзарху, которого предполагается назначить в США (перевести из Лондона)».

В этой же справке отмечалось, что МИД СССР согласен «практиковать» 1,5–2 месячные поездки в США представителей РПЦ (то есть пришли к тому варианту, который предлагался американской стороной)¹.

Важна была и установка МИДа, данная (в сообщении от 2.7.1958 г.) в адрес Г. Г. Карпова: «экзархом в США можно было бы назначить, как это намечалось Советом, хорошо зарекомендовавшего себя церковника (не являющегося гражданином СССР) из западноевропейской епархии МП»².

Рассчитывала «сохранить лицо» и советская сторона. Заместитель министра иностранных дел В. В. Кузнецов отмечал (в адрес ЦК КПСС от 6.08.1958), что «...нынешняя позиция госдепартамента представляет собой существенный отход от позиции, занятой им в 1955 г.».

Это – не так, американская сторона и в 1955 г. предлагала разрешить кратковременные поездки представителей РПЦ в США. Но в этом же обращении в адрес ЦК КПСС отмечается, что «МИД СССР считает целесообразным сообщить посольству США, что американский священник будет допущен в Москву на правах сотрудника посольства, если архиепископу Борису будут разрешены ежегодные поездки в США на срок до 6 месяцев»³. Таким образом, советская сторона любыми путями пыталась получить разрешение на как можно больший срок пребывания в США.

Американские визы были получены, и 19.11.1958 г. архиепископ Борис в сопровождении священника Соколовского и игумена Александра (Лехно) вылетел в США. Визы были получены сроком на 90 дней, американская сторона, таким образом, пошла на очень серьёзную уступку⁴. А в конце декабря 1958 г. получил советскую визу пастор Дион⁵.

Вновь архиепископ Борис вылетел в США уже в конце декабря 1959 г. в сопровождении помощника протоиерея Виталия Борового, секретаря Д. П. Протопопова и переводчика В. С. Алексева, причем виза была выдана сроком на 6 месяцев⁶.

Следующая поездка экзарха состоялась в марте 1960 г., опять же на 6 месяцев, но в сопровождении уже четырёх человек (добавился келейник Н. Н. Гонтарев)⁷.

Взаимность была неравноценная, с американской стороны прибывало как

¹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 40. П. 297. Д. 23. Л. 7-8.

² Там же. Л. 14.

³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 40. П. 297. Д. 23. Л. 25.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1639. Л. 18.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 280. Л. 12.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1747. Л. 27.

⁷ Там же. Д. 1837. Л. 12.

правило два лица – священник и его жена. Но стоит учитывать объёмы работ экзарха и католического пастора.

В сообщении заместителя начальника 2-го главного управления КГБ СССР Щербака на имя заведующего Отделом стран Америки МИД СССР А. Ф. Добрынина от 20.01.1961 г. содержалось прежнее советское требование: «Против выдачи въездных виз американскому священнику Робертсу и его жене возражений не имеем, если госдепартамент согласен выдать визы на *постоянное пребывание* в США экзарху МП и его свите из двух человек»¹.

В справке о поездках экзарха Московской патриархии в США и о священниках посольства США в Москве, составленной сотрудником МИД Соколовым от 10.04.1961 г. было представлено видение решения вопроса о визах для представителей религиозных – православной и католической – концессий с советской стороны. Справку эту изучали очень внимательно (судя по подчеркиваниям и редактуре)².

При анализе этого документа важны два момента. Первый: «Взаимная» основа выдачи виз – неравноценная, советская сторона в данном случае обладала преимуществами – и в количественном составе делегации, и в предоставляемом времени. И второе – американские газеты очень активно выступали с критикой позиции Госдепа, чего не скажешь о советских газетах и их отношении к политике советского МИД. Что в принципе понятно и без объяснений.

В советских информационных документах опускалось еще одно: американский пастор приезжает в СССР для обслуживания только сотрудников посольства США, в то время как русский экзарх будет обслуживать всех американских (и не только) граждан православного вероисповедания. Кроме того, экзарху и его секретарю американская сторона

разрешала посещать закрытые для советских граждан районы США (чего, естественно, не разрешалось американскому пастору).

Срок пребывания экзарха в США постоянно увеличивался. В конце 1961 г. был поставлен вопрос о пребывании представителя РПЦ в США уже в течение 9–11 месяцев³. С 1962 г. экзархом МП в Америке был архиепископ Иоанн (Венланд). 5.10.1962 г. он, в сопровождении четырёх человек отбыл в США. Виза ему была предоставлена сроком на 6 месяцев⁴.

Ещё в марте 1962 г. Госдепартамент заверил советскую сторону: «Правительство Соединенных Штатов готово рассмотреть просьбы о визе советскому священнику русской православной церкви и его помощникам на срок пребывания в Соединенных Штатах от 5 до 6 месяцев, исходя из понимания, что разумное продление пребывания, связанное с целью поездки, будет рассмотрено, если возникнет такая необходимость и будет для этого веская причина»⁵.

В июне 1962 г. Госдепартамент добавлял: «Департамент желает сообщить Посольству, что Посольство США в Москве готово принять быстрое решение по ходатайствам, которые могут быть представлены Экзархом Русской православной церкви и его помощниками, намеревающимися пробыть в Соединенных Штатах от 9 до 11 месяцев. Хотя в соответствии с законами США первоначальный период пребывания в стране разрешается на срок 6 месяцев, даются заверения, что продление срока их пребывания в США еще на 3–5 месяцев будет сделано без какого-либо беспокойства для Экзарха и сопровождающих его помощников»⁶. Таким образом, «визовый вопрос», решавшийся на протяжении почти 15 лет, был закрыт.

³ ГАРФ. Ф.Р-6991. Оп. 1. Д. 2036. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 478. Л. 132.

¹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 45. П. 330. Д. 24. Л. 2.

² Там же. Л. 20-25.

Заклучение

Анализ документальных материалов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, важность и значимость деятельности экзархата РПЦ в США доказывается документально тем вниманием, которое проявилось в вопросе предоставления виз его руководству, вылившемуся в конфликт и противостояние по, казалось бы, частному (на фоне глобальных мировых проблем) вопросу.

Во-вторых, в решение вопроса о деятельности Американского экзархата в США были вовлечены внешнеполитические структуры СССР и США, а также ряд государственных служб Советского

Союза (например, Совет по делам РПЦ при Совмине СССР).

В-третьих, поиск компромисса в разрешении визовой проблемы дал советской и американской стороне возможность на официальном уровне продемонстрировать способность договариваться даже в условиях «холодной войны».

Таким образом, поставленную научную проблему можно считать решённой, а результаты исследования можно положить в основу спецкурсов по истории Русской православной церкви и по истории отечественных государственных и общественных организаций.

Статья поступила в редакцию 30.10.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Вениамин (Федченков), митрополит. Служение в Америке (в документах 1933–1947 гг.). М.: Отчий дом, 2016. 920 с.
2. Казем-Бек А. Л. К десятилетию одного судебного процесса // Журнал Московской патриархии. 1957. № 7. С. 56–65.
3. Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: Издательство Православного Свято-тихоновского гуманитарного университета, 2015. 488 с.
4. Курков Н. В. Об одном памятнике русской архитектуры в Америке // Американский ежегодник. 2001. М.: Наука, 2003. С. 241–246.
5. Saint Nicholas Cathedral 1968 – St. Nicholas Cathedral of New York: History and Legacy / Ed. by M. Pokrovsky. New-York: St. Nicholas Cathedralstudygroup, 1968. 103 p.

REFERENCES

1. Veniamin (Fedchenkov), mitropolit. [Ministry in America (in documents from 1933–1947)]. Moscow, Otchii dom Publ., 2016. 920 p.
2. Kazem-Beck A. L. [One judicial process – a decade later]. In: *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1957, no. 7, pp. 56–65.
3. Kostriykov A. A. *Russkaya Zharubezhnaya Zerrkov' v 1939-1964 gg. Administrativnoe ustroystvo i ot-nosheniya s Zerkov'uy v Otechestve*. [The Russian Church Abroad in 1939–1964. Administrative structure and relations with the Church in the Fatherland]. Moscow, Pravoslavnyi Svyato-tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ., 2015. 488 p.
4. Kurkov N. B. [About one monument of Russian architecture]. In: *Amerikanskii Ezhegodnik. 2001* [American Yearbook. 2001]. Moscow, Nauka Publ., 2003. pp. 241–246.
5. M. Pokrovsky, ed. *St. Nicholas Cathedral of New York: History and Legacy*. New-York, St. Nicholas Cathedral studygroup Publ., 1968. 103 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Доля Евгений Владимирович – аспирант кафедры истории и организации архивного дела факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета;
email: vosdol@yandex.ru

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН;
email: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Dolya – Postgraduate student, Department of history and organization of archives at the Faculty of Archival Affairs of the Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities;
email: vosdol@yandex.ru

Vadim L. Telitsyn – Dr. Sci. (History), Professor, leading researcher of the scientific center «XX century: socio-political and economic problems», Institute of General history of the Russian Academy of Sciences;
email: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ/

Доля Е. В., Телицын В. Л. Вопрос о визах для представителей Московской патриархии и Американского экзархата Русской православной церкви как международная проблема конца 1940-х начала 1960-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета . Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 98–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-98-114

FOR CITATION

Dolya E. V., Telitsyn V. L. The issue of obtaining visas for the representatives of the Moscow Patriarchate and the Exarchate of the Russian Orthodox Church as an international problem in the late 1940s and early 1960s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 98–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-98-114

УДК 325

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-115-124

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПРАВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИТАЛИИ В 2018–2019 гг.

Шогунц А. В.

Институт Европы Российской академии наук

125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть политику, проводившуюся коалицией правых партий Лига и Движение пяти звезд в Италии в 2018–2019 гг., с точки зрения миграционных вопросов.

Процедура и методы. Проанализированы предвыборные программы правых партий в области миграции. При проведении исследования использовались методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и контент-анализ.

Результаты. Исследованы взаимоотношения итальянских властей и наднациональных органов по вопросу миграционной политики Италии. В результате проведенного анализа предвыборных программ и политики правых партий, в период их нахождения у власти, выявлено, что основными способами ограничения числа мигрантов были выбраны ограничение видов предоставляемой им защиты и закрытие портов для приёма спасенных на море.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение итальянской миграционной политики на данном этапе и влияние на неё миграционного кризиса в Европейском союзе.

Ключевые слова: миграционная политика, Европейский союз, Италия, мигранты, лица, ищущие убежища, Лига Севера, Сальвини, Движение пяти звезд

THE MIGRATION POLICY OF THE RIGHT GOVERNMENT IN ITALY IN 2018–2019

A. Shogunts

Institute of Europe, Russian Academy of Science

11, str. 3, Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyse the migration policy pursued by the League coalition of right-wing parties and Five Stars Movement in Italy in 2018–2019.

Methodology. The research methodology consisted in analysing the electoral programmes of right-wing parties in the field of migration using the methods of observation, synthesis, interpretation of results and content analysis.

© CC BY Шогунц А. В., 2021.

Results. The article explores the relationship between the Italian authorities and supranational authorities regarding Italy's migration policy, as well as the contradictions between Rome and Brussels on key issues of migration regulation. The results of analysing the electoral programmes and decisions taken during the period of right-wing parties in power revealed that closing ports to those rescued at sea and limiting the types of protection provided to newly arrived asylum seekers were the main approaches applied by the Italian government to limit the number of arriving migrants.

Research implications. The research results contribute to the study of the Italian migration policy and its adjustments under the influence of the 2018–2019 migration crisis in the European Union.

Keywords: migration policy, European Union, Italy, migrants, asylum seekers, League, Salvini, Five Star Movement

Введение

Исследование миграционной политики, проводившейся в 2018–2019 гг. правыми партиями в Италии, носит актуальный характер. С середины 2010-х гг. страна находится в состоянии экономической нестабильности и социальных потрясений, вызванных разразившемся в Европейском союзе миграционным кризисом. Его кульминацией стало прибытие в 2015 г. в Европу около 1–1,8 млн. людей, искавших убежище от войн и всякого рода притеснений в своих родных странах (в основном, из Северной и Центральной Африки и с Ближнего Востока). Италия, чьи острова находятся в Средиземном море вблизи африканских берегов, превратилась в «южные ворота» Европы. С 2014 г. (начало миграционного кризиса) по август 2019 г. ей пришлось принять в общей сложности свыше 650 тыс. мигрантов¹. Целью исследования яв-

ляется выявление путём анализа предвыборных программ мотивов и последствий проводимой правыми партиями миграционной политикой в период их нахождения у власти в Италии. Данная тема получила широкое освещение в работах как отечественных (О. Ю. Потёмкина [6; 7], Е. С. Алексеенкова [2], А. В. Авилова [1], В. П. Любин [5], Л. С. Биссон [4]), так и зарубежных исследователей (Р. Алонци [3], А. Джангранде [9], А. Пирро, П. Таггарт, С. ван Кессель [10]).

Метод исследования заключается в обработке данных миграционных программ Лиги и Движения пяти звёзд, принятых перед выборами в 2018 г., посредством контент-анализа. За единицу измерения взяты три показателя: число упоминаний слов «миграция» и «иммиграция» в негативном контексте², число критических замечаний относительно политики предыдущих правительств и ЕС и пересмотра действующего законодательства³, число упоминаний о необходимости регулиро-

¹ По данным Международной организации по миграции:

Mixed Migration Flows in the Mediterranean and Beyond. Compilation of Available Data and Information. Reporting Period: 2015 // International Organization for Migration. 2015. P. 5.

Mixed Migration Flows in the Mediterranean and Beyond. Compilation of Available Data and Information. Reporting Period: 2016. // International Organization for Migration. 2016. P. 1.

Mixed Migration Flows in the Mediterranean // Compilation of Available Data and Information. // International Organization for Migration. 2017. P. 11.

Mixed Migration Flows in the Mediterranean. Compilation of Available Data and Information December 2018 // International Organization for Migration. 2018. P. 4.

Mixed Migration Flows in the Mediterranean. Compilation of Available Data and Information August 2019 // International Organization for Migration. 2019. P. 4.

² В следующих словосочетаниях: нелегальная миграция, нелегальные мигранты, скрытая миграция, теневая миграция, экономические мигранты, фальшивые мигранты, неконтролируемая иммиграция, иммиграция стала бременем для страны, нелегальная иммиграция является формой угнетения, иммиграция породила социальные неудобства и все производные от них.

³ Например: правительство за последние 3–4 года сильно недооценило этот аспект, ориентируясь главным образом на выполнение обязательств ЕС; Женевское соглашение и Дублинский регламент являются правовыми источниками, которые сегодня требуют пересмотра или, по крайней мере, временного запрета из-за того, что происходит в Европе; это привело к чрезмерному увеличению сроков рассмотрения вопросов о предоставлении убежища и так далее.

вания миграции и мер по решению миграционной проблемы (Таб.1).

По результатам контент-анализа было выявлено, что программа Лиги больше сосредоточена на упоминании миграционной ситуации в Италии как чрезвычайной ситуации, слова «миграция» и «иммиграция» часто употребляются в негативной коннотации. При этом обе партии в равной мере критикуют непо-

следовательную политику в этой области предыдущих правительств, а также отчасти возлагают вину за миграционный кризис на партнеров по Евросоюзу. С учётом того, что по объёму миграционная программа Движения пяти звёзд почти в пять раз меньше, чем у Лиги, в ней больше говорится о необходимости регулирования миграции и принятии мер по решению миграционной проблемы.

Таблица 1 / Table 1

Контент-анализ миграционного аспекта в предвыборных программах партий Лига и Движение пяти звёзд / Content analysis of the migration aspect in the electoral programmes of the League and Five Star Movement

	Общее число страниц в миграционных программах партий		Число упоминаний слов «миграция», «иммиграция» в негативном контексте	Число критических замечаний относительно политики предыдущих правительств и ЕС и пересмотра действующего законодательства	Число упоминаний необходимости регулирования миграции и мер по решению миграционной проблемы
	Лига	ДПЗ			
Партии, входившие в правящую коалицию в Италии в 2018–2019 гг.	Лига	28	39	11	15
	ДПЗ	6	6	11	17

Источник: Составлено автором по Programma immigrazione Movimento 5 Stelle. Programma parziale 27.07.2017; Linee guida in material di immigrazione, Dipartimento Federale Immigrazione (Liga)

Наряду с отголосками охватившего в 2008 г. Европу экономического кризиса, от которого в большей степени пострадали государства Южной Европы – Греция, Италия, Испания, Португалия, и на фоне угрозы возможного отказа этих стран от единой валюты, миграционный кризис стал «головной болью» как для Италии, так и для Европейского союза, выявив кризис солидарности и проблему транзита сквозь границы стран-членов ЕС. Итальянским правительствам последних лет не удалось решить эти проблемы. Программу реформ предложили победившие на выборах в итальянский парламент в 2018 г. партии правого толка – Лига и Движение пяти звёзд (далее – ДПЗ), сформировавшие коалицию¹.

Проанализировав предвыборные программы этих партий и личные взгляды их лидеров Маттео Сальвини и Луиджи Ди Майо, с самого момента образования в Италии летом 2018 г. «жёлто-зелёной» коалиции можно было предположить, что данное правительство займет евро-скептическую позицию.

Проблемой для первого правительство Дж. Конте, как и для предыдущих – в основном, левоцентристских – правительств стал массовый приток мигрантов. Особенно страдают от него открытые для всех иностранных судов, в том числе и перевозящих мигрантов, города юга Италии и итальянские острова в Средиземном море [9, p. 416]. Согласно миграционной программе, выдвинутой Ли-

¹ Linee guida in material di immigrazione, Dipartimento Federale Immigrazione. P. 7.

гой в попытке избежать экономического кризиса, итальянское правительство после 2014 г. ориентировалось главным образом на выполнение обязательств перед ЕС.¹ При этом оно совсем упустило из виду рост социальной напряженности, вызванный как снижением доходов населения, так и прибытием большого количества мигрантов из стран Северной и Центральной Африки². Как неоднократно заявлял министр внутренних дел Италии Маттео Сальвини³, в кризисе и его социальных последствиях прослеживается роль Европейского союза, из-за политики которого неконтролируемая иммиграция стала бременем для Италии. Последние пять лет в стране ежегодно увеличивается количество приезжих, которые подают заявки на получение убежища⁴. Во многом М. Сальвини оказался прав – одной из главных причин миграционного кризиса (но не единственной) стало вмешательство европейских стран во внутренние дела североафриканских и ближневосточных государств с целью насадить там элементы демократии. Это привело к дестабилизации в них политической жизни, массовым протестам, революциям и гражданским войнам. Именно хаос в политической и экономической жизни стран Северной Африки и Ближнего Востока заставил их население искать убежища в процветающей Европе. В итоге, вместо того, чтобы дополнительно обезопасить себя, европейские страны добились обратного эффекта, следствием которого стало существующее положение вещей.

Точка зрения премьера подтверждается и результатами исследования по вопросам миграции, экономического роста

и безработицы, проведенного среди итальянцев социологическим институтом IPSOS⁵. Оно показало, что в течение последних девяти лет доверие итальянцев к ЕС постепенно падало, снизившись с 73% в марте 2010 г. до 37% к февралю 2019 г.⁶

Всё это усугубляло экономическую и социальную обстановку в стране и способствовало получению Движением пяти звёзд, возглавляемого молодым политиком Л. Ди Майо, более 32% голосов на выборах в марте 2018 г.⁷ Его лидер стал министром экономического развития в первом правительстве Дж. Конте. Используя популистскую риторику и критику в адрес наднациональных органов Европейского союза за проводимую ими миграционную политику в частности, Движение и Лига, получившая 17% голосов, заключили коалиционное соглашение. Их лидеры Ди Майо и М. Сальвини использовали получившие широкое распространение настроения евроскептицизма и отрицательное восприятие итальянцами курса руководящих органов ЕС. В предвыборной риторике они высказывали намерения изменить отношения с ЕС и вернуть Италии суверенитет в вопросах регулирования миграции. По данным на январь 2019 г., половина итальянцев (51%) поддерживала проводимую М. Сальвини миграционную политику [8, p. 104], и только 19% допускали принятие на территории Италии спасенных на море мигрантов. Интересно, что 60% респондентов считали, что итальянцы должны самостоятельно принимать

¹ Требования «жесткой экономии», предъявленные ЕС странам Южной Европы, наиболее пострадавшим от экономического кризиса 2008 года – Греции, Испании, Италии, Португалии.

² Linee guida in material di immigrazione, Dipartimento Federale Immigrazione. P. 14.

³ Bulletin Quotidien Europe. 12116. 13.10.18.

⁴ Linee guida in material di immigrazione, Dipartimento Federale Immigrazione. P. 15.

⁵ Il Sole 24 Ore (2019), “Riforme in Europa, non solo in Italia”. URL: <https://www.ilssole24ore.com/art/riforme-europa-non-solo-italia-ABmu2ajB> (дата обращения: 31.05.2019).

⁶ Il Sole 24 Ore (2019), “Riforme in Europa, non solo in Italia”. URL: <https://www.ilssole24ore.com/art/riforme-europa-non-solo-italia-ABmu2ajB> (дата обращения: 31.05.2019).

⁷ Ansa.it (2018), “Governo: Avvenire, Salvini e Di Maio non lo volevano piu”. URL: https://www.ansa.it/sito/notizie/politica/2018/05/29/governo-avvenire-salvini-e-di-maio-non-lo-volevano-piu_bdbde6fd-01c0-4143-8b8e-8773fdb4ed5.html (дата обращения: 04.01.2020).

решения в сфере миграции¹. Можно сказать, что этот лозунг «возвращения суверенитета» во многом популистский – на настоящий момент в отношении вопросов регулирования миграции применяется принцип субсидиарности, то есть их решение возлагается преимущественно на местные органы власти, как наиболее близкие к населению. Только в случае отсутствия такой возможности решение соответствующих проблем должно передаваться в компетенцию вышестоящих уровней власти – регионального, национального и, наконец, наднационального в лице ЕС. Обладая хоть и частичным, но все же в большей степени, чем наднациональные органы, суверенитетом в области регулирования миграции, нельзя утверждать, что Италия его «лишилась». В любом случае возвращение национальному правительству части полномочий возможно лишь в пределах законодательства Европейского союза.

Миграционная политика первого правительства Дж. Конте

Общее представление о политике «жёлто-зелёного» правительства в области миграции [2, с. 106] можно получить, проанализировав предвыборные программы партий Лига и Движение пяти звёзд.

Во-первых, критикуя существующую систему принятия беженцев в Италии, функционеры Лиги и Движения пяти звёзд отмечают длительное время ожидания решения по заявке о предоставлении убежища (может достигать до 2-х лет), в течение которого, согласно международному законодательству ЕС², итальянское государство обязано обеспечить питание и проживание всем, кто подал такое заявление, в то время как директива ЕС

предполагает решение этого вопроса в течение полугода³. В своей предвыборной программе 2018 г. ДПЗ предложило увеличить число сотрудников в территориальных комиссиях до 10 тыс., чтобы сократить до месяца время, в течение которого нужно определить, имеет ли мигрант право оставаться в Италии⁴. По данным, указанным в миграционной программе Лиги, в 2016 г. Италия приняла положительное решение лишь по 7% от общего количества поданных мигрантами заявок на предоставление убежища⁵. Недовольство вызывает тот факт, что оставшуюся (и большую) часть прибывших составляют нелегальные мигранты⁶ и что одобрение большинства заявок происходило по линии гуманитарной защиты. При этом Лига Севера в своей программе подчёркивает, что не против тех, кто действительно бежит от войн у себя на родине, однако «Италия не может принять всё африканское население, которое ежедневно сталкивается с бедностью и ищет счастье в странах Европы»⁷.

Во-вторых, в попытке урегулировать ситуацию с мигрантами итальянскими правыми партиями был предложен законопроект DL 113/2018⁸, ставший после одобрения парламента полноценным законом, ужесточающий правила приёма мигрантов и беженцев, а также увеличивающий сроки содержания мигрантов

¹ Libero quotidiano (2019), "Sondaggio Ipsos di Nando Pagnocelli: il 51 per cento degli italiani sta con Matteo Salvini sugli immigrati". URL: <https://www.liberoquotidiano.it/news/politica/13418401/sondaggio-ipsos-nando-pagnocelli-51-per-cento-matteo-salvini-immigrati.html> (дата обращения: 10.06.2019).

² ст. 15 Хартии Европейского союза об основных правах.

³ Il programma Immigrazione del MoVimento 5 Stelle (2018), P. 2. URL: <https://www.movimento5stelle.it/programma/wpcontent/uploads/2018/02/Immigrazione.pdf> (дата обращения: 06. 12. 2019).

⁴ Programma elettotale Movimento 5 Stelle (2018). URL: <https://citynews-today.stgy.ovh/~media/28893072182418/programma-m5s-pdf.pdf> (дата обращения: 06. 12. 2019).

⁵ Linee guida in material di immigrazione, Dipartimento Federale Immigrazione. P. 16.

⁶ Linee guida in material di immigrazione, Dipartimento Federale Immigrazione. p. 16.

⁷ Linee guida in material di immigrazione, Dipartimento Federale Immigrazione. P. 16.

⁸ Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 4 ottobre 2018, n. 113 (2018), "Parlamento Italiano". URL: http://documenti.camera.it/leg18/pdl/pdf/leg.18.pdl.camera.1346_A.18PDL0037320.pdf (дата обращения: 13. 09. 2019).

под стражей для идентификации личности. Законом также предусматривается ограничение видов оказываемой помощи мигрантам, прибывшим из стран с относительно благополучными демократическими режимами, а также отменяется «гуманитарная защита» – вид защиты, ранее предоставляемый Италией наравне с международной и дополнительной защитой. Согласно данным Института международных политических исследований, за два года число мигрантов, получивших отказ в предоставлении убежища в Италии, может вырасти до 140 тыс. человек¹.

Этот шаг был предпринят в целях замены не подписанному Италией в декабре 2018 г. Глобальному договору о миграции, принятие которого могло привести к осложнению и без того шаткой внутренней миграционной ситуации в стране. Правящие правые партии Лига и Движение пяти звёзд ещё до принятия Договора критиковали его из-за отсутствия конкретных предложений по регулированию проблемы массовой миграции населения, в том числе за закрепление за принимающими странами необходимости гарантировать мигрантам «полную интеграцию в общество», а также «бороться с дискриминацией и подготовить общество, изменив его отношение к иммигрантам»².

В-третьих, важным пунктом политики Лиги стало противостояние незаконным высадкам мигрантов путём закрытия портов для судов иностранных государств и неправительственных организаций (НПО), спасающих мигрантов на море. Так, например, в марте 2019 г. М. Сальвини объявил о том, что Италия не откроет порт для гуманитарного судна «Ионическое море», спасшего 49 мигрантов у берегов Ливии³. И примеров закры-

тия итальянских портов для судов неправительственных организаций, спасших мигрантов, можно привести множество. Такая политика, разумеется, не могла получить одобрение международных организаций и защитников прав человека. В частности комиссар Совета Европы по правам человека Дуня Миятович последовательно критиковала правительство М. Сальвини за проводимую Италией политику закрытия портов, которая, по её мнению, «препятствует деятельности НПО по спасению жизней на море»⁴.

В-четвёртых, обе партии выступали за разделение ответственности между всеми странами ЕС за судьбу прибывших в Италию мигрантов и немедленную репатриацию нелегальных мигрантов на родину. В то же время с лета 2018 г. работа первого правительства Дж. Конте была омрачена разногласиями с ЕС по вопросу создания «разгрузочных платформ», куда привезённые спасателями на судах мигранты будут размещены временно. Актуальность этой проблемы увеличилась в связи с систематическими отказами Италии принять суда НПО с мигрантами на борту и её попытками привлечь внимание коллег по Евросоюзу к этому вопросу, призывая разделить с ней бремя ответственности. Например, в 2019 г. было совершено 15 тыс. попыток пересечь границу ЕС с территории Ливии и 56% из этих людей были перехвачены и отправлены в центры содержания мигрантов⁵.

Взаимоотношения Италии и ЕС в вопросах миграции в 2018–2019 гг.

Одним из наиболее важных конфликтов между Италией и ЕС стали противоречия в плоскости ужесточения политики приёма мигрантов, спасённых на море [3, с. 18]⁶. Он был усилен избранной бывшим министром внутренних дел, лидером партии Лига М. Сальвини линией жёсткого контроля въезда нелегальных мигрантов

¹ Villa M. I nuovi irregolari in Italia, Istituto per gli studi di politica internazionale. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/i-nuovi-irregolari-italia-21812> (дата обращения: 08.01.2020).

² Global Compact расколел Европу (2018), Столетие, URL: http://www.stoletie.ru/politika/global_compact_raskolol_jevropu_986.htm (дата обращения: 06.01.2020).

³ Bulletin Quotidien Europe. 12217. 20.03.19.

⁴ Bulletin Quotidien Europe. 12189. 08.02.19.

⁵ Bulletin Quotidien Europe. 12383. 05.12.19.

⁶ Bulletin Quotidien Europe. 12242. 26.04.19.

и беженцев в страну, которые в последние годы прибывали через Средиземное море на остров Лампедуза и южное побережье Италии. Даже в правящих структурах ЕС понимали, насколько Италия вместе с Грецией оказались перегружены мигрантами¹. Однако особое раздражение Брюсселя вызвал инициированный М. Сальвини летом 2019 г. закон², согласно которому капитаны судов, привозящих в Италию нелегальных мигрантов, хотя бы и по гуманитарным соображениям подобранных ими в открытом море, подвергались штрафу от 150 тыс. до миллиона евро, а само судно – конфискации итальянскими властями³. Также, в соответствии с законом министр внутренних дел наделяется полномочиями запрещать судам заход, транзит и остановку в территориальных водах Италии. Разумеется, принятие подобного закона, частично нарушающего некоторые международные нормы⁴, на тот момент было обеспечено большинством голосов коалиции Движения пяти звёзд и Лиги. Постоянные разногласия относительно этого вопроса между Брюсселем и Италией с Грецией, с одной стороны, и странами Вышеградской четвёрки, с другой, вынудили лидеров правых партий в Италии прибегнуть не только к резкой риторике, но и перейти к самостоятельным действиям по регулированию миграции. Так как многие суда, спасающие мигрантов в Средиземном море, заходят для их высадки в итальянские порты, то отчасти принятие этого закона явилось вынужденной мерой итальянского правительства после игнорирования призы-

вов к разделению ответственности между всеми странами-членами Евросоюза по приёму мигрантов.

Камнем преткновения стал Дублинский регламент, который является столпом европейской системы предоставления убежища и согласно которому ответственность за судьбу прибывших несёт страна первого въезда, в большинстве случаев это Греция и Италия. Уже с 2016 г. стало очевидно, что система предоставления убежища, введённая Дублинским регламентом, устарела и назрела необходимость её структурной реформы. Несмотря на то, что на протяжении последних лет государства-члены ЕС пытались выработать новое соглашение взамен Дублинского регламента, из-за внутренних противоречий все эти попытки завершились безрезультатно. Учитывая противоречия между странами ЕС, можно предположить, что проект реформы вряд ли удовлетворит все заинтересованные стороны, однако, чем дальше откладывается принятие новой системы регулирования миграции, тем более нестабильной становится обстановка и тем более лидеры правопопулистских партий обретают популярность у избирателей, выступая с евроскептическими лозунгами [1, с. 43].

Несмотря на образование по результатам выборов в Европарламент в мае 2019 г. коалиции Лиги и Движения пяти звёзд, к концу лета в отношениях между двумя партиями наметился кризис. Движение пяти звёзд поддержало кандидатуру немецкого политика Урсулы фон Лейден на пост Председателя Европейской комиссии, присоединившись к позиции консервативного блока Народных партий Европарламента. Этот выбор привел к разрыву отношений с М. Сальвини и падению коалиционного «жёлто-зелёного» правительства в августе 2019 г.

Последующее формирование Движением пяти звёзд и Демократической партией «жёлто-красного» кабинета, лишённого поддержки большинства и

¹ Bulletin Quotidien Europe. 12376. 26.11.19. 12378. 28.11.19. 12379. 29.11.19. 12380. 30.11.19.

² DECRETO-LEGGE 14 giugno 2019, n. 53 (2019), Gazzetta ufficiale della Repubblica italiana. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2019/06/14/19G00063/sg> (дата обращения: 08.01.2020).

³ Il Giornale.it (2019), “Multe fino a un milione a navi: cosm la Lega vuol fermare Ong”. URL: <http://www.ilgiornale.it/news/cronache/multe-fino-milione-navi-cosm-lega-vuol-fermare-ong-1723449.html> (дата обращения: 04.01.2020).

⁴ Против этого закона выступил и итальянский Верховный суд.

фактически «не избранного» электоратом, показывает, что в Италии возможны перемены в области политики регулирования миграции. Более того, партия Лига, набравшая наибольшее количество голосов на выборах в Европарламент, фактически перешла в оппозицию, не сумев договориться с популистами из Движения пяти звёзд.

Новый кабинет, благодаря участию левоцентристской Демократической партии, решил пойти на уступки Брюсселю, поспешив отказаться от многих непопулярных в наднациональных кругах ЕС мер, принятых правительством под руководством М. Сальвини, в том числе и в области миграции. Недаром второе правительство Дж. Конте уже в сентябре 2019 г. предпочло отказаться от закона, одним из положений которого является взимание штрафов с капитанов судов, высаживающих на итальянский берег нелегальных мигрантов, как нарушающего права человека. В итальянском офисе УВКБ ООН подчеркнули, что принятые данным законом ограничения противоречат нескольким международным договорам, в том числе Женевской конвенции (1951), запрещающей возвращать беженцев в государство, из которого они бежали. Кроме того, спасение людей в открытом море является международным обязательством, поэтому отказ в таком спасении является незаконным.

Заключение

В результате анализа предвыборных программ партий Лига и ДПЗ, составивших правящую коалицию в Италии в 2018–2019 гг., можно сделать вывод, что основными поводами для критики миграционной политики предыдущих правительств стала «перегруженность» итальянской системы приёма мигрантов, длительность их пребывания на территории страны до принятия решения о предоставлении убежища, недостаток персонала в центрах приёма, а также то, что большинство прибывших (93%) являлись

нелегальными мигрантами. Большинство же одобренных заявок пришлось по линии так называемой «гуманитарной защиты».

В попытках ограничить число прибывающих в конце 2018 г. министром внутренних дел М. Сальвини, лидером Лиги, был инициирован закон о безопасности, отменивший право на гуманитарную защиту и установивший жёсткие рамки для въезда на территорию страны.

Более того, летом 2019 г., уже после выборов в Европейский и национальный парламенты, был принят закон, вызвавший много нареканий с точки зрения его законности. Он ограничивал въезд в итальянские порты морских судов, спасших в море мигрантов, и предусматривал возможность привлечения к ответственности командиров таких судов за содействие нелегальной миграции. Данная мера была негативно воспринята различными НПО и правозащитными организациями.

На полях ЕС обе партии последовательно поддерживали идею справедливого распределения беженцев среди всех стран-участниц Союза, так называемый принцип «европейской солидарности», однако натолкнулись на сопротивление стран Восточной Европы, так называемой Вышеградской четвёрки. Евросоюз, вынужденный лавировать между всеми заинтересованными сторонами, уже несколько лет пытается согласовать реформу Дублинского регламента, но пока безуспешно.

Интересно, что нынешнее итальянское правительство в составе правой ДПЗ и левой Демократической партии является фактически не избранным всеобщим голосованием и проводит политику, не одобренную большинством избирателей, отдавшим свои голоса на выборах в мае 2019 г. в поддержку Лиги и М. Сальвини. В целом с приходом во власть находившейся в оппозиции Демократической партии можно предположить, что политика в области регулирования миграции смягчится, дистанцируется от серьезных

ограничений, накладываемых законом о безопасности и запретом на принятие в итальянских портах судов, подобранных в море мигрантов. Более умеренная, в отличие от правительства 2018–2019 гг., коалиция пошла на уступки Брюсселю. Существует надежда, что Движение пяти

звёзд и Демократическая партия, работая совместно, будут настроены в пользу большего признания верховенства со стороны органов ЕС и не такой радикальной политики в области миграции.

Статья поступила в редакцию 03.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова А. В. Италия во главе еврокритиков // Научно-аналитический вестник Института Европы Российской академии наук. 2019. № 2 (8). С. 38–43.
2. Алексеев Е. С. Страна победившего популизма: Италия после выборов // Современная Европа. 2019. № 2. С. 106–117.
3. Алонци Р., Любин В. П. Политика «жёлто-зелёного» правительства Италии 2018–2019 гг. и его конфликт с ЕС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Вып. 2. Ч. 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2019. С. 15–20.
4. Биссон Л. С. Миграция вновь нарушает единство Евросоюза // Европейский Союз: факты и комментарии. 2019. Вып. 94. С. 60–64.
5. Любин В. П. Беппе Грилло и его «Движение 5 звёзд»: необычный феномен итальянской политики // Италия в начале XXI в. М.: Институт мировой экономики и международных отношений, 2015. С. 43–50.
6. Потёмкина О. Ю. Выборы в Европейский парламент 2019 г.: состоится ли реформа? // Аналитические записки Института Европы Российской академии наук. 2018. № 20 (116). С. 1–8.
7. Потёмкина О. Ю. Достижения и разногласия по миграционным проблемам в период председательства Австрии // Европейский союз: факты и комментарии. 2019. Вып. 94. С. 56–60.
8. Georgiadou V., Rori L., Roumanian C. Mapping the European far right in the 21st century: A meso-level analysis. In: *Electoral studies*, 2018, no. 54, pp. 103–115.
9. Giangrande A. Italia allo specchio. Il dna degli italiani. Prima Parte. La politica ed i partiti. In: *L'Italia del Trucco, l'Italia che siamo*, 2019, vol. 174, pp. 1–803.
10. Pirro A. L., Taggart P., van Kessel S. The populist politics of Euroscepticism in times of crisis: Comparative conclusions. In: *Politics*, 2018, vol. 38 (3), pp. 378–390.

REFERENCES

1. Avilova A. V. [Italy at the head of Eurocritics]. In: *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences], 2019, no. 2 (8), pp. 38–43.
2. Alekseenkova E. S. [The country of victorious populism: Italy after the election]. In: *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2019, no. 2, pp. 106–117.
3. Alontsi R., Lyubin V. P. [The policy of the "yellow-green" government of Italy 2018–2019 and its conflict with the EU]. In: *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, security, and cooperation]. Iss. 2. Part 2. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 15–20.
4. Bisson L. S. [Migration again violates the unity of the European Union]. In: *Evropeiskii Soyuz: fakty i kommentarii* [European Union: facts and comments], 2019, iss. 94, pp. 6–64.
5. Lyubin V. P. [Beppe Grillo and his "5 Star Movement": an unusual phenomenon of Italian politics]. In: *Italiya v nachale XXI v.* [Italy at the beginning of the XXI century]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations Publ., 2015, pp. 43–50.
6. Potemkina O. Yu. [European Parliament elections 2019: will the reform take place?]. In: *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy Rossiiskoi akademii nauk* [Analytical notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 20 (116), pp. 1–8.
7. Potemkina O. Yu. [Achievements and disagreements on migration issues during the Austrian Presidency]. In: *Evropeiskii Soyuz: fakty i kommentarii* [European Union: facts and comments], 2019, iss. 94, pp. 56–60.

8. Georgiadou V., Rori L., Roumanias C. Mapping the European far right in the 21st century: A meso-level analysis. In: *Electoral studies*, 2018, no. 54, pp. 103–115.
 9. Giangrande A. Italia allo specchio. Il dna degli italiani. Prima Parte. La politica ed i partiti. In: *L'Italia del Trucco, l'Italia che siamo*, 2019, vol. 174, pp. 1–803.
 10. Pirro A.L., Taggart P., van Kessel S. The populist politics of Euroscepticism in times of crisis: Comparative conclusions. In: *Politics*, 2018, vol. 38 (3), pp. 378–390.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шогунц Анна Вардановна – аспирант Отдела исследований Европейской интеграции Института Европы РАН;
e-mail: annashoghunts@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Shogunts – postgraduate student, Department of European integration research, Institute of Europe, Russian Academy of Science;
e-mail: annashoghunts@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ/

Шогунц А. В. Миграционная политика правого правительства в Италии в 2018–2019 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 115–124.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-115-124

FOR CITATION

Shogunts A. V. The migration policy of the right government in Italy in 2018–2019. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 115–124.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-115-124

УДК – 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-125-132

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БРЕНД «НАРОДНОГО КАПИТАЛИЗМА» ВО ВТОРОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1950–1960 гг.)

Козьякова Н. С.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать попытку реализации идеи «народного капитализма» в условиях рыночной экономики и мощного государственного сектора во Второй Австрийской Республике в 50–60-х гг. XX в.

Процедура и методы. Исследование носит междисциплинарный характер и базируется на фактическом материале по истории австрийской экономики, социологии и политической экономии. В работе применялись принципы историзма и объективности, а также историко-системный метод, позволивший понять механизм конструирования «народного капитализма» во Второй Австрийской Республике как системы, имеющей собственную логику развития.

Результаты. Правые социалисты во Второй Австрийской Республике проделали путь от апологии национализации как формы перехода к социальному государству до фактического отказа от неё и к поддержке политики реприватизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы для углубленного изучения новейшей истории Европы, а также при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по этой тематике.

Ключевые слова: экономика Австрии, национальная промышленность, реприватизация, демократизация капитала, народная акция

THE POLITICAL BRAND OF PEOPLE'S CAPITALISM IN THE SECOND REPUBLIC OF AUSTRIA (1950–1960S)

N. Kozyakova*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Using the example of the Second Austrian Republic, the article investigates the attempts to implement the ideas of people's capitalism in the Second Austrian Republic under the conditions of a powerful public sector in the market Austrian economy in the 50–60s of the 20th century.

Methodology. The interdisciplinary nature of the research is determined by the use of factual materials from the history of the Austrian economy, sociology and political economy. The research was based on the principles of historicism and objectivity and the methods of historical science. The historical and systematic method allowed the author to elucidate the mechanism of constructing people's capitalism in the Second Austrian Republic as a certain system with its own logic of development, which closely interacted with the social and political systems of the country.

Results. It is concluded that the Austrian right-wing socialists in the Second Austrian Republic went from promoting nationalization as a form of transition to a social state under the existing system

towards actually rejecting nationalization and supporting the policy of reprivatization carried out by major financiers.

Research implications. The findings can be used as a basis for an in-depth study of the political history of Western European countries, as well as for the preparation of textbooks and lecture courses on the modern history of Europe.

Keywords: Austrian economy, national industry, reprivatization, capital democratization, people's action

Введение

После окончания Второй мировой войны в ряде стран Западной Европы (Австрии, Франции, Великобритании) широкое развитие получил путь национализации. Национализация собственности крупных промышленников, монополий (в том числе и иностранных), а также военных преступников стали в западных странах важнейшими мероприятиями в ходе демократических преобразований. Национализация страхования, кредитной системы, промышленности подорвала политическую силу крупных финансистов и лишила их прочной экономической базы. Во многих странах Западной Европы национализация стала основой для трансформации экономики. В Австрии, Италии и Франции соотношение сил сложилось не в пользу рабочих. Неизменными в своей основе оставались позиции монополий в Великобритании, так как рабочее движение было расколото, а ведущую роль в нём играла партия лейбористов, насаждавшая собственническую идеологию и проводившая соглашательскую политику. К колоссальному изменению соотношения сил на мировой арене в пользу демократии и прогресса привела победа над фашистской Германией. Одним из лозунгов, выдвинутым рабочим сообществом в данных условиях, стал призыв к национализации собственности военных преступников, а также тех, кто сотрудничал с фашистами. Национализация рассматривалась в качестве одного из ведущих средств борьбы за реальные демократические преобразования. В Австрии послевоенная национализация была проведена в таких масштабах, которых не было ни в одной из стран Западной Европы [1, с. 180].

Одной из характерных черт, присущих Второй Австрийской Республике, было развитие монополистических тенденций. Государственные монополии сложились в странах Западной Европы во время Первой мировой войны, в после окончания Второй мировой войны приобрели массовый характер [2, с. 62].

В послевоенный период в Австрии огромную роль стала играть государственная собственность, удельный вес которой в экономике страны был выше, чем в других западных странах. Огромный рост государственной собственности в Австрии после окончания Второй мировой войны можно объяснить следующими причинами.

1. Экономическая слабость австрийских монополий и крепкие финансовые позиции других западных стран. Распад Австро-Венгрии нанес первый серьёзный удар по экономическим позициям австрийских промышленных кругов. Были утрачены огромные территории с развитой промышленностью, богатые природными и человеческими ресурсами.

2. Рост государственной собственности был связан с ослаблением политического влияния австрийской промышленной буржуазии. Самостоятельной политической роли она никогда не играла, так как время от времени выступала в качестве приспешницы британского, французского, американского, немецкого и итальянского капитала.

Австрийская модель «народного капитализма»

Австрийские крупные финансисты не решились провозгласить открытую распродажу государственных предпри-

ятий частным предпринимателям. Перед лицом рабочих они чувствовала себя недостаточно сильными и боялись отпора с их стороны. В связи с этим было принято решение провести денационализацию, замаскировав её под вывеской «народного капитализма», чтобы не только получить крупные финансовые средства, но и за бесценок приобрести государственные предприятия.

Теория «народного капитализма» была сформулирована в США в 1920-е гг. – в период «просперити». Суть её заключалась в так называемой «демократизации капитала», т. е. распределении акций мелкого номинала среди широких масс населения, которые как бы становились «совладельцами» предприятий. Таким образом, по мнению Луиса Келсо – активного сторонника данной теории, в новых условиях второй половины XX в., происходило «уравнивание» доходов, т. е. повышался покупательский спрос и исчезали экономические кризисы. Но на практике так называемые «народные акции» являлись средством аккумуляции денежных средств населения в интересах крупных монополий [7, S. 42].

Как заявляла американская газета «New York Times», «Отсутствие подходящего названия ставило нас в затруднительное положение в мировой борьбе за умы людей. Народный капитализм должен заполнить этот вакуум» [13, S. 57].

Обращение к идее «народного капитализма» не было случайным. Оно теснейшим образом связано с дальнейшим углублением кризиса мировой финансовой системы в послевоенный период. Когда во всём мире стала шириться борьба людей за национальное и социальное освобождение, в западных странах с каждым днём становилось всё более очевидной неизбежность окончательного краха существующей системы.

Известный рост промышленного производства на Западе, а также временное и затрагивающее далеко не все слои населения повышение жизненного уровня в раз-

витых странах пытались выдать за результат происходивших в обществе глубоких социальных изменений. По этому поводу австрийские исследователи Томас Мюллер и Норберт Виммер писали: «Быстрый подъём производства затемняет отрицательные стороны капиталистического общества и ведёт к оптимистической оценке его жизнеспособности» [12, S. 262].

Ведущую роль в этой пропагандистской кампании играли американские экономисты. Согласно их утверждениям, американский капитализм больше не являлся таковым в прежнем смысле этого слова, так как он изменил свой характер, перестал быть строем, приносящим прибыль только ограниченному числу людей, превратился в «новый трансформированный народный» капитализм, который якобы служил всему обществу.

Австрийские идеологи приводили США в пример в качестве страны, где данная идея уже была реализована на практике и призывали к её осуществлению также и в Австрии. При помощи «народного капитализма» предполагалось ликвидировать социальные контрасты и противоречия, присущие западному обществу.

Рабочее движение в Австрии имело давнюю историю и славные традиции борьбы за свои права. И всё же несмотря на неоднократные поражения [3, с. 45], оно оставалось под влиянием австрийской разновидности реформизма, в котором идеи социальной справедливости и социального государства имели глубокую основу.

Австрийские финансисты об этом хорошо знали и прекрасно понимали, что «классический» капитализм себя скомпрометировал, в то время как австромарксизм завоёвывал всё большее признание. Историк Адольф Козлик ссылается на «Tageszeitung»: «Марксистское понимание капитализма нашло широкое распространение. Причиной этого является тот факт, что выражение «капитализм» даже в буржуазных кругах Запада

многократно понималось и понимается как бранное и позорное слово» [11, S. 215].

Для усиления своего влияния на рабочих австрийские промышленники приняли на вооружение американскую идею «народного капитализма». Далее газета писала: «Теперь в Америке появился новый лозунг – «Каждый человек капиталист». Тем самым западный мир впервые отрицает подразумеваемую предпосылку всех дискуссий с марксистами, что его собственная экономическая форма – капитализм принадлежит к затухающим звёздам».

Не существующий в реальности «народный капитализм» открыто противопоставлялся «народной демократии» как нечто, что существует на самом деле и к чему якобы должна стремиться Австрия. Термин «народные демократии» использовался применительно к восточноевропейским соцстранам периода 40-х годов. «Tageszeitung» писала: ««Народный капитализм», без сомнения является достаточно агрессивным лозунгом, так как в самом этом понятии уже заложен ответ на коммунистическую «народную демократию»».

Австрийских финансистов больше всего пугала «народная демократия», поэтому предполагалось, что капитализм достаточно назвать «народным» и от этого его сущность изменится.

В основе «народного капитализма» в Австрии лежала теория «демократизации капиталов», согласно которой если множество людей приобретут акции, то это превратит их в «совладельцев» предприятий и придаст капиталу «демократический характер». Акции приобретались рабочими по низкой цене и приносили им, безусловно, финансовые дивиденды, но, конечно же, не могли сделать рабочих «совладельцами» предприятий, «капиталистами». Также они не могли гарантировать рабочим достойный уровень зарплаты и постоянную работу. Именно поэтому, австрийские рабочие поддерживали национализацию и госсектор в экономике страны.

В 1946 г. народная партия добилась принятия закона о распределении акций между служащими и рабочими национализируемых предприятий и сделала попытку провести таким образом данную теорию в жизнь. Но тогда этот закон не был принят и остался на бумаге.

В дальнейшем теория «демократизации капиталов» была модернизирована и австрийские «народники», поддерживаемые «правыми» социалистами, пытались выдать её за последнее слово экономической науки. По их мнению, это был тот путь, который вёл к трансформации капитализма в строй, служащий всему народу, т. е. «народный капитализм».

Немецкий экономист Гюнтер Фабиунке обращается к «Die Presse», которая по этому поводу писала: «Слово «народная акция» и в широком смысле слова «народный капитализм» означает, что каждый должен иметь возможность приобрести личное, документальное подтвержденное участие в собственности предприятия. Этим должно быть достигнуто широкое рассеивание собственности на средства производства и одновременно создана личная собственность в реальных ценностях» [7, S. 54].

Таким образом «Die Presse» пыталась выдать распространение «народных акций» за приобретение собственности на средства производства, т. е. доказать, что при покупке мелких акций работник становится собственником того или иного предприятия.

Австрийские СМИ, проанализировав мировую ситуацию, пришли к выводу, что есть только два пути развития. По мнению политического журналиста Конрада Кристиана, один путь – это «децентрализация собственности», и здесь «деньги, акционерный капитал и собственность на средства производства рассеиваются и ранее неимущие бедные классы поднимаются в среднее сословие» [5, S. 375]. В качестве примера здесь приводились Канада и США.

Другой путь – это концентрация собственности в государстве при помощи

национализации, как это было в странах народной демократии и СССР. Он вызывал неодобрение и осуждение, а социальное государство было объявлено крупнейшим монополистом.

Р. Камитц развил эту мысль, по его мнению, «с момента появления марксизма не могли себе представить другой формы участия народа во владении совместной собственностью, кроме огосударствления». Но данный путь Камитц отвергал, так как полагал, что якобы государственная собственность анонимная, потому что «государственные предприятия не принадлежат никому. Теперь найден новый путь, который якобы ведёт к подлинному совместному владению собственностью. Народной акцией последовательно осуществляется мысль дать возможность каждому гражданину, даже если он находится на нижней ступени по уровню доходов, стать совладельцем государственного или какого-либо другого предприятия. В этом собственно и заключается смысл народной акции» [4, S. 92].

Данные утверждения содержали полное непонимание действительности. Капиталистическим объявлялось социальное государство, в котором средства производства находились в общественной собственности и служили народу, а власть принадлежала рабочим. И наоборот, капиталистическое государство, основанное на частной собственности, где власть была у крупного капитала, при помощи «народных акций» превращалось в социальное. Австрийские экономисты и социологи Николаус Диммель, Юлия Хофманн и Мартин Шенк здесь в качестве доказательства приводят мнение «*Tageszeitung*»: «путём децентрализации собственности цель социализма – бесклассовое общество – более достижима, чем путём марксистской практики» [6, S. 364].

Данное новейшее «открытие» австрийских апологетов «народного капитализма» было его специфическим приспособлением к австрийским условиям, где идеи социальной справедливости

имели глубокие исторические корни в рабочей среде. Австрийские финансисты, пропагандируя «народный капитализм», пытались придать ему цели социальной справедливости и всеобщего равенства.

Подобная пропаганда являлась настоящей идеологической «ловушкой» для австрийских рабочих, с помощью которой их рассчитывали вырвать из-под влияния австромарксизма и отвлечь от борьбы за своё социальное освобождение.

Австрийские финансисты, изображая рост числа акционеров за счёт продажи «дешёвых акций» в качестве средства, способного превратить большое количество людей в собственников, преследовали далеко идущие цели. Если рабочий покупал акции, то он становился собственником, за что и против кого ему тогда надо было бороться? Против такого же собственника, как и он сам, только более богатого? Но это означало не что иное, как борьбу против самого себя.

Если «народный капитализм» ведёт к той же цели – социальной справедливости, то какой смысл бороться против социального государства? Здесь цель будет достигнута постепенно, при помощи эволюции и борьба не нужна. К подобным выводам рабочих хотели подвести проповедники «демократизации капитала».

В политическом разоружении рабочих состоял главный смысл пропаганды «народного капитализма».

Об этом писала также западная пресса. Немецкий историк Фритц Рабих приводит в качестве примера журнал «*Wirtschaftspolitische Blätter*», опубликовавший в 1957 г. статью, в которой говорилось: «По возможности более широкие круги населения должны стать «капиталистами» типа предпринимателей и научиться мыслить по-предпринимательски. Это и есть важнейшая и бесспорнейшая цель выпуска народных акций. К этому следует добавить надежду, что население, которое в большинстве своём участвует в предприятиях, проявит большее понимание задач предпринимателя. Подчас в

этом видят также возможность смягчить остроту политики заработной платы, так как в системе «народного капитализма» то, что рабочие потеряют на заработной плате, то они получают в качестве собственника капитала» [14, S. 72].

Таким образом, в журнале провозглашалась одна из задач «народного капитализма», т. е. прямое снижение заработной платы, при этом предполагалось, что если рабочим будет внушена идея о том, якобы они являются капиталистами, то это приведет к смягчению ведущейся ими борьбы. Здесь также вызывает интерес признание, согласно которому для рабочих доходы от совладения собственностью являются другой формой заработной платы. Австрийские финансисты в своем узком кругу из этого секрета не делали.

Но пропаганда «народного капитализма» преследовала не только идеологические, но и сугубо материальные цели. Главной из них была денационализация банков и государственной промышленности и дальнейшая их продажа в частную собственность. Это предполагалось осуществить с помощью выпуска так называемых «народных акций», так как купить достаточное количество акций, чтобы участвовать в управлении собственностью, рабочим было невозможно.

Например, ещё в феврале 1956 г. «*Tagesszeitung*» писала, что «конец периода ортодоксальной национализации будет положен предложением о «народной акции» [8, S. 95]. Подобную же мысль высказал также «*Wirtschaft*» – орган Экономического союза Австрийской народной партии (АНП): «Чем больше в какой-либо стране прямо или косвенно принадлежит государству, тем важнее функции «народной акции» для реприватизации экономики. Кто этого действительно хочет, тот должен быть за «народную акцию»».

«Народная акция» представлялась в качестве альтернативы национализации при помощи осуществления такого пути

экономического развития, который якобы должен был принести все блага рабочим.

Заключение

Австрийская народная партия в осуществление программы национализации выдвинула ряд предвыборных требований, которые, в основном, носили практический характер. Главными из них были:

1. воспрепятствование расширению национализированного сектора, так как якобы он финансовым бременем ложился на государство;

2. ликвидация монопольного характера производства материалов и основного сырья национализированной промышленности;

3. сложение с соответствующего министерства ответственности за общее руководство национализированными предприятиями и возложение её на специально для этого созданные холдинговые общества. Руководство на государственных предприятиях не должно сосредотачиваться в одних руках и их не следует рассматривать как единое экономическое целое;

4. изъятие прав на акции государственных предприятий, которые создавались при помощи собственности правительства и государства и сосредоточение их в специально созданных для этого генеральных собраниях. Функции генерального собрания предполагалось возложить на организации крупного капитала, т. е. торговые палаты;

5. денационализация торговых обществ, предметов потребления, предприятий обрабатывающей промышленности и банков;

6. распродажа прочих акций при сохранении контрольного пакета в остальных предприятиях с предоставлением служащим и рабочим денационализированных предприятий права преимущественной покупки [10, S. 45].

С этой целью АНП предлагала произвести учёт всех электростанций и обществ, подчиненных нефтяному управле-

нию, а также обществ, которые согласно закону 1946 г. были национализированы, но их правовая структура была не установлена, а также предприятий, находившихся в немецкой собственности. Австрийский исследователь Дитмар Хальпер полагает, что те предприятия, которые не были акционерными, должны были быть преобразованы в акционерные компании для дальнейшего выпуска ими «народных акций» [9, S. 52].

Развернув активную пропагандистскую кампанию, в которой главной целью была травля министра К. Вальдбруннера, а также критика работы министерства транспорта, связи и национализированных предприятий, народная партия рассчитывала провести свои планы в жизнь и одержать на выборах решительную победу. На предвыборную кампанию были выделены огромные средства.

Но добиться решающего успеха АНП не удалось. Немалую роль в этом сыграла

её аморфная предвыборная программа.

Народная партия не сумела получить абсолютного большинства мандатов и голосов. По существу, количество депутатов – сторонников национализации (коммунисты и социалисты) и их противников (Освободительная партия Австрии и АНП) осталось прежним.

Таким образом, австрийским финансовым кругам полностью провести свою программу в жизнь не удалось. Но народная партия сумела осуществить ряд мероприятий, которые существенно подорвали национализированный сектор и усилили его подчинение финансовому капиталу. Это стало возможно благодаря тому, что лидеры Социалистической партии Австрии (СПА) были растеряны, а правые социалисты не хотели прекращать свои отношения с промышленниками и непосредственно обратиться к рабочим слоям.

Статья поступила в редакцию 25.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Вититнев С. Ф. Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции: дис. ... док. ист. наук. М., 2004 г., 592 с.
2. Жиряков И. Г. Европейское сообщество и Совет экономической взаимопомощи в 70-е г. XX в. в контексте отношений Запад – Восток. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 59–68.
3. Жиряков И. Г. Февральские события 1934 г. в Австрии: последняя попытка восстановить демократическую форму управления в Первой Австрийской Республике. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2010. № 2. С. 42–50.
4. Becker, T. Die Entwicklung gemeinschaftlichen Eigentums. Graz; Oktober 2017, 197 Bl.
5. Conrad, Christian A. Wirtschaftspolitik: eine praxisorientierte Einführung. Wiesbaden: Springer Gabler; 2017, 437 S.
6. Dimmel, N., Hofmann, J., Schenk, M., Schürz, M. Handbuch Reichtum: neue Erkenntnisse aus der Ungleichheitsforschung. Innsbruck: StudienVerlag; 2017, 505 S.
7. Fabiunke, G. Der "Volkskapitalismus" in Theorie und Praxis: Unter besonderer Berücksichtigung des gegenwärtigen Standes d. Eigentumsdebatte in Westdeutschland. 2. Aufl. Berlin: Dietz; 1958, 74 S.
8. Gmoser, R. Auf dem Weg zum Volkskapitalismus? Wien: Verl. des Österr. Gewerkschaftsbundes; 1970, 142 S.
9. Halper, D. Werte und Grundsätze der ÖVP: woher wir kommen, wer wir sind, wohin wir gehen. 4. durchgesehene Auflage. Wien: Verlag noir; 2017, 128 S.
10. Halper, D., Moser-Sollmann, C. Werte und Grundsätze der Volkspartei: woher wir kommen, wer wir sind, wohin wir gehen. 5. durchgesehene und ergänzte Auflage. Wien: Verlag noir; 2018, 94 S.
11. Kozlik, A., Jilg, M. Volkskapitalismus: jenseits der Wirtschaftswunder. Wien; 1968, 400 S.
12. Müller, T., Wimmer, N. Wirtschaftsrecht: international – europäisch – national. 3. Auflage. Wien: Verlag Österreich; 2018, 662 S.
13. Neudeck, W. Volkskapitalismus: Entstehungsbedingungen und Realisierungsprobleme eines wirtschaftspolitischen Ideals. Wien, 1980, 193 Bl.
14. Rabich, F. Der Weg zum Volkskapitalismus. 1. Aufl. Düsseldorf: Econ-Verl.; 1957, 94 S.

REFERENCES

1. Vititnev S. F. *Ekologicheskoe dwizenie v FRG: genesis, ideologija, funkzii: diss. ... dokt.ist.nauk* [Environmental movement in Germany: Genesis, ideology, functions: D. thesis in History]. Moscow, 2004. 592 p.
2. Zhiryakov I. G. [The European Community and the Council for Mutual Economic Assistance in the 70s of the twentieth century in the context of West-East relations]. In: *Vestnik Moscovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki*. [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences], 2012, no. 4, pp. 59–68.
3. Zhiryakov I. G. [February events of 1934 in Austria: the last attempt to restore a democratic form of government in the First Austrian Republic]. In: *Vestnik Moscovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Istorija i politologija* [Bulletin of the Moscow State University for the Humanities named after M. A. Sholokhov. History and Political science], 2010, no. 2, pp. 42–50.
4. Becker, T. Die Entwicklung gemeinschaftlichen Eigentums. Graz, Oktober 2017. 197 bl.
5. Conrad, Christian A. *Wirtschaftspolitik: eine praxisorientierte Einführung*. Wiesbaden, Springer Gabler Publ., 2017. 437 s.
6. Dimmel, N., Hofmann, J., Schenk, M., Schürz, M. *Handbuch Reichtum: neue Erkenntnisse aus der Ungleichheitsforschung*. Innsbruck, StudienVerlag Publ., 2017. 505 s. 7. Fabiunke, G. *Der "Volkskapitalismus" in Theorie und Praxis: Unter besonderer Berücksichtigung des gegenwärtigen Standes d. Eigentumsdebatte in Westdeutschland*. 2. Aufl. Berlin, Dietz Publ., 1958. 74 s.
8. Gmoser, R. *Auf dem Weg zum Volkskapitalismus?* Wien, Verl. des Österr. Gewerkschaftsbundes Publ., 1970. 142 s.
9. Halper, D. *Werte und Grundsätze der ÖVP: woher wir kommen, wer wir sind, wohin wir gehen*. 4. durchgesehene Auflage. Wien, Verlag noir Publ., 2017. 128 s.
10. Halper, D., Moser-Sollmann, C. *Werte und Grundsätze der Volkspartei: woher wir kommen, wer wir sind, wohin wir gehen*. 5. durchgesehene und ergänzte Auflage. Wien, Verlag noir Publ., 2018. 94 s.
11. Kozlik, A., Jilg, M. *Volkskapitalismus: jenseits der Wirtschaftswunder*. Wien, 1968. 400 s.
12. Müller, T., Wimmer, N. *Wirtschaftsrecht: international - europäisch - national*. 3. Auflage. Wien, Verlag Österreich Publ., 2018. 662 s.
13. Neudeck, W. *Volkskapitalismus: Entstehungsbedingungen und Realisierungsprobleme eines wirtschaftspolitischen Ideals*. Wien, 1980. 193 bl.
14. Rabich, F. *Der Weg zum Volkskapitalismus*. 1. Aufl. Düsseldorf, Econ-Verl. Publ., 1957. 94 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козьякова Наталья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya S. Koz'yakova – Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козьякова Н. С. Политический бренд «народного капитализма» во Второй Австрийской Республике (1950–1960) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 125–132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-125-132

FOR CITATION

Koz'yakova N. S. The political brand of people's capitalism in the Second Republic of Austria (1950–1960s). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 125–132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-125-132

УДК – 94(510) (091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-133-141

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КНР В ПЕРИОД 1978–1999 гг.: УСИЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ НЕРАВНОМЕРНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Макеева С. Б.

*Институт демографических исследований Федерального научного-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН)
119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, кор. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть условия и причины возникновения неравномерности и диспропорциональности в развитии регионов КНР в период с 1978 по 1999 г.

Процедура и методы. Исторический подход и сравнительно-исторический метод.

Результаты. Региональная история КНР в период с 1978 по 1999 г. сопровождалась поэтапными изменениями и ускорением развития восточных прибрежных районов. Восточный регион достиг более быстрого развития, стимулируя экономическое развитие страны, но в то же время это несбалансированное региональное развитие объективно усугубило дисбаланс между Востоком и Западом Китая.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования будут полезны при изучении исторического опыта Китая в решении проблем неравномерности и диспропорциональности регионального развития.

Ключевые слова: КНР, региональная история, стратегия регионального развития, неравномерность, диспропорциональность, политика «реформ и открытости»

REGIONAL HISTORY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA DURING 1978–1999: STRENGTHENING TENDENCIES OF UNEVEN REGIONAL DEVELOPMENT

S. Makeeva

*Institute of Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)
6, kor.1, Fotievoi ul., Moscow 119333, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the conditions and reasons for uneven and disproportional development of China's regions during the 1978–1999 period

Methodology. The historical approach and the methods of comparative historical analysis were used.

Results. From 1978 to 1999, the regional history of the People's Republic of China was accompanied by gradual changes and accelerated development of the eastern coastal regions. The eastern regions demonstrated an accelerated development, stimulating the country's economy as a whole. However, this unbalanced regional development exacerbated the existing imbalance between Eastern and Western China.

Research implications. The results of the study can be useful for studying the historical experience of China and solving the problems of uneven and disproportional regional development.

Keywords: China, regional history, regional development strategy, unevenness, disproportionality, “reform and openness” policy

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование» №20-014-00010.

ACKNOWLEDGMENTS

The research was carried out with the financial support of the RFBR grant. Project "The impact of uneven development of the regions of Russia and China on interregional bilateral cooperation: a comparative historical study" No. 20-014-00010.

Введение

Исследование региональной истории КНР неразрывно связано с анализом тех стратегий пространственного развития, которые реализовывались в определённый период времени и играли активную роль в формировании системы китайской региональной экономики. Целью данной статьи является рассмотрение условий и причин возникновения неравномерности и диспропорциональности в ходе региональной истории КНР в период реализации несбалансированной стратегии развития китайских регионов с 1978 по 1999 г. Исторический подход позволяет выявить не только преимущества стратегий регионального развития, но и определить проблемы, зародившиеся в тех или иных условиях. Поэтому стратегии регионального развития, реализовывавшиеся в различные периоды времени, необходимо изучать и оценивать с учётом особых исторических условий того времени. Это будет полезно для объективного анализа современных актуальных региональных проблем и обобщения исторического опыта и уроков решения сложных вопросов, связанных с развитием региональной экономики. Применение сравнительно-исторического метода исследования позволяет проанализировать региональную историю Китая и правильно выделить положительные и отрицательные последствия реализации стратегии регионального развития.

Анализ региональной истории КНР после начала реализации политики «реформ и открытости» с 1978 г. показывает, что стратегии регионального простран-

ственного развития разрабатывались и применялись, учитывая изменения экономической ситуации в стране и за рубежом. Как отмечают китайские эксперты и аналитики в области региональной истории и экономики Чжан Цзяньхуа и Гао Цзюнь: «Экономическая система, руководящая идеология и политика Коммунистической партии Китая постоянно корректируются, поэтому традиционная стратегия, сыгравшая важную роль в конкретный исторический период, неизбежно будет заменена новой стратегией развития, адаптированной к ситуации в стране и за рубежом» [9, р. 133]. В ходе реализации политики «реформ и открытости» наиболее важной функцией стратегии регионального развития являлась функция последующего влияния на все сферы региональной экономики КНР, которая выражалась в двух измерениях. Во-первых, Китай стремился достичь уровня экономического роста развитых стран мира, во-вторых, внутренние менее развитые регионы Китая стремились достичь уровня развитых прибрежных восточных и юго-восточных районов. В первом случае разбирается вариант реализации приоритетной стратегии развития восточных прибрежных районов с 1978 г., благодаря которой общий уровень развития страны догоняет развитые страны мира, а второй случай нашёл выражение в стратегии развития Западного региона КНР, предложенной центральным правительством в 1999 г. [1, с. 103].

Значительное влияние на ход региональной истории КНР и реализацию стратегии несбалансированного регио-

нального развития (1978–1999 гг.) оказали общие изменения в международной обстановке. С одной стороны, с урегулированием международных политических отношений в 1970-х гг. «мир и развитие» стали двумя главными темами на мировой арене. В отношении вопроса о войне и мире Дэн Сяопин отмечал: «Опасность мировой войны всё ещё существует, но рост мировых миротворческих сил превышает рост военных сил... Можно предотвратить крупномасштабные мировые войны в течение длительного периода времени. Есть надежда на мир во всём мире» [3, р. 130]. Смена актуальной тематики того времени предоставила Китаю благоприятные международные условия для развития экономических и торговых отношений с другими странами мира, а также обеспечила предпосылки и основу для корректировки региональной стратегии экономического развития.

С другой стороны, в конце 1970 – начале 1980-х гг. новая технологическая революция в мире находилась на подъёме, и статус экономики, науки и техники в мировой конкуренции становился всё более заметным, что создавало редкие возможности и условия для экономического и социального развития Китая. Дэн Сяопин отмечал, что «великий поворотный момент в мире сейчас – это возможность». «Есть противоречия, которые могут быть использованы в нашей стране, условия, которые нам благоприятны, возможности существуют, и проблема заключается в том, чтобы хорошо их использовать» [1, с. 354–369]. Перед лицом таких возможностей и корректировок выбор стратегии регионального экономического развития КНР в конце 1970 – начале 1980-х гг. ориентировался на регулирование региональной экономики в соответствии с общей тенденцией мирового экономического развития и стремлениями Китая ускорить процесс модернизации.

Переход к реализации несбалансированной стратегии регионального развития КНР

До начала реализации политики «реформ и открытости» сбалансированная стратегия регионального развития КНР осуществлялась в рамках высокоцентрализованной плановой экономической системы. Что касается распределения ресурсов, реализация стратегии в основном опиралась на директивные планы по формулированию целей регионального развития. Китайское правительство централизованно управляло распределением экономических ресурсов по всей стране, ограничивая развитие некоторых регионов с помощью принудительных административных мер, что впоследствии привело к огромным экономическим потерям. После начала реализации политики «реформ и открытости» с 1978 г. роль рынка в распределении экономических ресурсов стала всё более очевидной. Рыночный механизм способствовал использованию региональных сравнительных преимуществ и оптимизации макроэкономики, но при этом региональный разрыв экономического развития продолжал увеличиваться. Таким образом, механизм регулирования региональной экономики в условиях отдельно плановой экономики и рыночных отношений не способствовал скоординированному региональному развитию КНР, и только путём объединения этих двух факторов в ходе реализации политики «реформ и открытости» открываются возможности для реализации согласованной стратегии регионального экономического развития. Современные китайские ученые специалисты в области региональной истории, региональной экономики и пространственного развития КНР Гао Цзюнь, Сюй Голи, Сюй Цюся, Сяо Цзиньчэн, Чжан Цзяньхуа, Чжао Цзяолун: комплексно анализируют период реализации несбалансированной стратегии регионального развития (1978–1999 гг.), выделяя как по-

ложительные, так и негативные последствия реализации данной стратегии.

Китай обладает значительной по размерам территорией, и поэтому существуют определённые различия в обеспеченности ресурсами в отдельных китайских регионах. Поэтому и условия для социально-экономического развития в разных регионах Китая неодинаковы. Согласно утверждениям Дэн Сяопина, КПК после 1978 г. предлагает несбалансированную региональную экономическую стратегию развития, в которой приоритетное значение отводится развитию прибрежных районов. Как показывает анализ положений шестого пятилетнего плана КНР (1981–1985 гг.), «существующие экономические преимущества прибрежных районов должны активно использоваться для того, чтобы в полной мере применять их сильные стороны и стимулировать дальнейшее развитие экономики материкового Китая».

Седьмой пятилетний план экономического и социального развития КНР, принятый в 1986 г., чётко поставил задачу градиентного развития региональной экономики и разделил Китай на три экономические зоны, а именно прибрежный регион Восточного Китая, внутренний регион Среднего Китая и Западный Китай [4, р. 108]. Согласно данным седьмого пятилетнего плана, «Китай следует разделить на три экономические зоны на Востоке, в Центре и на Западе с учётом уровня экономического и технологического развития, географического положения и целостности административно-территориального деления». Восточный Китай, включающий провинции Ляонин, Хэбэй, города Пекин и Тяньцзинь, провинции Шаньдун, Цзянсу, город Шанхай, провинции Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Хайнань, Гуанси-Чжуанский автономный район, районы центрального подчинения и автономные районы, – это регион с самой высокой плотностью населения и концентрацией экономики, с сильной и развитой рыночной экономикой. Сред-

ний Китай, охватывающий провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, автономный район Внутренняя Монголия, провинции Шаньси, Хэнань, Хубэй, Хунань, Аньхой, Цзянси и некоторые автономные районы, – это регион с относительно развитой экономикой и относительно высокой плотностью населения. Западный Китай, включающий провинции Сычуань (в том числе город центрального подчинения Чунцин), Гуйчжоу, Юньнань, Цинхай, Шэньси и Ганьсу, Тибетский автономный район, Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы, – это слабо-заселённый регион с относительно отсталой экономикой [2, с. 287].

Стратегия разделения Китая на три экономические зоны по-прежнему была ориентирована на развитие прибрежных районов Восточного Китая при развитии инфраструктуры и реализации ключевых проектов в Среднем Китае и подготовке масштабного развития Западного Китая. Следовательно, в течение 1980-х гг. до середины и конца 1990-х гг., Китай в целом осуществляет несбалансированную региональную экономическую стратегию развития. Данная стратегия разделения территории КНР на три основные зоны усилила диспропорциональные тенденции в китайской региональной экономике.

Последствиями стратегических преобразований в области регионального развития КНР в ходе шестой и седьмой пятилеток было принятие ряда политических мер по содействию приоритетному развитию восточных прибрежных районов КНР. Во-первых, государство направляет все усилия на строительство особых экономических зон, развитие отраслей промышленности в прибрежных городах и портах, предоставляя преференциальный режим этим районам с точки зрения финансов, налогообложения, кредитов и инвестиций. Во-вторых, начинается реализация политики открытости прибрежных районов Китая. В июле 1979 г. ЦК КПК и Государственный совет КНР официально утвердили провинции Гуандун и

Фуцзянь для осуществления специальной политики и гибких мер во внешнеэкономической деятельности. В начале 1984 г. центральное правительство решило открыть прибрежные портовые города: Дальянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжаныцзян и Бэйхай. С начала 1985 г. по конец 1987 г. Государственный совет принял решение об открытии дельты реки Чжуцзян, дельты реки Янцзы, полуострова Шаньдун и полуострова Ляодун в качестве открытых прибрежных экономических зон. Эти особые зоны и города имели лидирующие преимущества с точки зрения промышленности, сельского хозяйства и транспорта. В июне 1990 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет официально одобрили разработку и открытие нового района Пудун в Шанхае и осуществление политики преференций для определенных особых экономических зон. Что касается финансирования, с 1981 по 1985 гг. инвестиции в промышленное капитальное строительство в 11 провинциях, автономных районах вдоль восточного побережья увеличились с 40,4% до 46,0% [5, р. 380]. Создание особых экономических зон в Китае являлось важной мерой для содействия политике «реформ и открытости», способствующей модернизационным изменениям КНР путём стимулирования экспорта, привлечения иностранных инвестиций и технологий. Благодаря внедрению и освоению иностранных инвестиций и технологий, прибрежные районы Китая ориентировались на опыт управления передовыми зарубежными регионами в процессе ускорения технологических преобразований и промышленной реструктуризации существующих предприятий. Прибрежные районы поддерживали экспортную торговлю, активно развивая перерабатывающие отрасли и способствуя производству сельскохозяйственной продукции за счёт развития перерабатывающих отраслей и

постепенно формируя интегрированную промышленную структуру «промышленность – индустрия – сельское хозяйство» [8, р. 20]. Прибрежные районы стали важной силой, способствующей быстрому развитию национальной экономики Китая.

Позитивные и негативные последствия реализации несбалансированной стратегии регионального развития КНР

Стратегия несбалансированного регионального развития КНР, реализовываемая с начала политики «реформ и открытости» и до 1990-х гг., сыграла тогда позитивную роль, но также имела негативные последствия, которые нельзя игнорировать. Позитивное влияние несбалансированной стратегии регионального развития проявляется в следующем: во-первых, развитие прибрежных районов, особенно юго-восточных прибрежных развивающихся промышленных зон, способствовало формированию всеобъемлющей модели открытости Китая и китайской экономики в условиях реформирования рынков сбыта. Во-вторых, Восточный регион занял лидирующее положение в региональном развитии, что сделало прибрежные районы наиболее динамично развивающимися районами с быстрым экономическим ростом и максимально повысило общую эффективность национальной экономики. В период шестой пятилетки годовой темп роста ВВП страны достиг более 9%, что почти вдвое больше, чем в период осуществления предыдущих пятилеток. В период седьмой пятилетки бурное развитие восточных прибрежных районов стало главной движущей силой быстрого роста всей национальной экономики Китая. В период с 1979 по 1988 гг. ВВП Китая рос в среднем на 9,6% в год, превышая среднегодовой темп роста в 6,1% с 1953 по 1978 г., что намного выше, чем среднегодовой рост в большинстве стран мира. В-третьих, приоритетное развитие Восточного региона

в определённой степени оказало влияние на Центральный и Западный регионы Китая. В период с 1952 по 1978 г. среднегодовые темпы роста ВВП (национального дохода) на душу населения в Восточном, Центральном и Западном регионах составляли соответственно 4,63%, 2,92% и 3,53%. С 1978 по 1992 г. среднегодовые темпы роста увеличились до 8,28%, 6,73% и 7,1% соответственно [5, р. 380]. Стратегия несбалансированного регионального экономического развития способствовала развитию восточных прибрежных районов и содействовала продвижению политики «реформ и открытости» и созданию новой социалистической системы рыночной экономики.

Как отмечают китайские ученые Сюй Голи и Сюй Цюся, несбалансированная стратегия регионального развития КНР также имела негативные последствия, которые нельзя игнорировать. Во-первых, реализация данной стратегии увеличила разрыв в региональном экономическом развитии. С 1980 по 1991 г. доля общего производства в Восточном регионе Китая выросла с 52,9% до 58,5%, в то время как в Центральном регионе она снизилась с 31,4% до 26,6%, а в Западном регионе сократилась с 15,7% до 14,0% [7, р. 310–311]. Во-вторых, меры по реализации несбалансированной стратегии развития региональной экономики были несовершенны, что неизбежно привело к конфликту интересов между регионами, чрезмерному стремлению к экономическому росту и последующему пренебрежению нормами защиты ресурсов и окружающей среды. После начала политики «реформ и открытости» реализация стратегии несбалансированного регионального развития привела к тому, что национальная экономика Китая росла со скоростью более 12% в течение 1980-х гг. и не менее 8% в 1990-е гг. Это главным образом было связано с более высоким уровнем роста в Восточном регионе. В то же время из-за «сдвига на Восток» в центре экономического развития страны абсолютный и относительный

разрыв между Восточным регионом, Центральным и Западным регионами быстро увеличился. В 1978 г. абсолютные различия в ВВП на душу населения между Восточным Китаем, Центральным и Западным регионами составляли 153,6 юаня и 212,9 юаня соответственно, а к 1990 г. они увеличились до 700,1 юаня и 885,8 юаня соответственно, а в 1998 г. – до 4270 юаней и 5490,9 юаня [5, р. 399].

Таким образом, период реализации стратегии несбалансированного регионального развития был самым быстрым периодом для экономического роста Китая, но он также был самым быстрым периодом в процессе увеличения региональных различий и принес ряд противоречий и проблем, которые было трудно преодолеть в то время. Реализация несбалансированной стратегии регионального развития в КНР после 1978 г. сыграла определяющую роль в том, что прибрежные районы превратились в наиболее динамично развивающиеся районы с быстрым экономическим ростом и определяющим общую эффективность национальной экономики. В ходе осуществления политики «реформ и открытости» в 1980-х гг. производственные факторы, такие, как капитал и рабочая сила из Центрального и Западного регионов «перетекают» в Восточный регион, кроме того, цены на энергоносители и сырьё были необоснованными, а строительство инфраструктуры в Центральном и Западном регионах было слабым. А отсутствие тесных внутренних межрегиональных связей и практики межрегионального сотрудничества привело к дальнейшему увеличению экономического разрыва в трёх основных регионах: Востоке, Центральной части и Западе КНР. В целом несбалансированная стратегия регионального развития в значительной степени способствовала экономическому развитию Китая, но при этом возникли проблемы, связанные с диспропорциональностью региональной экономики, которые впоследствии явились предпо-

сылками и возможностями для реализации скоординированной стратегии регионального развития в середине – конце 1990-х гг. Поэтому, начиная с периода реализации девятого пятилетнего плана, китайское руководство начинает рассматривать варианты решения проблемы усиления региональных различий.

17 марта 1996 г. на Четвёртом съезде Восьмого всекитайского собрания народных представителей был принят Девятый пятилетний план экономического и социального развития КНР и план на долгосрочную перспективу до 2010 г. [6, р. 1–3]. В целях достижения скоординированного регионального развития на основе существующего экономического плана в период девятой пятилетки китайское руководство пыталось следовать законам рыночной экономики, поддержанию неотъемлемых межрегиональных экономических связей и учёту комплексной физико-географической характеристики каждого участка территории КНР, опираясь на центральные города и транспортные коридоры по всей стране [10, р. 121]. В девятом пятилетнем плане отмечалось, что необходимо выйти за рамки границ административного деления и постепенно образовать семь экономических зон, на основе существующей экономической планировки.

Семь экономических зон – это:

1. Дельта реки Янцзы и Район вдоль реки Янцзы, включая провинции Цзянсу, Чжэцзян и город Шанхай: согласно указаниям правительства, необходимо сформировать интегрированную экономическую зону по направлениям восток – запад и север – юг, опираясь на крупные и средние города, расположенные вдоль реки Янцзы.

2. Район Бохайского залива, охватывающий города Пекин и Тяньцзинь, провинции Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Ляонин и автономный район Внутренняя Монголия: согласно указаниям правительства, необходимо сформировать зону экономической интеграции в рай-

оне Бохайского залива с доминирующей ролью Ляодунского и Шаньдунского полуостровов и региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, опираясь на крупные и средние города прибрежных областей.

3. Юго-Восточные прибрежные районы, охватывающие провинции Гуандун, Фуцзянь и Хайнань: согласно указаниям правительства, здесь необходимо формирование экспортоориентированной развитой экономической зоны, главную роль в которой играют дельта реки Чжуцзян и юго-восточная часть провинции Фуцзянь.

4. Часть провинций в Юго-Западном и Южном Китае: согласно указаниям правительства, здесь необходимо сформировать национальную энергетическую базу, развивать производство цветного металла, фосфора и серы, выращивать тропические и субтропические культуры и развивать туризм, опираясь на существующие преимущества данных территорий.

5. Северо-Восточный Китай: здесь правительство требует сформировать национальную базу предприятий тяжелой химической промышленности и национальную базу сельского хозяйства.

6. Пять провинций Среднего Китая: согласно указаниям правительства, здесь необходимо сформировать основу сельского хозяйства, сырьевую базу, базу для промышленного производства и производства машин и оборудования и новый «экономический пояс».

7. Северо-Западный Китай: правительство требует формирования в данной зоне национальной базы для производства хлопка и продукции животноводства, нефтяной и химической промышленности, цветных металлов, а также энергетической базы с опорой на региональные преимущества Восточной Азии и Центральной Азии [2, с. 218].

Таким образом, девятый пятилетний план был ориентирован на создание экономических зон в дельте реки Янцзы и вдоль Бохайского залива, вдоль юго-восточной прибрежной зоны, в некоторых провинциях и автономных районах на

юго-западе и юге Китая, в пяти провинциях в Центральном Китае, на северо-востоке Китая и на северо-западе Китая. Эти экономические зоны географически переплетались, а границы были несколько размыты, и они полностью не охватывали всю территорию страны. Согласно теории экономического зонирования, разделение этих экономических зон имело очевидные переходные характеристики. Хотя это разделение подчеркивало роль региональных экономических центров на практике, но Китай всегда использовал провинцию в качестве единицы для управления экономикой. Поэтому экономические зоны, которые нарушали административное деление, играли только определённую роль в региональной экономике. С 2000 г. разделение таких экономических зон редко упоминалось китайскими правительственными и научными кругами. Реализация с конца 1990-х гг. скоординированной стратегии развития регионов позволила начать борьбу с неравномерным региональным развитием и устранением диспропорциональных тенденций в региональной экономике КНР. При этом китайское правительство продолжало играть ведущую роль в области макроэкономического регулирования и контроля регионального экономического развития. При условии соблюдения объективных законов рыночной экономики, китайское руководство координировало региональную политику, способствуя рациональному разделению труда и скоординированному экономическому развитию регионов.

Заключение

Региональная история КНР в период с 1978 по 1999 г. сопровождалась поэтапными изменениями, связанными с проводимыми реформами в стране и политикой открытости. Региональная экономическая политика и политика реформ в стране значительно сместились на восток, что ускорило развитие восточных прибрежных районов. Эта преференциальная политика в основном была отражена в следующих четырех аспектах: в Восточном регионе последовательно были созданы 5 особых экономических зон, 14 прибрежных открытых городов, 260 прибрежных зон экономического развития и 26 экономических и технологических зон. Эти районы пользовались в той или иной степени особыми привилегиями в таких областях, как финансы, налогообложение, полномочия по принятию инвестиционных решений, внешняя торговля и право использовать иностранные инвестиции. Восточный регион достиг более быстрого развития, стимулируя экономическое развитие страны. Но в то же время это несбалансированное региональное развитие объективно усугубило дисбаланс между востоком и западом Китая. На фоне растущих региональных различий межрегиональные противоречия усилились. По этой причине с 1990-х гг. центральное правительство КНР внесло значительные коррективы в региональную политику.

Статья поступила в редакцию 22.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Макеева С. Б. Проблемы регионального развития КНР в работах китайских ученых-экономистов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. С. 101–106.
2. Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая / под науч. рук. В. А. Ильина, А. А. Шабуновой, К. А. Гулина, Д. Мао. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, 2017. 402 с.
3. 邓小平. «解放思想, 实事求是, 团结一致向前看», 邓小平文选, 第2卷, 北京: 人民出版社1994年版, 第520页.
4. 中华人民共和国大间史: 1949–2019. 北京当代中国出版社. 2019. 194页.
5. 辉煌70年: 新中国经济社会发展成就: 1949–2019. 北京: 中国统计出版社. 2019. 474页.

6. 徐国利. 区域史研究中的一个基本理论问题:区域史的定义及其区域的界定和选择 //豆瓣小组. <https://www.douban.com/group/topic/20650662/>
7. 许秋霞. 中国区域经济发展不平衡问题研究综述 //人力资源管理. 2017. pp. 310–311.
8. 肖金成. 从区域非均衡发展到区域协调发展 - 中国区域发展40年 // 区域经济评论. 2019. 1期. 页 13–24.
9. 张荐华, 高军. 中国改革开放40年中的区域经济发展不平衡问题与对策研究 // 当代经济管理. 2019. No. 1673–0461. 页. 132–141.
10. 赵蛟龙. 区域发展战略对区域经济差距的影响分析. 北京, 2015. 331 页.

REFERENCES

1. Makeeva S. B. [Problems of regional development of China in the works of Chinese economists]. In: *Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: history and prospects of cooperation]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2019. pp. 101–106.
2. Il'ina V. A., Shabunovoj A. A., Gulina K. A., Mao D., scien. ed. *Ekonomicheskoe razvitie regionov: opyt Rossii i Kitaja* [Economic development of regions: the experience of Russia and China]. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 402 p.
3. 邓小平. «解放思想, 实事求是, 团结一致向前看», 邓小平文选, 第2卷, 北京: 人民出版社1994年版, 第520页.
4. 中华人民共和国大间史: 1949–2019. 北京当代中国出版社. 2019. 194页.
5. 辉煌70年: 新中国经济社会发展成就: 1949–2019. 北京: 中国统计出版社. 2019. 474页.
6. 徐国利. 区域史研究中的一个基本理论问题:区域史的定义及其区域的界定和选择 //豆瓣小组. <https://www.douban.com/group/topic/20650662/>
7. 许秋霞. 中国区域经济发展不平衡问题研究综述 //人力资源管理. 2017, pp. 310–311.
8. 肖金成. 从区域非均衡发展到区域协调发展 - 中国区域发展40年 // 区域经济评论. 2019. 1期. 页 13–24.
9. 张荐华, 高军. 中国改革开放40年中的区域经济发展不平衡问题与对策研究 // 当代经济管理. 2019. No. 1673–0461. 页. 132–141.
10. 赵蛟龙. 区域发展战略对区域经济差距的影响分析. 北京, 2015. 331 页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макеева Светлана Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела георбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований Федерального научного-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН);

e-mail: msbmag9581@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana B. Makeeva – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading researcher of the Department of Geo-Urban Studies and Spatial Demography, Institute of Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS);

e-mail: msbmag9581@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ/

Макеева С. Б. Региональная история КНР в период 1978–1999 гг.: усиление тенденций неравномерного регионального развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 133–141.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-133-141

FOR CITATION

Makeeva S. B. Regional history of the Peoples' Republic of China during 1978–1999: Strengthening tendencies of uneven regional development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 133–141.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-133-141

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-142-151

THE ROLE OF THE VISEGRAD GROUP IN THE EU INTEGRATION

Višňovský R.*Saint-Petersburg State University**7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, Russian Federation***Abstract**

Aim. To analyse the effectiveness of the Visegrad Group within the EU and its role in the regional cooperation in order to understand whether this group can serve as a proper model for European integration.

Methodology. The research was conducted using the methods of qualitative research, content and discourse analysis of primary and secondary sources, and case study. The basis of qualitative research was formed by an analysis and interpretation of single treaties, declarations and other decisions made by the Visegrad Group throughout its functioning, which have had an important impact on the development of the region, single countries and the EU as a whole.

Results. The findings confirmed that regional cooperation in a specific format is beneficial for the application of democratic principles during the process of regime transition. In addition, such a partnership is helpful in encouraging, developing and implementing projects representing common interests.

Research implications. This research contributes to the studies of Central and Eastern Europe and can serve as a case study in the research of regional cooperation. From a practical perspective, the findings can be used to forecast possible cooperation and development in certain spheres of the studied region, which can be beneficial, e.g. when designing specific policies towards the Visegrad Group

Keywords: Visegrad Group, Central Europe, European integration, EU, NATO, regional cooperation

РОЛЬ ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В ИНТЕГРАЦИИ ЕС

Р. Вишнёвский*Санкт-Петербургский государственный университет**199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Проанализировать деятельность Вышеградской группы в рамках ЕС и её роль в развитии регионального сотрудничества. Выяснить, может ли она стать моделью для европейской интеграции.

Процедура и методы. Исследование основано на комплексном и дискурсивном анализе договоров, деклараций и других документов, принятых Вышеградской группой на протяжении всей её деятельности.

Результаты. Сделан вывод, что региональное сотрудничество в определенном формате выгодно для применения демократических принципов в процессе смены режима. Кроме того, такое партнерство помогает стимулировать, развивать и продвигать проекты, представляющие общий интерес.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение регионального сотрудничества в Центральной и Восточной Европе. С практической

точки зрения они позволяют прогнозировать тенденции развития в определенных сферах изучаемого региона, что может быть полезным, к примеру, для выработки конкретной политики по отношению к Вышеградской группе.

Ключевые слова: Вышеградская группа, Центральная Европа, Европейская интеграция, ЕС, НАТО, региональное сотрудничество

Introduction

The main aim of this article is to analyze the development of the Visegrad Group, its efficiency, and its role in the integration process, while the paper works with the question whether this regional cooperation can serve as a relevant model of successful European integration to follow? For this purpose, the analysis is based on research of primary sources as official documents issued by the Visegrad member countries, nevertheless, the paper works also with the secondary sources like articles of various scholars, who significantly contributed to the research of the Visegrad region. Important research on European integration and Visegrad countries is made by Martin Dangerfield (2009) in his article *The Contribution of the Visegrad Group to the European Union's "Eastern" Policy: Rhetoric or Reality?* In his article, Dangerfield is analyzing the development and the role of Visegrad in the EU until the first important inputs of the Visegrad members to the EU agenda, however, the article lacks the more up to date research on the contribution of Central European countries to the politics of EU and its further integration. The analysis of Jennifer Shea and Christoph Stefes (2002) *EU integration of the Visegrad Countries* richly documents the transition process, obstacles, and the developments made between the four European countries and the EU during the integration of process, what serves as a fruitful source for historical perspective and proposes alternatives, but it could not predict the fulfilling of integration process efficiently. A different perspective on the development of the Visegrad Group and its role in the EU integration provides the research of Martin Hudec (2016) in the *Development of the Visegrad Group in the Context of Efforts to Accelerate the Convergence Processes by Joining the European Union*.

Hudec is analyzing the development in the Visegrad countries after the fall of the communist regimes and further compares their preparation procedures and factors influencing the EU integration way, while concludes with the advantages and assets of such cooperation in relation: EU – Visegrad, and vice versa. Following the publication edited by Wojciech Gizicki (2012) – *Political Systems of Visegrad Countries*, one can establish rich insight with respect to the foundation of legislative, constitutional and executive power in every Visegrad country as well regarding the architecture of cooperation between them, what is essential for any political study of the concerned region. A popular and important topic in the context of Visegrad is associated with security issues. The NATO membership is viewed by the Visegrad Group as a measure for preventing of armed conflict in Eastern Europe what is analyzed in Paul Lutawski's (1993) *NATO's "near abroad": The Visegrad group and the Atlantic Alliance*, and at the same time, important is a discourse of security also in the context of relations between NATO – Visegrad(EU) – Russia what is evaluated for example by Yuri E. Fedorov (2013) in *Continuity and Change in Russia's policy toward Central and Eastern Europe*. Finally, the significant discourse linked with the Visegrad is driven by initiatives proposed within the group and that is having an effect on coherence and functioning of the EU in general. As a first, this is related mainly on relations with Russia, and also a context of Ukraine Crisis – for instance in Lyubov Shishelina's (2015) *Russia's view of relations with European Union and the Visegrad Group*, in which the author discovers profound analysis on the state of relations from a different perspective, clear of stereotypes that are standing in a way of the new cooperation, or by Dangerfield's (2012)

Visegrad Group Co-operation and Russia that is analyzing difficulties to “accommodate” Russia in the foreign policy of the Visegrad and the EU in general. Secondly, the policy of Visegrad’s energy security policy which is very complex due to the parties involved in it with their own market rules and different perceptions of a model that is adequately analyzed in *Natural gas market integration in the Visegrad 4 region: an example to follow or to avoid?* by (Osička, Lehotský, Zapletalová, Černocho, Dančák, 2018). Last but not least, the Visegrad’s discourse concerning the security issues like extremism, radicalism, hybrid threats or migration, elaborated for instance in: *Security-related Cooperation among the V4 states* by Jaroslav Уљiak (2018), or by Olga Potemkina (2016) in *Vishegradskaya Gruppy i Gibkaya Solidarnost* which analyses the objections of the four countries against the EU’s policy of *Solidarity*, more particularly facing the migration policy.

However, during the research, it was noticed that there is also a substantial amount of studies and other researches evaluated by other scholars from particular countries of the Central European region, as well by various institutions united under the platform – *Think Visegrad*, that were useful for the current analysis. To identify the methods of this research – the mentioned sources are subjected to qualitative research, like content and discourse analysis, and case study of single Visegrad member states.

Since its establishment in 1991, the Visegrad Group (V4) was successful in fulfilling its aims to cooperate between its members to achieve such level of freedom, democracy, and principles of a market economy that allowed them to secure integration process into Euro-Atlantic structures in 1999, 2004 respectively. Achieving the Euro-Atlantic integration of the V4 countries has changed the environment of international affairs what brought for its members new challenges related to political, social and economic issues. As the participating countries in Visegrad Group saw their cooperation beneficial, the decision to continue and improvement of

partnership gained effect in the same year, known as the *Declaration of Kroměříž*¹.

Internal and External Dimensions of Cooperation

The common interest of V4 countries presented in the Declaration set the goals in several areas that included internal and external aspects of participation. The internal aspects of cooperation encompassed on the one hand the dimension within the EU and NATO – contribution to the development of *Common Foreign and Security Policy* (CFSP) or strategy towards Western Balkans, and cooperation in the framework of NATO and its defence capacities. On the other hand, internal aspects included also cooperation within the V4 – strengthening of infrastructure, defence or environmental management, but mainly civic element of cooperation by increasing the support of joint projects via *International Visegrad Fund* (IVF) that included the fields of culture, education, science and youth exchange, promotion of tourism and cross border cooperation². The external aspects are related to cooperation with other partners – EU and NATO candidates or within OSCE, UN or OECD member states in the fields of the new challenges and possible joint initiatives³. For even more constructive partnerships, The prime ministers of Visegrad countries also agreed on specific mechanisms of governmental cooperation that included, for instance, one-year presidency, various summits, and meetings of prime and foreign ministers or the structure of IVF and permanent representations

¹ Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their accession to the European Union, 12 May 2004. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/2004/declaration-of-prime> (accessed: 22.10.2019).

² Visegrad Fund, Annual Reports, Annual Report 2004. Available at: <https://www.visegradfund.org/archive/annual-reports/> (accessed: 22.10.2019).

³ Guidelines on the Future Areas of Visegrad Cooperation. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/cooperation/guidelines-on-the-future-110412> (accessed: 22.10.2019).

to the EU and NATO. However, the Visegrad Group lacked any kind of interstate body that would add the level of institutionalization to the partnership, and possibly would add the effectiveness.

The improvements of V4 cooperation made on *Kroměříž Declaration* have been instrumental for future cooperation within the Group itself what has outlined the possibilities for the construction of the regional identity in Central Europe. Nevertheless, these developments were beneficial also for collaboration with respect to the EU and European Neighbourhood Policy (ENP)¹ by sharing of practices and lessons of the V4 countries experienced during the integration process.

The V4 with its geographic position gradually became an influential part of the EU's neighbourhood strategy by deepening of the European integration process. Mitigating the situation in Ukraine after *Orange Revolution* by *Joint Declaration of the V4 Prime Ministers in Kazimierz Dolny* on June 2005 was significant for the implementation of *EU – Ukraine Action Plan* where the V4 concentrated on the exchange of information, regional development or implementation of selected reforms, aimed on strengthening of democratic principles in Ukraine's public life².

The neighbouring policy of the V4 countries has intensified even more after these countries entered the EU's Schengen zone in 2007 and launched an active policy with respect to their eastern border. At this point, the EU started to feel pressure from the Visegrad Group as these countries had spe-

cific relations with their eastern partners for years, and their interest, as well the interests of the EU towards the East has matched what has been proved already during the *Orange Revolution* in Ukraine. To underline their interest, the V4 countries referred to the need of developing more institutionalized cooperation with their eastern neighbours by issuing of *Joint Political Statement of the Visegrad Group on the Strengthening of the European Neighbourhood Policy*³. This document stressed their common historical experience and cultural closeness as well as the necessity for bringing their partners closer to the EU in a more corporate way. Ultimately, thanks to the stimulus from the V4 countries and initiation from Poland and Sweden more particularly, the talks about the need for the establishment of EU's Eastern Partnership (EaP) achieved more weight, and finally, during the EU's presidency of the Czech Republic in 2009, the EaP was launched.

The main intention of the EaP is to expand the economic and political cooperation between the EU and its eastern neighbours, namely – Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, and Ukraine. It allowed mentioned countries (and the whole EU) to accelerate the political partnership, to improve the border policy and economic integration into the EU's internal market, thus the EaP can be assumed as the first major political influence of the V4 countries towards the EU's neighbourhood policy [1, p. 1742] and its membership in the European Union in general.

Cooperation between the EaP countries and the V4 members (EU members respectively) achieved an even more sophisticated level during the Czech presidency of the V4 in 2011/2012 when the new Visegrad 4 Eastern Partnership Programme (V4EaP) was adopted. This programme has significantly increased activities of the IVE, like promoting the democratization and scholarships, or

¹ The ENP was launched in 2004 based on a Communication entitled "Wider Europe – Neighbourhood" adopted by the European Commission one year earlier. The Policy was set as a framework to govern the EU's relations with 16 of the EU's Eastern and Southern Neighbours in order to achieve the closest possible political association and the greatest possible degree of economic integration. The ENP: Evolution and Review. Available at: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (accessed: 23.10.2019).

² Joint Declaration of the Prime Ministers of the V4 Countries on Ukraine, Kazimierz Dolny (June 10, 2005). Available at: <http://www.visegradgroup.eu/2005/joint-declaration-of-the-110412> (accessed: 23.10.2019).

³ Joint Political Statement of the Visegrad Group on the Strengthening of the European Neighbourhood Policy. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/official-statements/documents/joint-political> (accessed: 24.10.2019).

social and economic transformation projects towards the EaP partners¹. Since then, the Visegrad's IVF started to receive funds from partners like Canada, Sweden, the USA, South Korea, and others for their activities in promoting the transformation process in the EaP countries². The importance of the EaP for the EU members and the V4 countries as well is stressed in the document issued in 2016 with the title *A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy* – the most important priorities and principles according to which will EU act for making Europe more stronger and effective in contemporary global issues.³ The efficiency of this strategy is reviewed in the report named “*The EU Global Strategy in Practice – Three years on, looking forward*”⁴, elaborated in June 2019. The responsibilities for the V4's members stemming from this document were underlined during the latest meeting of foreign ministers of the V4 and the EaP representatives on occasion of the 10th anniversary of the Eastern Partnership in May 2019 in Bratislava⁵.

V4+ Cooperation and Western Balkans

Due to its specific geographic location, Central Europe was always a significant region on the political map and during its evolution has learned to withstand and cooperate with different statehoods, identities,

cultures, or religions what has left its trace on the Visegrad countries in contemporary as well. However, every V4 member has experienced different historical developments with various countries and among themselves as well, the fact that Central European countries decided to form constructive institution in a shape of Visegrad Group means that they got through their negative historical legends and animosities, and established new form of effective internal and external cooperation which can serve as an example for the other regions. The effectiveness of the V4 cooperation should be reflected by positive outcomes of foreign policy, and except the EaP, the V4's partisanship is functioning also on different kinds of interregional cooperation – e.g. Benelux countries, *Nordic Council of Ministers or Nordic-Baltic 8*, *The EU Strategy for the Danube Region*, *Three Seas Initiative* or so-called *16+1 Initiative*, but also on principle of cooperation with single countries and in the V4+ format. Nevertheless, taking into account Visegrad's experience with the Euro-Atlantic integration process and the commitment to form a common institution that can serve as a case, the most significant partnership from the perspective of both, the EU and the Visegrad, apart of the EaP is the cooperation between Western Balkans and the V4. At the same time, the V4 is the only regional group that is maintaining the regular partnership with the countries from Western Balkan [2, p. 48].

Parallels of interaction between Western Balkans (WB6 – Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Macedonia, Montenegro, and Serbia) and the V4 (as a member of the EU) can be found in the *CEFTA* arrangement (Central European Free Trade Agreement). The agreement founded in 1992 by the V4 members and gradually joined by other countries served as one of the efficient instruments for mobilization of integration process into the EU. However, the countries which joined the EU have left the *CEFTA*, nevertheless, those which does not fulfil the integration process were joined by others, and so in 2006, the *CEFTA* was joined also

¹ Report on the Czech Presidency of the Visegrad Group July 2011 – June 2012. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/czv4-pres-eng-final> (accessed: 24.10.2019).

² Visegrad Fund. Available at: <https://www.visegradfund.org/about-us/the-fund/?search-query=eastern+partnership> (accessed: 24.10.2019).

³ A Global Strategy for the European Union. Available at: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy/49323/global-strategy-european-union_en Document: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 24.10.2019).

⁴ From Vision to Action: The EU Global Strategy in Practice – Three years on, looking forward. Available at: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy/64034/vision-action-eu-global-strategy-practice-three-years-looking-forward_en (accessed: 24.10.2019).

⁵ The Visegrad Group Joint Statement on 10th Anniversary of the Eastern Partnership. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/the-visegrad-group-joint-190513> (accessed: 24.10.2019).

by Western Balkan countries¹. Therefore, the format of *CEFTA* designed by Visegrad Group serves as model that can help WB6 countries and other candidates to prepare themselves for the EU integration.

The more comprehensive dialogue between Western Balkans and the V4 was initiated by foreign ministers of the Visegrad Group during the Hungarian presidency in 2009 as the wish of the Group to share its experience in the European integration process and to encourage the stability and democratic principles in the region in accordance with the *Thessaloniki Agenda*². Since then, both sides are meeting regularly every year in order to discuss the perspectives and new projects of cooperation. As these meetings are always attended by various delegates with different agendas, they provide also a beneficial platform to present new initiatives, developments or strategies for the representatives of EU member states in the WB region and vice versa. To mention the most significant developments of this multilateral cooperation, one should note the *V4 – Western Balkans Expert Network on Rule of Law and Fundamental Rights*, an initiative to support better reform process with permanent V4 pool of experts presented in 2012³; or funding of around 60 projects of the IVF in the WB6 countries related to democratization, cross-border cooperation, migration or security and defence, and at the same time, the IVF served as the inspiration for cooperation between the WB6 countries what has resulted into establishment of *Western Balkans Fund* in 2015 [3, p. 3–5].

The role of Western Balkans in the common European project has played also at least one very peculiar sequence that is re-

lated to migration crisis since 2015. On the one hand, the migration route stemming from Balkans witnessed an initiative of the V4 countries helping to solve the crisis by sending police and technical support contingents to Macedonia or Serbia what was appreciated by Brussels. On the other hand, the EU's policy of migrant quotas was unanimously rejected by Visegrad common statement⁴, paradoxically, it enhanced Visegrad+ cooperation and found support in some EU countries like Austria, which is aspiring on its function as a bridge between Visegrad and Western European countries⁵.

V4 and Defence Cooperation

The development of the V4's cooperation in context of security and defence among its members was one of the vital interests since the Group's establishment and its desire of Euro-Atlantic integration. As the former members of the Warsaw Pact, and with regards to their heritage of identical, Soviet armament, there was a huge potential for the development of common defensive strategy and military cooperation. Nevertheless, the V4 served only as a political platform for security and defence consultations and possible interoperability of the V4's members armed forces, and the first meeting of Ministers of Defence of the Visegrad countries took place only in November 1999⁶. Since then, the cooperation on defence and security issues increased from the willingness of Czech Republic, Hungary, and Poland (as the fresh NATO members) to accelerate the integration process into Euro-Atlantic structures of its partner – Slovakia, which joined North-Atlantic Treaty in 2004.

¹ CEFTA, Central European Free Trade Agreement. Available at: <https://cefta.int/cefta-parties/> (accessed: 25.10.2019).

² The Visegrad Group stands ready to promote the integration of the countries of the Western Balkans. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/2009/the-visegrad-group> (accessed: 25.10.2019).

³ Joint Statement of the Visegrad Group on the Western Balkans. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2012/joint-statement-of-the> (accessed: 25.10.2019).

⁴ Visegrad nations united against mandatory relocation quotas. Available at: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/visegrad-nations-united-against-mandatory-relocation-quotas/> (accessed: 26.10.2019).

⁵ Austria opts for dialogue with the Visegrad four. Available at: <https://www.euractiv.com/section/central-europe/news/austria-opts-for-dialogue-with-the-visegrad-four/> (accessed: 26.10.2019).

⁶ Visegrad Group Defence Cooperation. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/defence> (accessed: 26.10.2019).

Since then, the defence issues was not on the top of the V4's list, as this agenda became covered by NATO, nonetheless, the V4 has issued several declarations, documents and projects that strengthened the Visegrad defence cooperation, and reassured its commitment stemming from EU/NATO membership as well. Another, and the most significant development of cooperation in terms of defence and military was achieved by signing the *Memorandum of Understanding on Establishment of the V4 European Union Battlegroup* in March 2014.

The idea to launch the V4 Battlegroup formation was adopted in 2011, with the plan to establish common military unit that is "available for rapid deployment within ten days and within a radius of six thousand of kilometres from Brussels" [4, p. 49]. The motivation of the V4's Battlegroup establishment is stemming from the desire of Visegrad countries to enhance the cooperation in this sector and as the motivation to modernise their armies to achieve better compatibility within the NATO and following the agreements of the *Common Defense and Security Policy* (CDSP) of the EU. The first stand-by regime of the V4 Battlegroup was in the first half 2016, deploying around 3000 soldiers altogether.

However, the format of EU Battlegroups is not strictly the V4's invention, as this concept is in the EU fully operational since 2007 on rotational basis whereas two Battlegroups are always stand-by for a period of six months¹, the new impetus from the V4 lies in initiative to prolong its second stand-by regime in 2019 into the permanent V4 multinational force².

¹ EU Battlegroups. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/factsheet_battlegroups.pdf (accessed: 28.10.2019).

² Visegrad Four Defense Cooperation: Years of Missed Opportunities. Available online: <https://warsawinstitute.org/visegrad-four-defense-cooperation-years-missed-opportunities/>

The heads of governments of the V4 countries were discussing the possibility of the joint forces even before first EU V4 Battlegroup deployment. See also: Budapest Declaration of the Visegrad Heads of Government on the New Opening in V4 Defence Cooperation. Avail-

Energy Security

Another dimension of regional cooperation and continuity of policy with intention on improving of neighbourhood relations between V4 countries (and the EU members) and its neighbours, one should mention some achievements also in the aspects of energy security.

Common energy security policy is a relevant, if not the most fundamental topic for Visegrad countries mainly because of their shared inheritance from the communist past connected to dependency on USSR and on Russia in contemporary. On the other hand, from the perspective of the EU's energy security, the V4 countries play here a key role as the transit countries. Despite the fact that crisis related to gas disruption from Russia in the same year of Czech presidency to the EU (2009) – the issue of energy security appears as obvious and its solution should be indisputable duty of EU leaders, however, energy security was one of the main issue on which has Czech Republic focused already during its presidency of V4. Thus, the EU presidency provides for V4 countries opportunity to reflect and possible implementation of their cohesive policies at the multinational level. Such opportunity allowed asserting alternative routes for the gas supply to the EU, independent from Russia, for example, the one very demanded among Visegrad Group – the *Nabucco* pipeline. The project that was due to geopolitical and business factors abandoned in 2013, although the projects of *TANAP* (Trans Anatolian Gas Pipeline) and *TAP* (Trans Adriatic Pipeline) reduced the EU's dependency on gas from Russia, however, they reduced dependency only by one-third of the gas in comparison to that *Nabucco* was supposed to deliver [5, p. 3–5].

Diversification of natural gas sources remained one of the main priorities also during the Hungarian presidency of the V4 in 2009/2010 and later in the interim of the EU presidency in 2011. On the level of the V4,

able at: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2014/budapest-declaration-of> (accessed: 29.10.2019).

an essential improvement in these regards was organizing the V4 *High-Level Energy Working Group*¹ to build the gas interconnection pipelines among the Visegrad countries. For the effective implementation, the V4 has proposed the platform of regional summits where the possibilities of interconnectors are discussed. One of such summits took place in Budapest on February 2010 in format V4+, where a declaration of several Central and South-East European countries promised their will for improvement of the energy security in the region². The Hungarian EU presidency achieved stimulus with respect to energy policy after the *Visegrad Bratislava Declaration* on February 2011 during which the prime ministers of all member countries acknowledged on fulfilling the European democratic values, fostering cohesion in promoting the development of transport infrastructure and cultivate the energy security by expanding the internal energy market³. Its signing was imperative for the development of the *Central and South-Eastern Europe Energy Connectivity* (CESEC) a high-level working group made up of Austria, Bulgaria, Croatia, Greece, Hungary, Italy, Romania, Slovakia and Slovenia and the EU in 2015⁴. Nevertheless, the emergence of CESEC was inevitable to implement the resolution of the European Parliament adopted during EU's presidency by Hungary in 2011, called *Energy infrastructure priorities for 2020 and*

beyond. Its proposed completion in 2020 will among the other issues also diversify the sources and strengthen the safety of gas, electricity and oil resources in the whole EU⁵.

Following the *Bratislava Declaration* and resolution of the European Parliament, the V4 countries continued to support energy security by various reinforcing political steps. One of them was market integration blueprint by issuing the document entitled "*The Roadmap towards the Regional Gas Market*" which outlined the physical integration, market design, institutional framework and external dimension of the V4 gas market integration, issued during the Polish presidency of the Visegrad Group in 2012–2013⁶.

Accordingly, it is important to mention also a project that is substantially initiated by the V4 member, introduced by Slovak TSO (Transmission System Operator) company *Eustream* aimed at diversification of gas resources with its self-infrastructure, called the *Eastring* pipeline. Introduced in 2014, its role is to connect the Slovak transmission system to the Turkish gas hub via Bulgaria, Hungary, and Romania. According to its capacity, the *Eastring* represents significant improvement of EU's internal energy market, with the first phase planned to be built in 2025 allowing it to transfer around 20 billion cubic metres (bcm) annually and second phase operating in 2030 with its possible annual capacity up to 40 bcm.⁷ Since 2015 is *Eastring* listed as PCI (Project of Common Interest), however, since the 22nd of October 2019 the project lost its place in PCI, probably because of the

¹ 2009/2010 Hungarian Presidency – Annual Report. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/2009-2010-hungarian-110412> (accessed: 2.11.2019).

² 2009/2010 Hungarian Presidency – Annual Report. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/2009-2010-hungarian-110412> (accessed: 2.11.2019).

³ The Bratislava Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the occasion of the 20th anniversary of the Visegrad Group. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/2011/the-bratislava> (accessed: 2.11.2019).

⁴ Central and South Eastern Europe Energy Connectivity. Available at: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/infrastructure/high-level-groups/central-and-south-eastern-europe-energy-connectivity#content-heading-0> (accessed: 4.11.2019).

⁵ Publications Office of the European Union, Energy Infrastructure priorities for 2020 and beyond European Parliament resolution of 5 July 2011 on energy infrastructure priorities for 2020 and beyond (2011/2034(INI)). Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/86e3806f-6f96-11e2-9294-01aa75ed71a1> (accessed: 5.11.2019).

⁶ Report of the Polish Presidency of the Visegrad Group July 2012 June 2013/ Visegrad 4 Integration & Cohesion / Ministry of Foreign Affairs Republic of Poland. Warsaw 2013. P. 51–55. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/report-pl-v4-pres-07-131209> (accessed: 5.11.2019).

⁷ *Eastring*, Capacity and Construction. Available at: <https://www.eastring.eu/page.php?page=capacity-construction> (accessed: 5.11.2019).

Turkish-Syrian conflict while confirmation of its out-listing is still a matter of the decision of the European Parliament. Nevertheless, no matter how the decision of the European Parliament is going to be, it would not have a crucial effect on the realization of this project. The platform of V4 summits became profound in promoting of Visegrad interests and its further realization also in other issues.

Conclusion

Visegrad Group definitely is an advantageous format of cooperation that allows its members to promote their common interests in regional and international manners. Its role in European reunification and the EU's integration is indisputable what have been illustrated on the most significant issues on which is the V4 searching constructive solutions via regional and interregional cooperation.

Notwithstanding the fact that the V4 lacks any intergovernmental body or some kind of formal institutional structure, its clearly profiled ambition with common goals are covered by various summits, high-level expert and diplomatic meetings, and cooperation between ministries with the agendas and researches elaborated by different think-tanks, ngo's or cultural institutions united under platform named *Think Visegrad*¹. Membership of the Visegrad countries in different

organizations and its intensive cooperation in defensive policy of the NATO and the EU is strengthening the foreign and security policy of its actors both, regionally and globally. Effective cooperation and share of the same interests and attitudes on the important EU issues among the countries outside the V4 brings the possibility of potential extension of Visegrad Group of new members.

Indeed, there are also topics, which are reshaping the relations between the EU and the V4 – topics like migration policy, as well European issues on which are having the V4 members other opinions among themselves – the Russian foreign policy. Anti-migration policy of the V4 countries, with the rise of national, chauvinistic, radical-right parties - strictly in the breach with the official politics of Brussels and fundamental values of the EU, duplicated with pro-Russian sentiment (that is “forbidden” by Brussels) is bringing a question whether is Visegrad Group relevant model to follow for European integration? One should say probably not, however, there are many contemporary factors in world politics that are influencing the negative answer on this question, nevertheless, if we would apply only the “raw” format of Visegrad idea in its inception and look on the benefits it brought, the answer would be probably more positive.

Статья поступила в редакцию 04.03.2020

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

1. Dangerfield, M. (2009). The Contribution of the Visegrad Group to the European Union's 'Eastern' Policy: Rhetoric or Reality? In: *Europe-Asia Studies*, 2009, vol.61(10), 1742 p.
2. Domaradzki S., Fronczak T., Strazay T., Vit M., Orosz A. Regional Convention on the European Integration of the Western Balkans / Visegrad Group and the Western Balkans Countries. In: *Visegrad Fund*. 2018. 48 p.
3. Juzová J., Orosz S., Sadecki A., Strážay T. Visegrad Group's cooperation with Western Balkans: achievements and the way forward. In: Institute for Democracy “Societas Civilis” - Skopje. 2019. pp. 3–5.
4. Paulech M., Urbanovská J. Visegrad Four EU Battlegroup: Meaning and Progress. In: *Defence and Strategy*, 2014, vol. 14(2), p. 49. DOI: 10.3849/1802-7199.14.2014.02.049-060
5. Tagliapietra S. The EU-Turkey Energy Relations after the 2014 Ukraine Crisis. Enhancing the Partnership in a Rapidly Changing Environment. In: *Fondazione Eni Enrico Mattei (FEEM)*. 2014. pp. 3–5.

¹ Think – Visegrad V4 Think Tank Platform. Available at: <https://think.visegradfund.org/> (accessed: 6.11.2019).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Višňovský Radovan – Postgraduate student, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University;
e-mail: visnovskyr@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радован Вишнёвский – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: visnovskyr@gmail.com

FOR CITATION/

Višňovský R. The role of the Visegrad group in the EU integration. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 142–151.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-142-151

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вишнёвский Р. Роль Вышеградской группы в интеграции ЕС // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 142–151.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-142-151

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Джордж Бердо Гранди (Великобритания)

ПОЛИТИКА СПАРТЫ¹

Аннотация

Вниманию читателей предлагается перевод работы британского историка и политолога Джорджа Бердо Гранди (1861–1948). Гранди не только специализировался на истории Древней Греции и Древнего Рима, но и считается одним из основоположником такого интересного научного направления, как политическая психология. Преподавал в Оксфордском университете. В данной статье Гранди критически оценивает выводы Диккинса о существовании партийной политики в Древней Спарте. Гранди выделяет ряд направлений политики Спарты: поддержание должного уровня боеспособности спартиатов, поддержание своего влияния на Пелопоннесе в формате Союза, поддержание баланса сил в остальной части Греции, безразличие к делам и проблемам за пределами материковой Греции. Работа написана в жанре научной критики.

Ключевые слова: Спарта, политика, Гранди, Диккинс, спартиаты, Древняя Греция, научная критика

Grundy G. B. (Great Britain)

THE POLICY OF SPARTA

Abstract

This text is a translation of an article by the English historian and political scientist George Beardoe Grundy (1861–1948). Grundy is famous not only for investigating the history of Ancient Greece and Ancient Rome, but also for founding such an interesting research direction as political psychology. His whole career was connected with Oxford University. In this article, Grundy critically assesses Dickens' conclusions about the existence of party politics in Ancient Sparta. Grundy singles out a number of directions in Spartan policy: the maintenance of the military efficiency of the Spartiate population; the maintenance of a direct sphere of influence in Peloponnese in the form of a league; the maintenance of a balance of power in Northern Greece; indifference towards affairs outside the mainland of Greece. The work was written in the genre of scientific criticism.

Keywords: Sparta, politics, Grundy, Dickens, Spartiate population, Ancient Greece, scientific criticism

В двух статьях, опубликованных за последний год в журнале *Classical Quarterly*, одна вышла в октябре 1911 г., другая – в свежем номере этого года, г-н Диккинс вы-

¹ Н.с. VOL. XXXII.

Перевод выполнил Я. Ю. Моисеенко, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, с текста оригинального издания: Grundy G.B. The Policy of Sparta // The Journal of Hellenic Studies. 1912. No. 32. P. 261–269 / Translated by Yan Yu. Moiseenko, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, from Grundy G.B. The Policy of Sparta .The Journal of Hellenic Studies. 1912. No. 32. P. 261–269.

разил определённые взгляды касательно главных направлений политики Спарты во второй половине VI–V вв. до н. э. Поскольку обе его статьи однозначно нацелены на опровержение взглядов, выраженных лично мной и моими коллегами как на страницах данного журнала, так и в других изданиях, я хотел бы привести на это аргументированные возражения.

Во-первых, г-н Диккинс не преминул использовать имеющиеся у него особые возможности, чтобы изыскать информацию о древнем периоде Спарты, и потому он приводит в своих статьях большое количество новых, прежде неведомых, фактов. Что же, за эту часть его работы каждый, изучающий историю Древней Греции, должен быть ему премного благодарен. Однако же основные недостатки его работы дают о себе знать, как только мы переходим к выводам, которые он делает на основании приводимых им новых свидетельств, не говоря уже о той скупой учтивости, с которой он обращается с некоторыми из старых, но надёжных источников. Г-н Диккинс опирается на некоторые свидетельства Геродота и при этом игнорирует другие его замечания. Так же он обращается и с Фукидидом. Что касается позиции Аристотеля по данному вопросу, то г-н Диккинс словно считает её совершенно не достойной внимания, ведь работы Аристотеля как будто бы вводят нас в заблуждение относительно того, что представляла собой Спарта не только в древние времена, но и в V в. до н.э. Мне же кажется вполне разумным предположить, что в распоряжении Аристотеля в IV в. до н.э. имелись куда более убедительные свидетельства относительно спартанского государственного уклада V в., нежели те, которыми обладаем мы с вами, в XX в. от Рождества Христова, либо будут обладать наши потомки. Я не стану, конечно, утверждать, что положения Аристотеля, основанные на этих свидетельствах, точны во всех деталях; однако и способа доказать их абсолютную неправоту для нас не существует. Более

того, те знания о Спарте, которые передал нам Фукидид, в целом согласуются с положениями Аристотеля, а в чём-то и совпадают с ними.

Что касается новых фактов, представленных г-ном Диккинсом, то я всецело приветствую их, потому что они дают мне ещё больше оснований полагать, что выводы, к которым я пришел с учётом ранее существовавших свидетельств, по сути своей верны.

И я предлагаю рассмотреть только ту часть работы г-на Диккинса, которая имеет отношение к истории Спарты между 550 и 400 гг. до н.э., поскольку это тот период, когда для заинтересованного учёного историческая ретроспектива эпохи начинает превалировать над археологической.

Общие выводы г-на Диккинса относительно спартанской политики того периода таковы:

1. В то время в Спарте существовало две партии: партия монархистов во главе со Спартанским Царём, и партия антимонархистов во главе с Эфорами.

2. До начала царствования Архидам (468 г. до н.э.) партия монархистов Спарты была империалистической, а партия антимонархистов – соответственно, антиимпериалистической. Но лишь только царь Архидам показал себя приверженцем антиимпериализма, как все антимонархисты стали империалистами.

К этому г-н Диккинс добавляет и третий вывод, который, насколько я понимаю, выглядит следующим образом:

3. Политика предшествующих Архидаму царей, как ни трактуй её, была направлена против сословия спартиатов, поскольку имела план объединения Лакедемонского государства путем предоставления илотам гражданской и, по всей видимости, политической свободы¹.

Мои собственные выводы таковы:

¹ Я надеюсь, что правильно изложил точку зрения г-на Диккинса, поскольку, к сожалению, данный вывод представлен в его статье в весьма расплывчатой форме.

1. Что касается времени военачальника Лисандра, то есть последних десятилетий V в. до н.э., то в Спарте не было партий и, следовательно, не существовало никакой партийной политики вообще. Говоря современным языком, проводилась просто «государственная политика», основанная на согласии внутри полиса. Это можно утверждать определённо; и от этой политики отходили очень редко, и то лишь в силу эксцентричности таких могущественных личностей, как Клеомен или Павсаний, или из-за политических интересов Коринфа.

2. Эта политика неотступно следовала четырём принципам:

(А) Поддержание на должном уровне боеспособности спартиатов, что было необходимо для подавления илотов в пределах самой Спарты, и сведение к минимуму любых рисков, которые могли бы стать причиной для эмиграции больших групп спартиатов.

(Б) Поддержание своего влияния на Пелопоннесе в формате Союза, что позволяло спартиатам контролировать другие полисы и уменьшало риск тайного взаимодействия этих полисов с илотами.

(С) Поддержание баланса сил в остальной части Греции, особенно между Афинами и Беотией, что позволяло не допускать вмешательства других греческих полисов в дела Пелопоннеса.

(D) Безразличие к делам и проблемам за пределами материковой Греции.

Г-н Диккинс не приводит никаких новых фактов, несовместимых с этим взглядом на спартанскую политику.

При этом необходимо принять во внимание общеизвестные факты, которые делают предложенное им прочтение, по меньшей мере, сомнительным.

Кажется маловероятным, чтобы нечто, напоминающее «партийную систему», могло возникнуть в обществе людей, которые с рождения и до могилы подчинялись такой суровой дисциплине, как та, что, начиная с 550 г. до н.э., существовала в Спарте. Всё изменилось вследствие

политики военачальника Лисандра, когда некоторые спартанцы стали получать должности за границами полиса, где они вкусили «сладкий плод» личной свободы. Неудивительно, что этим мужчинам уже не хотелось возвращаться к суровым нравам своего во многом закостеневшего отечества. Именно тогда, но уж никак не раньше, и возникла империалистическая партия Спарты, которая противостояла её политике предыдущих полутора веков.

Опять же, можно ли поверить в то, что какое-либо сообщество веками подчинялось законам столь суровой жизни, которую привык вести спартанец, и делало это лишь для того, чтобы предотвратить проявление тиранической власти Царя, которую она могла бы смести в любой момент?

Чтобы понять спартанскую политику, необходимо осознавать, что образ жизни спартанца уникален не только по своей форме, но ещё более примечателен он тем, что веками сохранялся благодаря свободной воле всего народа. Он не мог быть навязан спартамцам каким-либо человеком или группой людей. Если бы это произошло, это всё равно не продлилось бы долго. Но люди не соглашались жертвовать личной свободой и комфортом, кроме как под давлением неких неотвратимых обстоятельств. Спартанец согласился на тяжёлую жизнь, потому что был убеждён, что от этого зависит его личная безопасность. Таково свидетельство Аристотеля; то же самое подразумевалось и в работах Фукидида; более того, всё это проистекает из природы самого человека. Современные писатели, которые отвергают подобные истины – какими бы образованными они ни были – не могут даже надеяться, что им удастся убедить тех, кто хоть сколько-нибудь уважает свидетельства прошлого.

Несомненно, что столь важный факт внутренней жизни Спарты не мог не оказать доминирующего влияния на её внешнюю политику. Но сама система, пусть и прекрасно выстроенная в интересах

личной безопасности её авторов, также чревата возможными опасностями. Превосходство вооружения, которое производили спартанцы, искушало человека, владевшего им – честолюбивого царя или полководца – использовать его в полной мере; ибо пословица Гомера «Само собой прилипает к руке роковое железо»¹ (др. греч.: αὐτὸς γὰρ ἐφέλκεται ἄνδρα σίδηρος) верна для всякой эпохи.

Жёсткая дисциплина, в условиях которой жили спартанцы, безусловно, подавляла свободу общественного мнения, так что амбициозный, влиятельный человек мог долгое время проводить политику, противоречащую интересам и взглядам массы спартиатов, не вызывая при этом протестов с их стороны, с которыми он не был бы способен совладать.

Обращаясь же к фактам спартанской истории с 550 по 400 г. до н.э. в том виде, как они были представлены г-ном Диккинсом, я должен быть лаконичен в свои комментариях. Поэтому я просто приведу ссылки на его работу и попытаюсь продемонстрировать, насколько упомянутые факты согласуются как с его собственными взглядами, так и с моими.

На страницах 19–22 последнего номера *Classical Quarterly* г-н Диккинс повествует об изменениях, которые претерпела Спарта под влиянием Хилона. Далее (на стр. 23) следует ссылка на интриганство Клеомена и Павсания в очень знаменательный для нас период, о котором мне предстоит рассуждать позже. Затем идут некоторые замечания по поводу распределения «клеров» (др. греч.: κλήρος), то есть земельных наделов, предоставляемых спартиатам. При этом г-н Диккинс полностью игнорирует тот факт, что в рамках новой политики Спарты, имевшей ряд ограничений, спартанцы не имели другой возможности приобретать новые земли, кроме как путём завоевания территорий, лежащих за пределами областей, на которые распространялся кон-

троль спартанского государства. Приобретение новых наделов подразумевало также приобретение новых илотов; и в Спарте однажды пришли к выводу, что большее число илотов, чем уже было в подчинении на тот момент, будет просто невозможно контролировать.

Затем мы сталкиваемся со следующим утверждением г-на Диккинса: «Нет ни малейшего доказательства, что указывало бы на какое-то серьёзное недовольство илотов спартанской политикой в этот период, или на какие-либо трения между спартиатами и илотами».

Но это лишь риторика, которая не имеет никакого отношения к истории; и г-н Диккинс должен быть осведомлён об этом лучше, нежели кто-либо другой. Ведь главный источник сведений, который он использует чтобы обрисовать положение дел в Спарте от Хилона до Клеомена – это его собственные гипотезы. Более того, гипотезы г-на Диккинса противоречат тем немногим античным свидетельствам (из того, чем мы все располагаем) об истории Спарты в этот период. И они не дают нам никаких намеков на то, что с конца VI в. до н.э. происходили какие-либо изменения условий сосуществования спартиатов и илотов. И даже если замечания г-на Диккинса относятся ко времени Хилона, то всё равно нет никаких конкретных доказательств существования мотивов, побудивших его к изменению этой политики. Что же касается предположение г-на Диккинса о том, что Хилон как будто бы желал тем самым испытать могущество спартанских царей, оно является такой же гипотезой, как и то, что его замысел призван был защитить спартанцев от опасности, которую представляли собой илоты – с той разницей, что вторая гипотеза согласуется со свидетельствами, относящимися к Спарте V в. до н.э.

Опять, если считать антимонархизм истинной причиной политических процессов в середине VI в., как мы можем объяснить тот факт, что главным их результатом стало (и обязано было стать)

¹ Гомер. Одиссея. Песнь шестнадцатая, строки 293–294. Перевод В.А. Жуковского.

повышение военной эффективности государства, в котором управление вооруженными силами находилось в руках тех самых царей, абсолютную власть которых, как нам пытается показать г-н Диккинс, пытались как-то сдержать. В Спарте всякая индивидуальность была подчинена коллективу – не просто подчинена, она была сведена на нет. Однако единственным основанием, благодаря которому изначально свободные люди могли бы стабильно существовать в подобных условиях, было общественное согласие. Есть только два мотива, которые побуждают человеческую природу подчиняться такому ограничению личной свободы – страх или религиозный фанатизм; и никто ещё не смог учесть спартиатов в последнем. Человеческий страх также не выражается в принятии мер, рассчитанных на то, чтобы сделать его причину (в данном случае г-н Диккинс пытается нас убедить, что это был страх перед царём) ещё более ужасной. Мы всё же имеем дело не с расой лунатиков, а с весьма одарёнными людьми, среди которых были и Брасид, и Гилипп и Лисандр.

Г-н Диккинс, казалось бы, осознал слабость позиции, занятой им в своей первой статье. Поэтому он и выдвигает гипотезу о том, что настоящая причина опасений, которые спартиат испытывал перед илотами, заключалась в том, что цари Спарты, вынашивая планы узурпации власти, намеревались провозгласить себя тиранами и лишить спартиатов политической исключительности путём освобождения илотов и уравнивания их с ними в правах. Это, конечно, смелая гипотеза, основанная на тончайших доказательствах, иначе и не скажешь. Но как же странно, что никто из историков и политических философов V–IV вв. так и не смог уловить ни малейших признаков политики такого калибра¹!

¹ Фукидид в книге «Истории» (I, 132), приписывает данную политику Павсанию. Однако Павсаний никогда не был спарганским царём, он был полководцем и действовал по собственному усмотрению.

Что ж, это действительно вопрос более позднего времени. Обратимся к фактам, приведённым г-ном Диккинсом в связи с переменами, отсылающими нас к 550 г. до н.э.

Действия знаменитого эфора Хилона, насколько они нам известны, соответствуют скорее гипотезе о «государственной» (т. е. «полисной», в нашем контексте) политике, нежели о партийной политике. Его позиция по острову Китира указывает на то, что он опасался внешнего вторжения на территорию Лакедемона – это и был главный мотив внешней политики Спарты в V в. до н.э. Хилон увеличивает влияние эфората и даже наделяет его правом свергать царей. Эфорат – это выбранный орган, который проводит политику от имени полиса; а царская власть – единственная власть в Спарте, узурпировав которую, амбициозный лидер может помешать осуществлению этой политики. Если г-н Диккинс прав в своей интерпретации, то внедрение культа Диоскуров имеет аналогичную с этим мотивацию. Равно как и изменения в политике в отношении Тегеи полностью совпадают с магистральной линией политики Спарты в V в. Таким образом, если подвести итог, идентичность политических идей, что отсылают нас к 550 г. до н.э., с идеями V в. ясно указывает на факт, что они имеют общие мотивы и основания, а даже г-н Диккинс признаёт, что в V в. спартиаты испытывали определённый страх перед илотами.

Восстание илотов Мессении были разгромлено Спартой примерно в 620 г. до н.э. В той войне мессенцами помогали другие полисы Пелопоннеса, в том числе жители Аркадии и Аргоса. Но за семьдесят лет, прошедших с 620 по 550 гг. до н.э., они, должно быть, поправили своё положение; как раз в этот период экспансия Спарты получила серьёзный отпор со стороны Тегеи. Спартиаты осознали, что илоты превосходят их числом настолько, что уже представляют реальную угрозу; и вторжения на территории соседних го-

сударств стали трактоваться как несущие дополнительную опасность. Спарта вполне была способна покорить Тегею, что она и сделала несколько лет спустя; но у неё уже не было возможности щадить пленных, чтобы держать их затем в подчинении – количество порабождённого населения уже превышало возможности Спарты по принуждению его к покорности. И поэтому ей приходилось держать оборону против соседних народов, на случай, если они возьмутся за «дело» покоренных – бросят Спарте вызов.

Что касается стр. 24–25 статьи г-на Диккинса, то крайне затруднительно будет прокомментировать их содержание, не злоупотребив отведённым мне для данной статьи форматом. Так или иначе, он цитирует (непреднамеренно, конечно) свои собственные гипотезы и делает это так, что начинает казаться, будто бы они адресованы студентам, изучающим греческую историю, и таким, у кого нет ни времени, чтобы вникать в детали исторических свидетельств, ни склонности к этому, отчего они готовы принять на веру, что все эти гипотезы принадлежат перу древних историков. Г-н Диккинс заигрывает с самыми наивными из этих невежд, занимается гаданиями на «кофейной гуще» истории, когда повествует о тех якобы катастрофических последствиях, которые приумножение земельных наделов имело бы для спартиатов, если бы Спарта продолжила вести политику завоеваний. Он утверждает, что новые земли неминуемо повлекли бы за собой предоставление гражданских прав проживающему на них населению. Но я не вижу ни одного свидетельства, что предыдущие расширения Спартанского государства вынудили бы вести такую внутреннюю политику.

Политика, направленная против установления тиранических режимов в Греции, естественна для такого государства, как Спарта, которая всеми средствами старалась предотвратить возвышение какого-либо центра силы в Элладе. Ведь

тираны почти без исключения укрепляли те государства, в которых они правили.

Мне жаль, но у меня нет возможности конструктивно разобрать все аспекты статьи г-на Диккинса на страницах данного журнала. Так что пока я могу оценить только самые общие выводы, к которым он пришёл.

На стр. 24, например, он пишет: «После того как Клеомен начал тешить себя идеей массового распространения гражданских прав среди илотов, их надежды были слишком легко пробуждены, а за этим последовало состояние разочарования и гнева». (Примечание г-на Диккинса: «Отрывок из четвёртой книги «Истории» Фукидида (IV, 80) следует рассматривать применительно к V в. до н.э., но именно илоты Мессении всегда были настоящими врагами спартанского государства»).

Те, кто обратит внимание на упоминание Диккинсом отрывка из книги Фукидида, возможно, испытает некоторые сомнения по поводу того, можно ли достичь какой-то разумной цели, принимая доказательства такого плана столь легкомысленно. У Фукидида говорится, что «устрашённые дерзостью многочисленной молодёжи илотов», лакедемоняне поступали с илотами таким образом (далее Фукидид описывает, как именно), поскольку принимаемые ими решения *всегда определялись мерами предосторожности против илотов!*

Но давайте обратимся к утверждению г-на Диккинса, поскольку именно оно представляет краеугольный камень всей аргументации его статьи.

На самом деле у нас есть *три* заявления, которые потенциально могут иметь огромное историческое значение:

(1) Клеомен вступал в тайный сговор с илотами;

(2) Он обнадёживал илотов предоставлением им гражданства;

(3) Надежды илотов не оправдались, что послужило причиной их недовольства и превратило их потенциальную угрозу для Спарты.

Следует заметить, что (2) логически опирается на (1), а (3) – на (2). Но это ещё не всё; поскольку на этих трёх утверждениях основывается четвёртое, которое является ключевым моментом аргументации г-на Диккинса:

(4) Важным элементом политики партии «роялистов» в Спарте было объединение государства путём предоставления илотам гражданских прав.

Теперь остается изучить, на каких именно свидетельствах г-н Диккинс основывает это своё «четырёхэтажное» изложение предполагаемых фактов.

Все свидетельства будут приведены на стр. 31 (*ad fin.*) и стр. 32 (*ad init.*) этого номера журнала.

Пункты (2) и (3) сформулированы таким образом, как если бы они были историческими фактами, однако ни один из них таковым не является. (2) – это всего лишь гипотеза, выведенная из (1), а (3) – это гипотеза, выведенная из (2). Следовательно, свидетельства г-на Диккинса не распространяются за пределы первого этажа этого, с позволения сказать, «великого» исторического здания.

Но когда мы обратимся к доказательству (1), оно оказывается настолько слабым, что, не появившись оно в печати, ни один автор не осмелился бы основать на нём какую-либо серьёзную гипотезу, а тем более построить ещё три этажа на таком слабом «фундаменте».

У Платона, в книге «Законов» (III, 692E и 698E), упоминается, что во время битвы при Марафоне имело место восстание илотов или, скорее даже, «мессенская война». Также у Павсания (IV, 15.2) прослеживается на страницах преемственность, восходящая к Риану, александрийскому писателю III в. до н.э., согласно которой Леотихид был царём Спарты в ходе Второй Мессенской войны.

Свидетельства, извлечённые из «Законов» Платона, весьма расплывчаты и запутанны; и некоторые очевидные исторические ошибки, допущенные там в контексте, не прибавляют уверенности

в истинности свидетельств о времени битвы при Марафоне. Что же касается свидетельства Павсания, то здесь вовсе наблюдается явный анахронизм, что должен признать и сам г-н Диккинс.

Но предположим, на основании этих явно сомнительных доказательств можно допустить, что на Пелопоннесе в это время происходило восстание илотов – несмотря на молчание Геродота и иных историков по этому поводу. Однако даже в этом случае, всё равно нет никакого упоминания о Клеомене в связи с этими событиями.

Таким образом, восстание илотов основано на свидетельствах, которые по крайней мере сомнительны.

На этом основана – без всяких доказательств – гипотеза г-на Диккинса о том, что Клеомен был ответственен за это восстание.

На этом основана – опять же без доказательств, гипотеза о том, что целью политики Клеомена было предоставление илотам гражданских прав.

На этом основана – и снова без доказательств, гипотеза о том, что предоставление илотам гражданских прав было целенаправленной политикой партии «монархистов».

Следует ли воспринимать это нагромождение гипотез в качестве некоего серьёзного вклада в историю?

Но как поступить с Павсанием? Ведь он действительно был обвинён в тайных переговорах с илотами – это произошло в 470 г. до н.э., говорит нам г-н Диккинс. В 470 г. Павсаний был отчаявшимся человеком, и его последней политической картой была поддержка илотов. Но из свидетельства Фукидида ясно, что Павсаний не представлял никого, кроме как себя самого. Кроме того, хотя и Фукидид верит этой истории, он признаёт, что у эфоров никогда не было доказательств против Павсания по данному пункту обвинительного заключения.

Генезис этой большой гипотезы о «монархической» политике, в которой были

замешаны илоты, вполне ясен. Г-н Диккинс полностью и с самого начала осознал, что его первоначальная теория о том, что спартиаты не восставали против образа жизни, суровость которого едва ли имеет аналоги в истории, просто чтобы защитить себя от посягательств царей (которых они могли бы свергнуть), и от института царской власти (который военная мощь народа Спарты могла бы ликвидировать в любой момент), была попросту слабой. Ведь она не предоставляла реального объяснения, почему спартанская система была столь устойчива перед различными вызовами, в том числе вызовами времени. Поэтому г-н Диккинс попытался подкрепить свою основную гипотезу ещё одной, почти столь же важной и претенциозной – гипотезой о том, что спартанские цари якобы желали и предпринимали попытки вести политику предоставления илотам гражданских прав, направленную против спартиатов.

Мы мало знаем о Клеомене, и мы можем признать этот факт, несколько не стесняясь. Исходя из того, что мы действительно знаем о нём, мы вряд ли имеем право называть его империалистом. Всё, что мы можем сказать более или менее определённо: он не симпатизировал уж чересчур сдержанной внешней политике спартанского государства и пытался использовать своё положение, чтобы сделать её более целеустремлённой и решительной. Личные амбиции, несомненно, играли определённую роль в его политике. Но у нас нет оснований утверждать, что он был империалистом в том смысле, какими являлись Лисандр и Агесилай. Его отношения с Афинами (а это та часть его политики, о которой мы осведомлены больше всего) могут проиллюстрировать нам, чем его замыслы отличались от государственной политики Спарты. В основном, он сыграл важную роль в изгнании Писистрата из Афин, но в этом начинании эфорат Спарты, возможно, был с ним солидарен, так как данный афинский тиран в последние годы нахождения

у власти установил тесные отношения с Аргосом, что являлось тяжким преступлением в глазах спартанских патриотов, всегда опасавшихся вмешательства Аргоса в дела Спарты на Пелопоннесе (дальнейшие события подтвердили, их опасения были не беспричинны). Но на этом пути Клеомена и спартанских националистов разошлись. Клеомен, судя по всему, надеялся и ожидал, что Афины вернутся к аристократической олигархии старого толка, поскольку в таком случае они стали бы практически полностью зависимы от Спарты, ведь существование олигархии в Афинах было возможно только за счёт спартанской поддержки. Но патриоты Спарты не желали установления в Афинах зависимого режима, поскольку последнее было чревато вовлечением Спарты в военные конфликты далеко от Пелопоннеса. Сами Афины ещё не являлись тем грозным государством, в которое они превратятся спустя тридцать лет. Спартанский патриот мог опасаться лишь двух вещей: зависимость Афин от Спарты может вовлечь спартиатов в обязательства, которые они не хотели бы выполнять, или уничтожение Афин может нарушить баланс сил в Средней Греции. Потому, когда около 506 г. до н.э. Клеомен хотел разыграть против Афин мощную комбинацию, эфорат занял твёрдую позицию по этому вопросу и сорвал его планы. Да и в целом эфоры были необычайно последовательны в решениях, как и во всей своей политике. Примерно так же они действовали и в 404 г. до н.э. Примечательно, что в 506 г. до н.э. Коринф действовал в согласии с эфоратом Спарты: либо потому, что боялся политики Клеомена, либо потому, что хотел использовать Афины против Эгины.

В конце 490-ых гг. до н.э. Клеомен, как будто бы, возвращается к прежней политике поддержки аристократической партии. Но дело в том, что к этому времени о напряжённости отношений афинских демократов с Персией должны было уже стать известным в Спарте, а вероятности

того, что персидская держава выступит в качестве важного политического фактора на западном побережье Эгейского моря, было бы вполне достаточно, чтобы спартиаты всецело согласились с политикой Клеомена. Тем не менее складывается такое впечатление, что это согласие не было до конца искренним, ведь во времена битвы у Марафона, как и в других аналогичных случаях, эфорат позаботился о том, чтобы выполнение возложенных на Спарту обязательств к северу от Коринфского перешейка было сведено к минимуму.

Политика Спарты в отношении Аргоса менялась в течение этих полутора веков, в зависимости от политической ситуации в остальной Греции. Аргос наотрез не собирался вступать ни в один Пелопоннесский союз под руководством Спарты. Следовательно, первой мыслью было стереть Аргос с лица земли. Клеомен был очень близок к исполнению этого плана – почему он так и не реализовал его, мы не можем даже предположить, поскольку не обладаем для того достаточными свидетельствами. Тем не менее его неудачу в этом начинании в любом случае нельзя приписывать империалистической политике. Спарта изменила свою политику позже, когда уже Коринф стал проблемным членом Союза; ибо Аргос был весьма полезен как противовес равноправному Коринфу, как постоянная угроза ему. Ещё позже Спарта сочла необходимым проявить определённую деликатность в отношениях с Аргосом, чтобы не толкнуть его «в объятия» теперь уже грозных Афин.

Политика Клеомена, судя по тому немногому, что нам о ней известно, была направлена на более прямое управление греческими государствами как на Коринфском (Истмийском) перешейке, так и за его пределами, нежели то, что были готовы осуществлять спартанские патриоты. Отсюда, без сомнения, и вытекает ссора между ним и эфоратом. Возможно, он прибег к совсем отчаянным мерам в

последние дни своей жизни, но доподлинно мы этого не знаем.

Если бы мы не были стеснены рамками журнальной статьи, то мы бы рассмотрели спартанскую политику по следам работы мистера Диккинса и после 480 г. до н.э. Но как бы то ни было, мы должны уделить внимание ещё одному важному моменту.

Какую роль в спартанской политике играл Архидам?

Что мы знаем о личности и политических взглядах этого человека? Немного, если не считать того, что поведал нам Фукидид.

Историку свойственно характеризовать выдающихся современников и их политику, вкладывая в уста героям на страницах своих книг показательные речи. Следовательно, мы можем заключить, что речь Архидама в первой книге «Истории» Фукидида должна была иллюстрировать его политические взгляды и общественные воззрения. Если это было так, то характер его правления был определён признанием того, что система связанных друг с другом крепостей одной великой военно-морской державы привнесла в военное искусство того времени элемент, с которым великая сухопутная держава, какой и была Спарта, не могла совладать – попытка взять укрепления была чревата катастрофическими последствиями.

Первый этап Пелопоннесской войны (англ.: *The Ten Years War*) показал обоснованность занятой Архидамом позиции. Так, частью его стратегии было следовать политике «невмешательства» – до поры избегать прямых военных столкновений с Афинами. Спартанские патриоты, пусть по другим причинам, до определённого момента поддерживали своего царя в хитросплетениях дипломатических интриг, предшествовавших Пелопоннесской войне. Ответственность за эпидамский конфликт вокруг Керкиры лежала на Коринфе, более чем на ком-либо ещё, так что Спарта позволила Афинам урегулировать его за счёт коринфских интересов. Но

когда Афины вмешались в торговые дела Мегары, тем самым они нанесли удар уже по Пелопоннесскому союзу, поддержание которого являлось основным принципом спартанской внешней политики. После мегарского инцидента уже не осталось причин толковать позицию Спарты через призму имперских амбиций.

Гипотеза г-на Диккинса по поводу того, что стоило Архидаму, который представлял царскую власть, занять антиимпериалистическую позицию, как «антимонархическая» партия (как называет её г-н Диккинс), в этот же самый момент стала империалистической, в крайней степени неправдоподобна. Его позиция страдает непоследовательностью. С одной стороны, он признает, что к этому времени страх перед илотами уже влиял на спартанскую политику и стеснял её; одновременно с этим он рассчитывает убедить нас, что после землетрясения 464 г. до н.э., когда этот страх

достиг своего пика, эфорат принял решение отринуть всякую осторожность, к которой этот самый страх их склонял. Вероятно, эфоры поступили так из «одной строптивости»?

Мы прокомментировали основные моменты в статье г-на Диккинса и с удовольствием разобрали бы её во всех нюансах, но такой экскурс потребовал бы много большего объёма страниц, чем мы вправе попросить редакторов журнала отвести нам для этих целей. Нужно всё же признать, что г-н Диккинс внёс действительно важное дополнение к имеющимся у нас знаниям о раннем периоде в истории Спарты. Но его реконструкция событий V в. до н. э. столь же неверна, как и его попытки объяснить их предпосылки и последствия. Ведь он отверг свидетельства античных авторов, чей авторитет всё же должен быть непререкаем для тех, кто хочет написать подлинную историю V в. до н. э.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джордж Бердо Гранди (1861–1948) – британский историк и политолог;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

George Beardoe Grundy (1861–1948) – british historian and politician;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гранди Дж. Б. Политика Спарты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 152–161.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-152-161

FOR CITATION/

Grundy G. B. The policy of Sparta. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 152–161.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-152-161

УДК 3(091)(049.32)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-162-168

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ РОССИИ: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XX В. : В 4 ТТ. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2020

Абрамов А. В.^{1,2}, Абрамова Ю. А.²

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119234, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

² *Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

BOOK REVIEW: PUBLIC THOUGHT IN RUSSIA: FROM ANCIENT TIMES TO THE MIDDLE OF THE TWENTIETH CENTURY: IN 4 VOL. M.: POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 2020

A. Abramov^{1,2}, Yu. Abramova²

¹ *Lomonosov Moscow State University
27, kor. 4, Lomonosovskii pr-t, Moscow GSP-1 119234, Russian Federation*

² *Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Особое место в структуре современных социально-гуманитарных дисциплин занимает раздел, посвящённый истории научной мысли. Однако обычно этот материал оказывается разобраным по научным «квартирам»: педагоги исследуют педагогические учения, историки – исторические, социологи – социологические, политологи – политические и т.п. Возникает ситуация, когда один и тот же мыслитель оказывается основоположником или виднейшим представителем целого ряда наук. При этом зачастую взгляды исследователя вырываются из его мировоззренческого контекста, а также отделяются от эпохи, в которую были сформированы. Попытку преодолеть такой фрагментарный подход и представить российскую общественную мысль в её целостности и развитии предприняли хорошо известные по своим предыдущим публикациям [См.: 2, 3, 8, 9] сотрудники Института общественной мысли в своей новой работе – капитальном четырёхтомном исследовании «Общественная мысль России: с древнейших времён до середины XX в.».

К написанию томов были привлечены прекрасные специалисты. О значимости издания говорит тот факт, что научными редакторами и авторами отдельных то-

мов стали широко известные в России и за рубежом историки И. Н. Данилевский, А. Б. Каменский, В. В. Шелохаев и В. В. Журавлёв (два последних – лауреаты Государственной премии РФ).

Первый том (ответственный редактор И. Н. Данилевский) посвящён становлению общественной мысли в допетровской Руси. Книгу открывает написанное доктором исторических наук Л. А. Опёнкиным внушительное предисловие (более 40 страниц), представляющее собой историографический очерк истории изучения общественной мысли России. Тщательность исследователя не может не впечатлить: в обзоре учтены, кажется, все работы: и монографические, и обобщающие, посвящённые проблеме, начиная от сочинений М. О. Кояловича, Н. А. Бердяева, П. Н. Милюкова, Г. В. Плеханова, Р. В. Иванова-Разумника и т.п. до научных статей, материалов конференций и даже кандидатских и докторских диссертаций. В предисловии можно выделить два блока: первый посвящён характеристике этапов изучения российской общественной мысли, второй – анализу содержания самого понятия «общественная мысль». По сути предисловие задаёт параметры, по которым в дальнейшем выстроены все остальные тома издания.

Основное содержание первого тома (авторы – кандидат исторических наук И. Л. Андреев и доктор исторических наук И. Н. Данилевский) посвящено очеркам развития общественной мысли IX–XVII вв. При этом авторы разумно отказались от хронологического принципа построения и, как и было заявлено в предисловии, сконцентрировали своё внимание на отражении в общественном сознании важнейших вопросов: экология и экономика (авторы трактуют данные сюжеты, восходя к этимологии слова: от древнегр. *oikos* (экос, эйкос) – обиталище, место жительства), идентификация, идеология (генезис российского мессианизма), легитимность власти светского

правителя, соотношение светского и духовного, личности и социума (вопросы свободы, права и социальной иерархии). Такая композиция позволяет авторам сделать интересные выводы и обобщения. При этом очевидны и проблемы, которые прекрасно осознаются самими исследователями: принципиальное отличие картины мира древнерусского человека от современной [4, с. 55] и чрезвычайная узость источниковой базы ранних этапов российской истории. Иначе говоря, предпринимая попытки реконструировать мировоззрение людей, живших в допетровской России, исследователи, во-первых, вынуждены не только переводить с древнерусского, но и буквально заниматься дешифровкой и истолкованием древних текстов, а во-вторых, опираться на то небольшое число письменных источников общественной мысли, которые есть в распоряжении современной науки. Тем не менее авторы с честью справляются с указанными проблемами. Первый том читается с большим интересом.

Второй том, охватывающий общественную мысль XVIII – первой четверти XIX вв., более мозаичен. Последнее объясняется прежде всего значительным числом соавторов (в создании второго тома приняли участие десять сотрудников Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», включая научного редактора – доктора исторических наук А. Б. Каменского), а также разнообразием источников (XVIII в. стал временем широкого распространения грамотности среди российского дворянства, следствием чего явился рост числа записок, сочинений, дневниковых и иных записей).

Структура второго тома в целом повторяет сюжеты предыдущей книги: главы посвящены представлениям россиян о личности, политике, праве и экономике. Новой темой становится отношение социума к науке и образованию, по понятным причинам не освещённая в первом томе. К числу достоинств второго

тома следует отнести во-первых, погружённость в эпоху: авторы характеризуют российскую общественную мысль не саму по себе, но в контексте европейских идей, являвшихся стимулом для творчества российских авторов; а во-вторых, обилие нового материала (при написании глав часто используются извлечённые из архивов, то есть впервые вводимые в науку, документы).

К числу недостатков второго тома можно отнести, пожалуй, лишь сравнительно небольшое место, уделённое глубинной народной мысли. Несмотря на содержащееся во введении утверждение о том, что общественная мысль – это не только взгляды образованной части населения, но и «представления народных низов, простонародья» [5, с. 13], собственно народным воззрениям посвящена лишь одна из восьми глав тома (Глава 7. «Народные представления о власти»). Указанный недочёт легко объясним: поскольку, как уже отмечалось, в XVIII – начале XIX вв. синонимом грамотного человека являлось слово «дворянин» (исключения типа М. В. Ломоносова, Г. Н. Теплова, М. М. Сперанского лишь подтверждают правило), большинство памятников общественной мысли создано именно представителями дворянского сословия. Тем не менее, основания для реконструкции картины мира простолюдинов имеются: это различные «прелестные грамоты» восставших, челобитные, а также практически не использованные авторами фольклорные источники: пословицы и народные сказки. Последние позволяют в известной степени скорректировать безапелляционный вывод авторов, солидаризовавшихся с П. В. Лукиным, в том, что в народном сознании сакрализация монарха обозначала обожествление не личности царя, но его функций [5, с. 403]. Анализ народных сказок демонстрирует иное: фигура царя в преданиях восходит к архетипическим представлениям о правителе как о харизматической личности, наделенной сверхъестественными

способностями, позволившими попасть в «иное» царство, преодолеть невозможные для обычного человека испытания, опасности и даже смерть [1].

Второй том, так же как и первый, читается с неослабным интересом, а галерея российских мыслителей XVIII – начала XIX вв. не может не изумить. Авторы, кажется, не упустили из поля своего зрения ни одного мало-мальски известного российского учёного, общественного деятеля, писателя и публициста.

Большая часть **третьего тома** посвящена российской общественной мысли XIX в. – судьбоносному времени в истории страны. Не будет большим преувеличением заметить, что именно XIX в. стал эпохой рождения русской национальной культуры, отражающей в своём содержании специфику общественной жизни России. Именно в это время оформляются русская литература, музыка, живопись, общественные науки, начинается «золотой век» национальной общественной мысли, мучительно пытающейся осмыслить происходящие в стране события и предугадать траектории её будущего развития. В этой связи весьма уместным выглядит обращение авторского коллектива третьего тома, состоящего из десяти человек под руководством доктора исторических наук В. В. Шелохаева, к проблемам нации и национального, которым посвящена третья глава тома.

Именно контекст поиска национального даёт ключ к пониманию дискуссий западников и славянофилов, либералов и нигилистов, охранителей, конституционалистов и революционеров. Следует заметить, что авторский коллектив блестяще справляется с непростой задачей осветить все перипетии развития российской общественной мысли. При этом, как и в предыдущих томах, описание происходит не по хронологическому, а по проблемному принципу. Главы книги посвящены осмыслению публицистами и политиками XIX – начала XX вв. проблем личной свободы, национальной идентич-

ности, экономики, законности, трансформации и устойчивости политической системы. Особую пикантность книге придает пугающе современное описание отношений непримиримых интеллектуальных фракций российского социума: «...В российской интеллектуальной среде из поколения в поколение воспроизводились традиционные негативные тенденции. Речь прежде всего идёт о крайних формах взаимного общения, бескомпромиссном характере оценок и суждений. По сути интеллектуальная среда... оказалась неспособной к цивилизованным формам разрешения конфликтов» [6, с. 9].

Несомненной новацией третьего тома является первая глава, характеризующая коммуникацию между интеллигенцией и народом, обществом и властью. Особый интерес представляет попытка квантифицировать субъект общественной мысли – публику – путём соотнесения её с долей грамотного, читающего населения России [6, с. 17–24]. Не менее интересны в контексте определения численности общест­венности и статистические данные, характеризующие российский политический абсентеизм [6, с. 25, 29]. Несмотря на распространённое мнение о едва ли не всенародной поддержке деятельности земских органов и Государственной думы, их популярность в широких слоях населения была довольно скромной. Таким образом, как и в XVIII веке, общественная деятельность пореформенной России оставалась уделом меньшинства населения.

Как и в предыдущих случаях, в третьем томе представлен внушительный ряд деятелей, которых можно квалифицировать как лидеров общественного мнения. Увы, в силу ограниченности объёма издания на страницах тома не нашли достаточного полного освещения идеи известных российских писателей – Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, произведения которых становились событиями не только в литературной, но и в общественной

жизни, вызывая жаркие политические дискуссии. Ещё менее, чем во втором томе, уделено внимания представлениям о социуме в среде простолюдинов.

Четвёртый том посвящён общественной мысли русского зарубежья XX в. Его несомненным достоинством является то, что авторы пошли по пути изучения взаимопроникновения российской и западной культур и выделения двух типов общественной мысли, а не по пути «столкновения цивилизаций» [7, с. 3]. В данном томе удалось показать особенности мировоззрения представителей русского зарубежья и раскрыть комплекс факторов, на него влияющих: стратовые (классовые) стереотипы, предвзятость, бескомпромиссность и категоричность, личные обиды, а также недостаток информации о происходящем на Родине [7, с. 9–10].

Во «Введении», написанном доктором исторических наук В. В. Журавлёвым, очень точно определяется главная черта общественной мысли русского зарубежья – стремление «дойти до самой сути», понять причины произошедшего в 1917 г. и оценить перспективы будущего развития России [7, с. 10]. При этом отмечается наличие в эмигрантской среде множества школ и подходов. Впрочем, как показало время, большинство представителей эмиграции так и не смогло снять те политические шоры, которые она примерила на себя ещё в детстве.

Центральной темой четвёртого тома стал вопрос о судьбе России. Покинувшие Родину мыслители неоднократно писали о великой миссии (особом призвании) русского народа, «русской идее», которая заключается в сохранении христианского (православного) наследия, соединении народов и преображении человечества [7, с. 58–59, 85]. По мнению евразийцев, России было предопределено создать новую систему духовных ценностей Запада и Востока [7, с. 91–92]. Однако большая часть представителей русского зарубежья была уверена в том, что выполнение

миссии русским народом возможно было лишь после свержения советской власти [7, с. 72, 93].

Не могли обойти вниманием авторы тома и вопрос о природе русской ментальности и духовности. Проанализировав и обобщив весь спектр мнений представителей эмиграции по этому вопросу, авторам четвёртого тома удалось сделать вывод о полицентрическом развитии российской цивилизации и её «евразийской душе» [7, с. 154], а также выделить черты русского характера, показав его противоречивость, религиозность, вариативность и пр. [7, с. 154–155].

Довольно современно звучат размышления одного из наиболее ярких представителей эмиграции Н. А. Бердяева о решении в России национального вопроса. По заключению философа, национализм с его эгоцентризмом, гордостью и самомнением губителен для страны и противостоит созидательному патриотизму и любви к Родине [7, с. 51].

Как и в предыдущих томах издания, в четвёртой книге уделяется особое значение вопросам взаимоотношения народа и власти, личности и общества. Анализ позиций по данному вопросу позволяет увидеть и преодолеть ошибки прошлого. Так, в начале XX в. общественность Российской империи не смогла взглянуть на проблемы с государственной точки зрения [7, с. 189] и тем самым упустила шанс реформирования страны.

По-новому трактуют авторы четвёртого тома события 1917 г., рассматривая их как единый процесс – Великую российскую революцию 1917–1921 гг. [7, с. 219]. Для большинства эмигрантов революция 1917–1921 гг., естественно, оценивалась как катастрофа, главной причиной которой был объявлен кризис духовности [7, с. 248–250].

Особый интерес в контексте современных «войн памяти» представляет глава, посвящённая оценке Русским зарубежьем роли СССР в борьбе с фашизмом. Представленный материал позволит читателю сделать самостоятельный вывод об отношении некоторых эмигрантов к германскому нацизму и фашизму, страхнув с представителей зарубежья налёт мученичества и безгрешности [7, с. 401–417, 427–432].

Оценивая в целом четырёхтомник «Общественная мысль России: с древнейших времён до середины XX в.», можно сказать, что книга, несомненно, является значимым событием в современных социальных и гуманитарных науках. Широкая проблематика и междисциплинарный характер делает её интересной для представителей различных специальностей – философов, историков, социологов, политологов, экономистов, юристов. Скрупулёзно собранный и во многом уникальный, впервые введённый в оборот материал позволяет исследованию превратиться в настольную книгу как у серьёзного учёного, так и молодого, начинающего специалиста – студента и аспиранта.

Единственным недостатком рецензируемой фундаментальной работы является её незавершённый характер – описание общественной мысли не охватывает советский период. Авторы остановились на самом интересном месте – революционных событиях 1917 г., то ли не решившись продолжить, то ли сознательно создав интригу. Хочется надеяться в верности последнего предположения и полагать, что в будущем нас ожидает новый интересный научный проект, посвящённый драматичным перипетиям общественной мысли XX–XXI вв.

Материал поступил в редакцию 03.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. «Царь, царевич, король, королевич»: образ правителя в народной русской сказке // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 173–181.
2. Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX в.: в 119 тт. / Институт общественной мысли. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
3. Модели общественного переустройства России. XX в. / В. В. Зверев и др.; отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 606 с.
4. Общественная мысль России: с древнейших времён до середины XX в.: в 4 тт. Т. 1. Становление общественной мысли допетровской Руси / отв. ред. И. Н. Данилевский. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 527 с.
5. Общественная мысль России: с древнейших времён до середины XX в.: в 4 тт. Т. 2. Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX в. / отв. ред. А. Б. Каменский. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 549 с.
6. Общественная мысль России: с древнейших времён до середины XX в.: в 4 тт. Т. 3. Общественная мысль России второй четверти XIX – начала XX в. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 486 с.
7. Общественная мысль России: с древнейших времён до середины XX в.: в 4 тт. Т. 4. Общественная мысль Русского Зарубежья / отв. ред. В. В. Журавлёв. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 567 с.
8. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлёв. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 704 с.
9. Революционная мысль в России XIX – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлёв. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 613 с.

REFERENCES

1. Abramov A. V. ["Tsar, Tsarevich, King, King's Son": the image of the ruler in the Russian folk tale]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2020, no. 71, pp. 173–181.
2. *Biblioteka otechestvennoi obshchestvennoi mysli s drevneishikh vremen do nachala XX v.: v 119 tt. / Institut obshchestvennoi mysli* [Library of Russian public thought from ancient times to the beginning of the XX century: in 119 vol. / Institute of Public Thought]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2010.
3. Zverev V. V., et al, Shelokhaev V.V., executive ed. *Modeli obshchestvennogo pereustroistva Rossii. XX v.* [Models of social reconstruction in Russia. XX century]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2004. 606 p.
4. *Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneishikh vremen do serediny XX v.: v 4 tt.* [Public Thought of Russia: from ancient times to the middle of the XX century: in 4 vol.]. I.N.Danilevskii, executive ed. *T.1. Stanovlenie obshchestvennoi mysli dopetrovskoi Rusi* [Vol. 1. The formation of public thought of pre-Petrine Russia]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2020. 527 p.
5. *Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneishikh vremen do serediny XX v.: v 4 tt.* [Public Thought of Russia: from ancient times to the middle of the XX century: in 4 vol.]. A. B. Kamenskii, executive ed. *T. 2. Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – pervoi chetverti XIX v.* [Vol. 2. Social thought of Russia in the XVIII–first quarter of the XIX century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2020. 549 p.
6. *Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneishikh vremen do serediny XX v.: v 4 vol.* [Public Thought of Russia: from ancient times to the middle of the XX century: in 4 vol.]. V. V. Shelokhaev, executive ed. *T. 3. Obshchestvennaya mysl' Rossii vtoroi chetverti XIX – nachala XX v.* [Vol. 3. Social thought of Russia in the second quarter of the XIX – early XX century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2020. 486 p.
7. *Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneishikh vremen do serediny XX v.: v 4 tt.* [Public Thought of Russia: from ancient times to the middle of the XX century: in 4 vol.]. V.V. Zhuravlev, executive ed. *T. 4. Obshchestvennaya mysl' Russkogo Zarubezh'ya* [Vol. 4. Public Thought of the Russian Diaspora]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2020. 567 p.
8. Zhuravlev V. V. executive ed. *Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya: Entsiklopediya* [Public Thought of the Russians Abroad: Encyclopedia]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2009. 704 p.

9. Zhuravlev V. V. executive ed. *Revolutsionnaya mysl' v Rossii XIX – nachala XX v.: Entsiklopediya* [Revolutionary thought in Russia of the XIX – beginning of the XX century: Encyclopedia]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2013. 613 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: abram-off@mail.ru

Абрамова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: yulia-abramova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrei V. Abramov – Cand. Sci. (Political sciences), Associate Professor, Department of comparative political science Lomonosov Moscow State University, Department of Political science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: abram-off@mail.ru

Yuliya A. Abramova – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: yulia-abramova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абрамов А. В., Абрамова Ю. А. Рецензия на книгу: *Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 тт.* М.: Политическая энциклопедия, 2020 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 162–168.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-162-168

FOR CITATION

Abramov A. V., Abramova Yu. A. Book review: Public thought in Russia: from ancient times to the middle of the twentieth century: in 4 vol. Moscow, Political encyclopedia Publ., 2020. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 162–168.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-162-168

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор А. Д. Дзюбак
Переводчики А. С. Барминова, Н. Г. Попова, Н. Г. Юрышева
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 13, усл. п.л. 10,75.

Подписано в печать: 26.02.2021. Выход в свет: 16.03.2021. Заказ № 2021/02-12.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А